

Національна академія наук України
Інститут історії України
Інститут політичних і етнонаціональних досліджень

Гриневич В. А., Гриневич Л. В.

СЛІДЧА СПРАВА
М. А. МУРАВЬОВА:
ДОКУМЕНТОВАНА ІСТОРІЯ

Київ 2001

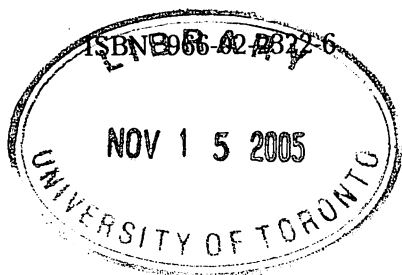
Гриневич Владислав Анатолійович – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України.

Гриневич Людмила Володимирівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України.

У книзі представлені матеріали Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення РСФРР у справі головнокомандуючого радянських військ в Україні М.А.Муравйова, що була порушена проти нього навесні 1918 р. Документи відтворюють невідомі епізоди війни радянської Росії проти УНР Центральної Ради взимку 1917 - навесні 1918 рр., розкривають специфіку соціальної психології та політичних настроїв муравйовських військ. Розрахована на науковців, студентів вищих навчальних закладів, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією.

Науковий рецензент - доктор історичних наук, професор С.В.Кульчицький

Друкується в авторській редакції.

© Інститут Історії
України НАН України

ШТРИХИ ДО ПОРТРЕТА МИХАЙЛА МУРАВЬОВА

Війна, що розгорнулася взимку 1917 - навесні 1918 рр. між РСФРР і УНР Центральної Ради, завжди привертала і привертає увагу дослідників. Тільки останнім часом в Україні були підготовлені докторська, кілька кандидатських дисертацій,¹ побачили світ ряд книг - археографічних публікацій² та новітніх досліджень,³ а також чимало наукових і науково-популярних статей,⁴ повністю або частково присвячених цій темі. Більш глибокому розумінню суті подій, що розгорнулися понад 80 років тому в Україні, сприяє видана науковцями Інституту історії України НАН України збірка документів з історії Центральної Ради.⁵ І все ж, говорити про існування повної наукової картини вищезазначеної війни не доводиться, адже чимало питань, пов'язаних з нею, все ще залишаються нерозв'язаними.

Суттєві прогалини існують у висвітленні як самого ходу війни, так і участі в ній окремих військових частин, особистостей. Як це не здається парадоксальним, проте до цього часу залишаються практично невідомими обставини життя навіть деяких з найбільш помітних постатей цієї війни. Це стосується, приміром, Михайла Муравйова - колишнього підполковника російської армії, головнокомандувача радянських військ в Україні.⁶

Найбільш ранньою і, по суті справи, єдиною спробою подати біографічний нарис більшовицького головному, стала видана у Москві в 1918 р. брошура І.Печоріна “Полковник Муравйов. Красноречивые факты.” Остання, як можна судити на основі порівняльного аналізу джерел, містить в цілому достовірні факти біографії підполковника, проте інтерпретує їх у доволі тенденційному дусі. Автор (певно лівий есер) склав справжній панегірик своєму герою, характеризуючи його як “талановитішого російського самородка, крупнішого організатора, переконаного соціаліста та найчеснішу людину,” як “батька нової соціалістичної армії, нового її бойового духу” і т. ін.⁷

Чимало епізодів, пов’язаних із перебуванням М.Муравйова в Україні наприкінці 1917 - на початку 1918 р., містять видання мемуарного характеру. Найбільш інформативним серед них безперечно слід вважати видану в Москві-Петрограді впродовж 1924-1933 рр. працю В.Антонова-Овсієнка “Записки про Гражданскую войну”.⁸ Останній подав (більш тверезу, хоча також не позбавлену певної тенденційності) доволі докладну, підкріплену архівними документами оцінку діяльності підполковника в Україні. В книзі також наведені деякі подробиці “ранньої біографії” Муравйова, вміщено його портрет - мабуть єдиний відомий на сьогодні.

Серед праць, які висвітлюють останній період життя М.Муравйова - його короткотривале перебування на посаді командуючого Східним фронтом, невдалу спробу підняти лівоесерівський заколот проти більшовиків та обставини загибелі - варто назвати опубліковані в 1928 р. журналом "Пролетарська революція" спогади В.Алексеева "Боротьба з чехословацьким заколотом у Поволжі."⁹

Втім, усі вищеназвані публікації давно вже стали раритетом, а подані в них біографічні дані про М.Муравйова практично не використовувалися у більш пізніх радянських виданнях. Вміщені в ряді енциклопедичних довідників короткі статті про підполковника, характеризували його як "політичного авантюриста" і, не вдаючись до подробиць дореволюційного минулого, робили наголос на періоді його співпраці з більшовиками.¹⁰

А проте, навіть і цей період життя Муравйова висвітлювався доволі неповно - тут також існували свої "зони замовчування". Скажімо, дотепер навіть у середовищі науковців залишається маловідомим той факт, що після повернення навесні 1918 р. до Москви колишній головком був заарештований Чека із звинуваченням у контрреволюційній діяльності в Україні, певним наслідком якої, начебто, й стало падіння в ній більшовицької влади. Для розслідування дій М.Муравйова була створена спеціальна комісія, яка працювала більше місяця. Тим часом сам екс-

головком перебував у в'язниці, проте, в решті-решт, був виправданий та звільнений “за відсутністю складу злочину”. Практично невідомими до цього часу є й обставини “ранньої біографії” М.Муравйова.

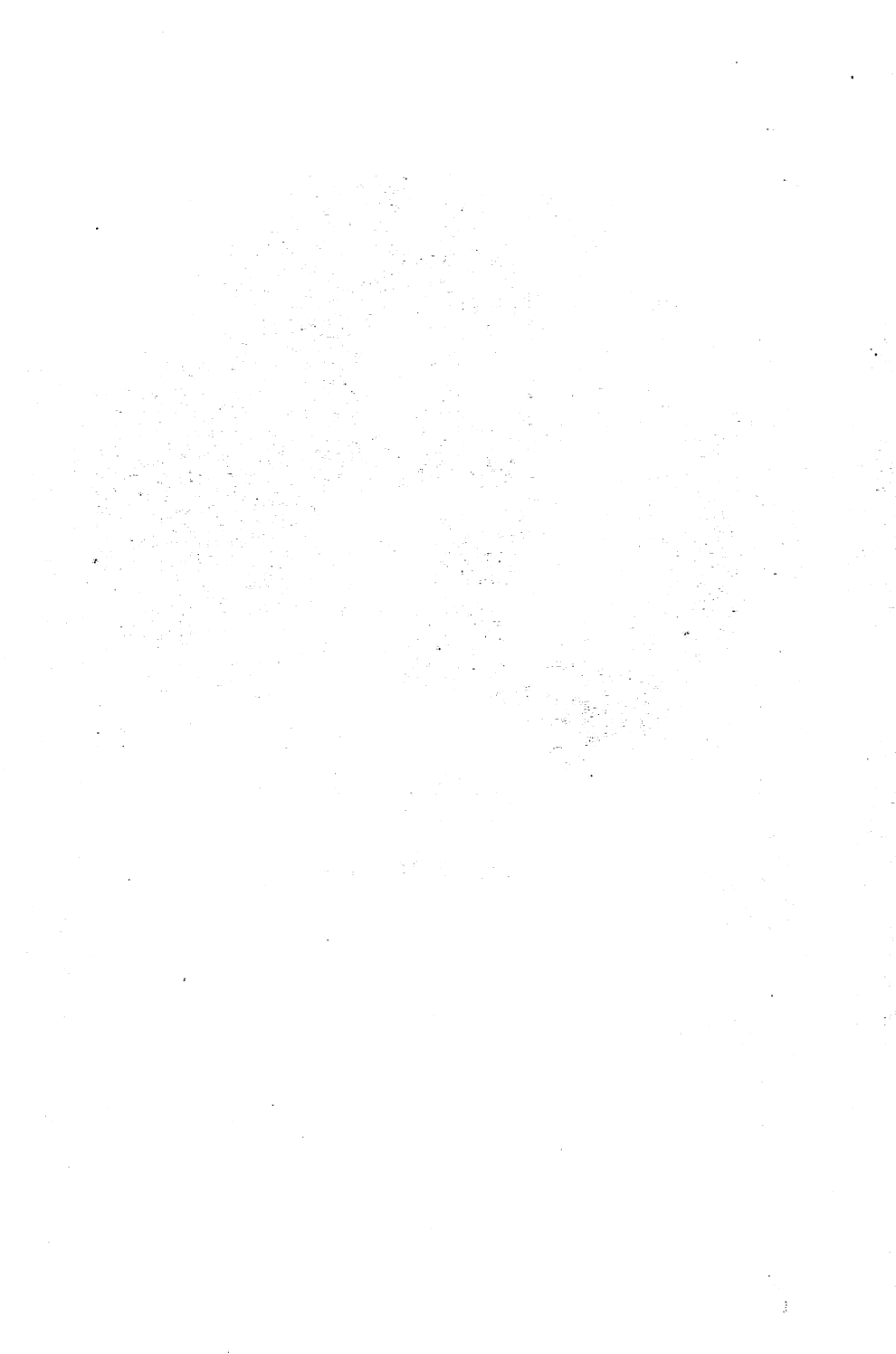
Отже, хто він, цей антигерой української історії? Які саме мотиви спонукали офіцера російської армії піти на співпрацю з більшовиками і навпаки - чому саме на нього, М.Муравйова, останніми була зроблена ставка у боротьбі проти українства? Нарешті, за що більшовики намагалися судити Муравйова і чому виправдали?

***

Як можна побачити на основі датованого 25 жовтня 1916 р. послужного списку М.А.Муравйова, майбутній підполковник російської армії мав зовсім недворянське походження.¹¹ Народився він 13 вересня 1880 року в с. Бурдуков Костромської губернії в селянській родині. Сім'я М.Муравйова не відзначалася заможністю, відтак хлопцю довелося вже змалку працювати - пастухом і т. ін. Утім, батько все ж віддав сина до сільської школи і той виявив здібності до навчання. Прагнучи допомогти розумній дитині, попечитель школи на свої кошти відправив Михайла до повітової школи, по завершенню якої він поступив до Новинської семінарії, що готувала сільських учителів. Проте молодий М.Муравйов явно не був націлений на те, аби “сіяти розумне, добре, вічне”: в семінарії його

М.А.МУРАВЬОВ

добре знали не стільки по успіхах у навчанні, скільки як учасника численних бешкетів та бійок між семінаристами. Після однієї з таких “кулачних стінок” його, як заводило, було виключено з семінарії.¹² Проте екс-семінарист і не думав про повернення в село. Злиденне життя, важка праця - все це його не приваблювало. І ось 15-ти річний парубок утікає до Петербурга. Мабуть так і вештався б він серед крадіїв і злочинців по кишлах північної Пальміри, якби не щасливий випадок. Сталося так, що один із офіцерів - викладач Петербурзького кадетського корпусу Міхневич звернувся до Муравйова за посередництвом в одній “доволі делікатній справі.” Послуга за послугу - і ось офіцер складає протекцію хлопцю, даючи йому можливість фактично без документів скласти іспити для вільнонайманих при 1-му кадетському корпусі.¹³ Так вчорашній люмпен перейшов на службу до армії Його Імператорської величності.

З липня 1898 р. М.Муравйов перебував в 11-му Гренадерському Фанагорійському полку, що стояв у Ярославлі. Через рік він поступив до Казанського піхотного юнкерського училища, по завершенню якого влітку 1890 р. був направлений до 1-го піхотного Невського полку, дислокованого у м. Рославль Смоленської губернії. Перед 20-тирічним підпоручиком відкривалися перспективи подальшої військової кар’єри і він робив усе, аби проявити свої здібності та виділитися серед інших.

Щодо останнього, то такої нагоди не довелося довго чекати.

Під час т.зв. Курських маневрів, будучи на чолі одного з розвідувальних загонів “південної маневреної армії,” що нею командував дядько царя, князь Сергій Олександрович, Муравйову вдалося захопити в полон самого генерала О. Куропаткіна - командуючого “північної маневреної армії”. Останньому було запропоновано негайно йти до штабу, проте той, не бажаючи опинитися в незручному становищі перед Миколою II, категорично відмовився. А проте і завзятий поручик аж ніяк не був налаштований відпускати таку “цінну здобич”. Кінець-кінцем, вкрай роздратований Куропаткін був змушений вдатися до останнього аргументу, звернувшись до Муравйова з такими словами: “Як командувач армії я не маю права відмовлятися від Вашої пропозиції, проте як військовий міністр, що особисто вам знайомий, наказую відпустити мене”.¹⁴ Отож, вельможного полоненого-таки довелося звільнити, проте ця подія все ж набула широкого розголосу в військах, зробивши з поручика доволі відомою особу.¹⁵

З цього свого становища М.Муравйов користувався сповна. Невдовзі, крім репутації хороброго та перспективного офіцера, він уже був добре знаний як невтомний танцюрист, “дамський серцеїд” та дуелянт. Останнє, в решті-решт, ледь не коштувало йому кар’єри: під час однієї з сварок на

полковому балу він убив на дуелі офіцера, за що був позбавлений офіцерських погонів і мав бути направлений на півтора року до арештантських рот. Проте втрутилися “впливові заступники” і це покарання було замінено 1,5 міс. гауптвахти.¹⁶ Муравйову також було повернуто офіцерське звання, щоправда довести право на нього йому належало на фронті.

Саме тоді почалася російсько-японська війна і провинного поручика в жовтні 1904 р. було направлено у м. Мукден до штабу Маньчжурської армії, а звідти - командиром роти до 122-го піхотного Тамбовського полку. Воював М.Муравйов хоробро, та під час одного з боїв у лютому 1905 р. був важко поранений у голову, внаслідок чого, як можна судити за медичними документами, у нього “залишилися важливі та не вилікувані наслідки, пов’язані з пошкодженням нервових стволів та виражені у головокружіннях, послабленні слуху на праве вухо, обмеженні поля зору на праве око тощо.”¹⁷

За відвагу, проявлену в боях з японцями, М.Муравйов був нагороджений орденами Св. Анни та Св. Володимира 4-го ступеню. Після перебування у госпіталі для поправки здоров’я його спочатку було направлено на лікування за кордон, потім відряджено на рік до 13-го Лейб-Гренадерського Єреванського полку (кліматичні умови Кавказу, на думку лікарів, були сприятливими для поручика) і, нарешті - до

Казанського піхотного училища на посаду молодшого офіцера.

Тут, в Казані М.Муравйов провів шість з половиною років. У цей період життя його увійшло, так би мовити, в буденне русло: викладав в училищі гімнастику і фехтування, отримувач чергові звання (штабс-капітана у 1909, капітана - у 1913 р.), не обходили його й нагородами (одержав ордени Св. Анни та Св. Станіслава 3 ступеня, медалі: за російсько-японську війну, у пам'ять 100-річчя Вітчизняної війни 1812 р., до 300 річчя царювання Дома Романових).

Налагодженим було також і його особисте життя - ще до прибуття у Казань М.Муравйов оженився на дочці командира 224-го піхотного резервного Скопинського полку Олені Петрівні Андрєєвій, яка наприкінці 1907 р. народила йому дочку Ірину.

І все ж, судячи по всьому, таке розмірене і непоказне життя було Муравйову не до душі - військові лаври явно не давали йому спокою. Відтак з початком Першої світової війни він зголосився до діючої армії.

Прохання було задоволене - в серпні 1914 р. капітана було переведено до Невського піхотного полку, а в жовтні цього ж року - командиром роти до 12-го Гренадерського Імператора Олександра III Астраханського полку. Однак на війні Муравйову явно не щастило. Пробувши у боях десь коло місяця, вже на початку листопада 1914 р. під

Краковом він отримав важке поранення осколком гранати.

І знову госпіталь - на цей раз у Царському Селі. Тут Муравйов провів майже місяць. Зауважимо, що цей госпіталь находився під патронатом царської родини, тож умови в ньому були значно кращими, ніж в інших місцях (між іншим, сама цариця, Олександра Федорівна, а також її фрейліни працювали тут сестрами милосердя). Відтак, поранений не був обійдений увагою й турботою оточуючих, проте сам він так вочевидь не вважав.

Якось, за визнанням самого Муравйова, коли йому випадково не подали завчасно порції вина, він влаштував справжній скандал, репетуючи при цьому: "Воюєш за них, а їм чарки вина шкода."¹⁸ Така неврівноваженість капітана була пов'язана, з однієї сторони - з його вдачею, а з іншої - зі станом нервової системи: як видно з медичних документів, внаслідок поранення вона була вкрай розладнана. Навіть напередодні виписки з госпіталю лікарі фіксували у Муравйова "сильні головокружіння, стомлюваність, загальну слабкість, поганий сон, вночі - часті кошмари..."¹⁹

Зрозуміло, за таких обставин про повернення на фронт не могло бути й мови. Тож, капітан був відзначений черговим орденом (св. Станіслава 2-го ступеня) та направлений в тил - до 2-ї Одеської піхотної школи прапорщиків на посаду ротного командира, де й прослужив більше року. А

втім, в Одесі Муравйов не прижився: тут він почав сваритися з адміністрацією школи і, кінець-кінцем, був змушений покинути її. У вересні 1916 р. його було переведено до однієї з авто шкіл у Петрограді, а пізніше до Кременчука, де зараховано до резерву XI-ї армії Південно-Західного фронту.

Тим часом в Росії наближалася революція. Відчуваючи кардинальні зміни в суспільстві, М.Муравйов не бажав залишатися осторонь цих процесів. Віддаючи данину часові, він увійшов до щойно створеного армійського комітету при XI-й армії, сподіваючись в такий спосіб змінити своє положення й добитися, в решті-решт, того, аби “грати перші ролі”. І знову невдача: надмірно амбіційний, запальний капітан з про-кадетськими поглядами не користувався особливими симпатіями комітетників. Проте він не втрачав оптимізму. Яюсь під час короткотермінового перебування в Петрограді, вийшовши на міністра юстиції О.Керенського, а через нього на військового міністра О.Гучкова, запропонував себе як організатора відданих урядові т.зв. добровольчих ударних загонів.²⁰ З цією ідеєю М.Муравйов виступив і на армійському з’їзді південно-західного фронту.²¹

Як це визнавав пізніше сам М.Муравйов, його ініціатива не справила на О.Гучкова належного враження.²² Проте у середовищі військових (зокрема, з боку генерала О.Брусилова) ця ідея, як така, що й без М.Муравйова вже давно

“вітала у повітрі”, знайшла найактивнішу підтримку: за умов розвалу фронту, масового дезертирування вояків пропозиція сколочувати формування добровольців не здавалася такою вже й абсурдною.²³ Тим більше, що їх можна було використовувати проти більшовиків, розкладаючи діяльність яких в армії ставала дедалі відчутнішою (щодо останнього, то на цьому, між іншим, М.Муравйов робив особливий наголос: за спогадами очевидців, він вимагав для себе батальйон, аби розігнати “цю сволоту” - як він публічно називав більшовиків).²⁴

Отже, генерал О.Брусилов почав посилено “пробивати” ідею організації “ударних батальйонів” в Петроградській Раді. Між тим, М.Муравйов не став чекати на позитивне вирішення цього питання: у липні 1917 р. він створює т.зв. Всеросійський Центральний Комітет по організації Револьюційної армії з добровольців тилу, стає його головою²⁵ й навіть приступає до конкретних дій по формуванню загонів. У цій справі він здобуває нових “впливових покровителів.”²⁶ Серед них був, зокрема, есер Б.Савинков - комісар Тимчасового уряду при Ставці головковерха, а пізніше - комісар Південно-Західного фронту, керуючий військового міністерства. Саме він і сприяв підвищенню М.Муравйова до чину підполковника,²⁷ очевидно під впливом Б.Савинкова останній також вступив до партії есерів. Утім, кар’єра Муравйова знову несподівано зазнала краху. Створена на урядовому

рівні Комісія розробила спеціальний план організації добровольчих військ і запропонувала для керівництва цією справою інших осіб - більш досвідчених та впливових, ніж був М.Муравйов. Отож, уже в серпні 1917 р. той опинився поза справами.

Годі й казати, що такий поворот подій справив на Муравйова гнітюче враження. Розчарований экс-голова приховав особисту образу на нового військового міністра О.Керенського та його оточення, прагнучи помститися за таке зневажання його особи. Саме тому у вересні 1917 р., познайомившись з Я.Свердловим, сходу запропонував свій "план організації перевороту".²⁸ Такий радикалізм М.Муравйова прийшовся більшовицькому лідеру до вподоби, тим паче, що більшовики особливо відчували в цей час нестачу професійних військових кадрів. Тож він направив новоспеченого революціонера до М.Криленка, який саме відав військовими справами,²⁹ а невдовзі М.Муравйов познайомився з іншим більшовицьким військовим діячем В.Антоновим - поступово між ними зав'язалися доволі теплі товариські стосунки.

Так М.Муравйов опинився у більшовицькому таборі - і треба сказати - доволі вчасно, адже наприкінці жовтня Ленін та його прихильники захопили владу в Петрограді. З цього часу упевненість М.Муравйова в тому, що саме на них, більшовиків, у цей момент й слід "робити ставку" ще більш затвердилася. Коли 30 жовтня

війська Керенського-Краснова вдалися до спроби повернути столицю, підполковник зголосився очолити її оборону та повести в бій червоногвардійські загони. З цим своїм завданням він успішно впорався.³⁰ Втім, у даному випадку Муравйов керувався й іншими мотивами: за пізнішими свідченнями, він у ці дні доволі відверто говорив, що “допомагає більшовикам через особисту ворожість до Керенського, який його обійшов та образив...”³¹

А проте і більшовики, проявляючи обережність до свого потенційного класового ворога (все-таки підполковник, до того ж есер!), ставилися до нового союзника із певною осторогою. Тому після затвердження своєї влади в північній столиці, запропонували йому “другорядну посаду” помічника командувача Петроградською військовою округою. Більшовику В.Антонову, що очолив округу, належало використовувати військові знання і досвід підполковника та водночас здійснювати за ним “політичний нагляд”. Утім, цим останнім М.Муравйов не був занадто обтяжений. Як уже зазначалося вище, відносини між ним та Антоновим-Овсієнком носили дружній, довірливий характер. До того ж поручик В.Антонов безперечно цінував військовий авторитет підполковника. Тож не дивно, що отримавши на початку грудня 1917 р. нове призначення “головнокомандувача групою військ по боротьбі з контрреволюцією на півдні Росії”, він не вагаючись запропонував своєму

помічнику посаду начальника штабу.³² А 16 січня 1918 р. Антонов призначив Муравйова головкомом радянських військ, яким належало здобути Київ.³³

Не будемо тут зупинятися на подробицях походу муравйовських військ в Україну. Тих, хто цікавиться історією війни між УНР Центральної Ради та РСФРР (грудень 1917 - травень 1918 рр.) відсилаємо до відповідної літератури, зокрема вказаної у посиланнях наприкінці нашої статті. Ми ж зосередимося на висвітленні морального обличчя М.Муравйова, а також причинах конфлікту, що виник між ним з одного боку та українським радянським урядом - Народним секретаріатом і комітетом Першої революційної армії, з іншого боку. Цей конфлікт, власне кажучи, й послужив формальним приводом для збудження навесні 1918 р. слідства "у справі М.Муравйова". Розглянемо також у загальних рисах хід самого слідства.

Зазначимо, що численні накази та розпорядження головнокомандувача до своїх "армій" рясніли революційною фразеологією. Та й сам він, як уже зазначалося, офіційно входив до партії лівих есерів. Проте можна з упевненістю сказати, що і перше і друге було для М.Муравйова нічим іншим, як даниною часу та обставинам. Ідеали рівності й братерства мали для нього значно меншу вартість, ніж можливість задоволення хворобливого честолюбства, яке, за визнанням тих, хто близько спілкувався з підполковником, межувало в нього з манією величності.

Ще б пак! Вчора ще зовсім невідомий, один із багатьох, сьогодні він волею долі та стараннями більшовиків отримав можливість маніпулювати життям десятків тисяч людей, вирішувати долю старовинних міст. Утім, підполковник все ж не був позбавлений політичних симпатій і антипатій. До останніх безперечно відносилось українство, зокрема Центральна Рада: переконаний “єдинонеделимовець” М.Муравйов вочевидь не міг збагнути, звідки взялися якісь українці й аж ніяк не міг прийняти їх прагнень до творення власної держави – “розвалу Великої Росії”.

Для повалення “сепаратистів” та досягнення своїх честолюбних планів більшовицький головнокомандувач був готовий на будь-які жертви: байдуже, йшлося про життя десятків тисяч людей, або про долю міст з тисячолітньою історією. “Знаєте, як я буду брати Київ, - говорив він у запалі одному з більшовицьких комісарів, - я візьму анархістів, дам їм бомби, кинджали - вони увійдуть до міста вночі, всіх різатимуть. А вранці я віддам наказ, усі заводи працюватимуть, усе місто житиме тихим життям, усі будуть вражені...”(Док.31) На ст. Бахмач, якраз напередодні взяття Києва, більшовицький головнокомандувач, за свідченнями очевидців, звернувся до своїх військ з такою промовою: “Товариші, я знаю, що багато хто з вас втомився, проте не багато вам працювати. Наше завдання - взяти Київ і тоді ви зможете повернутися додому. Багато вам довелося страждати, але вони

кров'ю відповідатимуть за ваші страждання. Ми їм покажемо, дайте тільки добратися до Києва. Якщо буде потрібно, не постою ні перед чим: каменя на камені не залишу в Києві. Мешканців не жаліти, вони нас не жаліли, терпіли хазяйнування гайдамаків. Ми їх всіх перестріляємо та переріжемо. Ми їм покажемо, нема чого боятися кровопускання. Хто не з нами - той проти нас. Ви, доблесні товариші, ви мені допоможете взяти Київ, а там ви будете нагороджені..."(Док.43)

Вкажемо тут на особливість, яка поєднувала методи дій М.Муравйова і його тодішніх союзників: йдеться про революційну фразеологію, на яку завжди були щедри більшовики, вміння збудити масу, апелюючи до її найпотаємніших бажань. Згадаємо, які радикальні гасла "кидали в маси" більшовики, сміливо обіцяючи селянам і робітництву вже тепер, а не колись у майбутньому, забрати та розподілити поміщицьку землю, фабрики і заводи. Головнокомандувач "революційних армій" також знав, на яких потаємних струнах душі вояка слід зіграти, щоб досягти успіху: тож поряд із закликами не шкодувати сил задля справи революції, він прямо обіцяв червоногвардійцям віддати на пограбування міста, що їх вони здобудуть. Своє слово він, як правило, тримав. Свідчень щодо цього вистачає - ми ж наведемо тут іще два, стосовні перебування військ Муравйова в Києві. Їх було дано під час слідства членом та співробітницею армійського

комітету при Першій революційній армії С.Мойсеевим та Л.Цвангер. “У саду палацу, - розповідав перший, - що був названий “штабом Духоніна”, розстрілювалося дуже багато людей без всяких підстав. Розстріли були представлені на розсуд самих червоногвардійців; розстрілювалися і солдати, які вийшли з госпіталю і не мали посвідчень... Усі трупи були роздягнуті і все зняте з них тут же розподілялося між розстрільниками на очах у натовпу. Коли ж на місце розстрілів приїхав Муравйов і побачив, що його оточує натовп озвірих червоногвардійців з награбованим майном, він нічого не казав про те, щоб не грабували, а навпаки закликав їх до подальших розстрілів, говорячи, що передусім і головне тепер бути нещадними.”(Док. 17) “У “штаб Духоніна”, - підтверджувала ці свідчення Л.Цвангер, - відправлялися винуваті і безневинні як самим Муравйовим, так і Ремневим та усіма, хто б того не побажав, це не заборонялося і навіть навпаки вважалося особливим молодецтвом. Багато хто вихвалявся тим, що “дістав” 30 тисяч, золоті годинники і таке інше. Розповідали з великою гордістю, скільки патронів розстріляли в такий спосіб. Одним словом - грабували, пиячили, розстрілювали без всякого сумління. Муравйов володар і він наказує...”(Док.1) До цього всього додамо ще одну деталь: перед взяттям столиці Центральної Ради Муравйов пообіцяв кожному з бійців по 100 крб., пораненим - по 500 крб., сім’ям

загиблих - до 1 тис.³⁴ Гроші були роздані (зрозуміло, отримав їх головнокомандувач від більшовиків - за його визнанням, за весь час перебування в Україні йому було передано десь 5-6 млн. крб.).³⁵

Між іншим, сам М.Муравйов оцінював свої “революційні армії” доволі критично. “Це така армія, - якось зауважив він Г.Лапчинському, - що може лише наступати. Як тільки вона зупиниться, так і почне розкладатися, реквізувати, красти, вбивати.”(Док.16) Ще більш відверту оцінку настроям військ, що здобували Київ, він дав пізніше, вже під час слідства, коли наголосив на тому, що його “армії” відзначалися “сильним революційним духом... несвідомим у масах, проте з могутнім джерелом класової боротьби... Помітно було також у масі солдат, в їх натяках на багатство міста, бажання там пожитися за рахунок буржуїв, причому зовсім щиро і прямолінійно вони у своїй більшості розуміли саме в цьому суть класової боротьби.”(Док. 47)

А втім, насилля, мародерство, а отже ненависть, що її викликали радянські війська у населення своїми діями, поступово стали лякати й самих більшовиків. Зокрема Народний секретаріат став всерйоз непокоїтися тим, що розбещені, до того ж антиукраїнські війська М.Муравйова, зокрема його призначенців (серед останніх особливою “популярністю” користувався Ремнев)

остаточно відвернуть українське населення від більшовицької влади.

Варто зазначити, що суперечки між штабом Антонова та Народним секретаріатом існували і раніше - переважно на ґрунті повного ігнорування першим другого. Та саме тут, у Києві, ці протиріччя досягли свого апогею.

Немалозначним фактором, що зумовив конфлікт сторін, стало призначення майже перед взяттям Києва головнокомандувачем "військами радянської УНР" сина українського письменника Ю.Коцюбинського. Хоча Г.Лапчинський роз'яснив Муравйову, що це призначення носитиме суто формальний характер і викликане воно політичними розрахунками (для того, щоб уникнути звинувачень у завоюванні великоросійськими військами України),³⁶ останній відчув себе ображеним. Лаври переможця Києва він не збирався віддавати - тим більше, якщо на цьому наполягав харківський "кишеньковий уряд". Коли ж останній став проявляти своє прагнення не тільки вважатися, але й бути справжнім урядом (з власним військовим міністром, головнокомандувачем) - конфлікт перейшов у відкриту форму.

Несподівано на боці Народного секретаріату виступив армійський комітет Першої революційної армії на чолі з С.Мойсеевим та Є.Лапідусом, які також мали претензії до М.Муравйова.

Ще 31 січня 1918 р. був скликаний перший з'їзд солдатських депутатів і представників загонів

червоної гвардії вищезазначеної армії (тут були представники 11-го Сибірського, 1-го Мінського полків, ряду загонів). Як свідчить протокол з'їзду, делегати вислухали звіт командувача армією П.Єгорова, проте залишилися незадоволеними діями військового керівництва. Серед присутніх лунали протести проти “безконтрольного розпорядження грошима (майном армії),” “закликів до бездумного терору і розстрілів кожного і всякого без розбору.., що є неприпустимим для бійців революційних армій”.³⁷ Для встановлення “політичного контролю” над командуванням був обраний солдатський комітет у складі 11 чоловік.

Зауважимо, що вимоги комітету до проведення “принципів демократизації” у військах цілком і повністю відповідали існуючому на той час російському радянському законодавству. Ще 16 грудня 1917 р. РНК РСФРР були видані декрети про зрівняння всіх військовослужбовців у правах та про виборне начало й організацію влади в армії, за якими встановлювався принцип виборності командного складу, декларувалися права солдатських комітетів у військах. Отож, претензії комітету Першої революційної армії формально були цілком слушними.

Проте М.Муравйов, як військовий добре розуміючи хибність т.зв. демократизації у військах, до того ж прагнучи необмеженої влади задля задоволення своїх амбіцій, явно не був націлений на те, аби проводити в життя декларовані

більшовиками принципи. Тож, коли до нього звернулися представники комітету з пропозицією “співпраці”, він категорично відмовився, прямо заявивши: “жодного контролю над собою не дозволю.., диктатура пролетаріату - в мені, а якщо армія мені не довірятиме, я її розпущу та піду і десь наберу іншу.”³⁸ Зіткнувшись з такою незгідливістю та неповагою підполковника “до мас”, комітетники спочатку хотіли його, “як контру”, просто вбити, проте зважаючи на важливість “у стратегічному плані” завдань, які були покладені на М.Муравйова петроградським центром в Україні, вирішили добиватися усунення його з посади.

Для узгодження цього питання комітет встановив зв'язок з Народним секретаріатом (останній, в особі Є.Бош, С.Бакинського, Ю.Коцюбинського, був схильний до того, щоб заарештувати Муравйова).³⁹ Водночас армійським комітетом була відряджена делегація у складі трьох чоловік до Леніна.⁴⁰ В листі, що його остання мала довести до відома РНК РСФРР, зазначалося: “...діяльність головнокомандувача Українського революційного фронту Муравйова, що ґрунтується на терорі та масових розстрілах, розбещує армію... Під впливом його промов до революційних військ розвивається все більше і більше мародерство, заходи проти цього не вживаються, що веде до значного зниження довіри до більшовиків, а також і до самої ідеї більшовизму. Демократичність

придушується, все робиться наказами і без участі представників загонів...”⁴¹

Як свідчили пізніше представники армійського комітету, зустріч з Леніним відбулася. Уважно вислухавши посланців, більшовицький вождь, начебто, сказав їм таке: “Я за демократію, робіть, як хочете”.⁴² Проте, судячи по всьому, хист М.Муравйова, його здібності вирішувати поставлені перед ним завдання були аж занадто важливими для російського радянського керівництва. Відтак, незважаючи на скарги армійського комітету та наполегливі протести Народного секретаріату Муравйов хоча й був відісланий з Києва, проте залишений в Україні. 17 лютого 1918 р. Ленін особисто надіслав йому телеграму, в якій, звертаючись до Муравйова як до головнокомандувача, покладав тепер на нього боротьбу з “румунською олігархією”.⁴³ Цього ж дня телеграму Муравйову з вираженням йому повної довіри та всіляких вихвалень за “надзвичайно благодворну роботу” надіслав і В.Антонов-Овсієнко.⁴⁴ Отже, підполковник, цілком правильно розуміючи, що Петроград його підтримує, став готуватися виїхати до Одеси.⁴⁵

Між тим, і армійський комітет був переконаний в тому, що заручився підтримкою центру на самостійні дії. 23 лютого Народний секретаріат надіслав телеграму комітетові про перехід Першої революційної армії в розпорядження українського радянського уряду та

наказ наступати на Київ, проте майже водночас аналогічна телеграма поступила й від М.Муравйова, який вимагав від армії рушити на Одесу.

Армійський комітет був схильний керуватися розпорядженнями Ю.Коцюбинського, але командувач армією П.Єгоров категорично відмовився виконувати будь-які розпорядження народних секретарів і видав наказ про арешт керівників комітету С.Мойсеєва та Є.Лапідуса. Натомість був заарештований сам П.Єгоров - його було вирішено силоміць доставити в Київ, куди виїхали делегати, аби остаточно з'ясувати питання підпорядкованості військ (це питання також мало бути узгодженим на другому з'їзді Першої революційної армії, що його було призначено на 27 лютого в Єлізаветграді).

Проте до Києва представники комітету не доїхали. В ніч з 27 на 28 лютого під тиском наступаючих німецьких військ та частин Центральної Ради Народний секретаріат покинув місто і перебрався до Полтави. Розгублена делегація "зависла" в Черкасах. П.Єгорова довелося звільнити, після чого той відбув у Ромни, де на той час стояв 11-й Сибірський полк.

А невдовзі, після підписання Брестського миру, радянські війська взагалі були змушені залишити український терен. Відступаючи, вони повною мірою відчували ставлення українського населення до "першої більшовицької влади." За

спогадами Є.Бош, Г.Пятакова та інших, українці стріляли радянським військам у спину.⁴⁶ Безперечно, останнє було прямим наслідком дій М.Муравйова та його військ. Проте той відтлумачив поразку в Києві по-своєму: він звинуватив у цьому Ю.Коцюбинського, С.Мойсеєва та Є.Лапідуса, яких оголосив “поза законом”.⁴⁷

Деякий час М.Муравйов перебував в Одесі на посаді командувача збройних сил т.зв. Одеської радянської республіки, проте з зайняттям міста німецько-австрійськими та радівськими військами остання припинила своє існування. Принагідно відзначимо, що, відступаючи з Одеси, М.А.Муравйов наказав обстріляти з гармат центр міста – “район мешкання буржуазії.”⁴⁸ Тільки щасливий випадок перешкодив цьому.

Хоча за умовами підписаного миру РНК РСФРР зобов’язувався негайно вивести свої війська з українського терену, в реальності Ленін та його прихильники намагалися будь за що продовжувати війну. В одній із своїх телеграм на ім’я С.Орджонікідзе більшовицький вождь вимагав “беззастережного перелицьовування” російських частин на українські.⁴⁹ Також В.Антонову-Овсієнку було наказано відкинути першу частину свого прізвища Антонов і називатися Овсієнком - для того, аби підкреслити своє українське походження.⁵⁰ Останній з 7 березня 1918 р. замінив на посаді головнокомандувача військ радянської УНР Ю.Коцюбинського.⁵¹

Отримавши розпорядження Леніна негайно перейти в підпорядкування до українського радянського уряду, В.Антонов надіслав телеграму Муравйову, в якій пропонував йому посаду начальника штаба.⁵² “Ви знаєте моє ставлення до українського націоналізму писав він в листі, - та справа така, що коли на півдні переможе імперіалізм, загибель нашої революції, в цій стадії, неминуча.”⁵³

Проте розчарований невдачами М.Муравйов, посилаючись на втомленість, відмовився від пропозиції. Наприкінці березня 1918 р. він повернувся до Москви, а звідти поїхав до Тули, де на той час перебувала його сім'я. Там він залишався до середини квітня.

Слід зазначити, що попри поразок в Україні, репутація “переможця під Києвом” М.Муравйова у вищих військових та радянських колах Москви в цілому була позитивною. Тому вже 16 квітня він отримав нове призначення - на цей раз до Баку воєнним керівником Закавказзя.⁵⁴ Підполковник уже приступив до підготовки експедиції на Кавказ, сформував та відправив до Царицина штаб, але виїхати за місцем призначенням йому не вдалося.

Ще 19 березня 1918 р. на прийом до Ф.Дзержинського прийшли члени колишнього армійського комітету Першої революційної армії, які звинуватили колишнього головнокомандувача радянських військ в Україні “у розправах, розстрілах, самодурстві, наданні воякам права на пограбування

міст та сіл”.⁵⁵ Повернувшись до Москви, усі ці звинувачення Муравйов, зрозуміло, відкинув. Більше того, він сам звинуватив комітетників у недавніх поразках. 22 квітня 1918 р. на основі відношення Народного комісаріату юстиції № 2722 була створена спеціальна Слідча комісія для розгляду взаємних звинувачень обох сторін.⁵⁶

Одначе представники комітету надали у розпорядження Чека пакет документів, які доводили провину підполковника. Останні вочевидь справили враження на “залізного Фелікса”, бо 28 квітня колишній головком був заарештований та кинутий до в’язниці.⁵⁷ Так почалося слідство “у справі М.Муравйова,” яке тривало до початку червня 1918 р.

В ході розслідування на допити було викликано десятки осіб, які безпосередньо були свідками дій колишнього головнокомандувача в Україні. Крім членів армійського комітету, серед них були народні секретарі Є.Бош, М.Скрипник, Ю.Коцюбинський, В.Затонський, Г.Лапчинський та інші, представники військового командування В.Антонов, М.Муралов, В.Примаков, Р.Берзін та ін., прості солдати - ті, кому довелося особисто зіткнутися з М.Муравйовим. Цікаво, що свідчення було запропоновано дати й В.Леніну. Між іншим, як свідчить ленінська біохроніка, ще 25 березня голова РНК РСФРР зустрічався з Муравйовим,⁵⁸ а через декілька днів навіть дав розпорядження провести очну ставку колишнього

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

ПО БОРЬБЕ С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ, СПЕКУЛЯЦИЕЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПО ДОЛЖНОСТИ.

Отдѣл
№ 1935

Годен на *один* суток.

ОРДЕР.

Поручается Товарищу *Кречетниченко*
произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложеній
запрещенія и ареста на товары *Ульяны Муравьева*
Арестовать.

в зависимости от обыска задержать гражд.

и реквизировать или конфисковать его товары и оружiе.

И Предсѣдатель комиссии *Шиллер*

1918 г. *Апрель*

" *один* дня.

головнокомандувача з головою армійського комітету С.Мойсеєвим.⁵⁹ На жаль, серед матеріалів слідчої справи ані результатів цієї очної ставки, ані свідчень самого Леніна немає - не виключено, що останні були вилучені з матеріалів справи й тепер зберігаються десь у "фонді Леніна".

В ході допитів очевидці давали різні свідчення. Деякі з них як, приміром, В.Антонов, М.Муралов (військовий комісар Московської області), Р.Берзін, хоч і визнавали, що "політичні виступи М.Муравйова могли робити шкоду престижу радянської влади", все ж наполягали на тому, що у військовому відношенні дії головнокомандувача радянських військ в Україні заслуговують тільки на позитивну оцінку.⁶⁰ М.Муралов спробував навіть добитися звільнення заарештованого під свою відповідальність.⁶¹ У листі, відправленому ним 11 травня на ім'я комісара юстиції Московської області Т.Шрейдера зазначалося, що Муравйов є вповні чесний, сумлінний партійний робітник, товариш, якого поважають, енергійний і безстрашний борець за радянську владу".⁶² Та ці характеристики колишнього головкому дуже контрастували з тими, що їх давала під час слідства більшість інших свідків.

Звинувачення підполковника охоплювали, в основному, таке коло претензій: "нереволюційні" методи керівництва військами (свавілля головкому, хвороблива жорстокість, навмисне підбурювання

військ до бездумного насильства, убивств, мародерства та ін.); заперечування принципів “демократизації армії” (виборності командирів, ігнорування армійського комітету тощо); “централізм” підполковника - навмисне ігнорування ним “крайової влади” (тобто, українського радянського уряду). Щодо останнього, то найбільш виразно ці претензії до Муравйова були сформульовані В.Затонським, який, зокрема, зазначав: “... до українського народу він ставився із зневагою... Були в його словах централістські тенденції. Він і його вояки ставилися до Києва як до завойованого краю... Створювалося враження, що Київ зайнято чужоземними завойовниками. Таке враження було у всього населення...”(Док. 35)

Тих, хто особисто зіткнувся з М.Муравйовим, просто приголомшувала його брутальність у поводженні навіть з найближчим оточенням: розповідали, що він застрелив шофера, у якого в “непідходящий момент” зіпсувалася машина, то він наказав розстріляти залізничника за те, що він насмілювався покласти головкому руку на плече, а іншого - за те, що той звернувся до нього зі словом “голубчик”. Якось він привселюдно пригрозив віддати солдатам на згвалтування телефоністку, що її запідозрив у “співпраці з гайдамаками”, іншим разом - публічно пообіцяв віддати на згвалтування свою секретарку тільки за те, що вона завчасно не подбала про подання йому потягу. “Це було сказано, - розповідав під час допиту на слідстві

Лапідус, - при доволі великому зібранні публіки. Як це позначалося на червоногвардійцях і солдатах можна собі уявити з того, що дня через два червоногвардійцями була згвалтована сестра милосердя гайдамацька.”(Док. 7)

Взагалі кажучи, члени армійського комітету були переконані в тому, що свавілля й жорстокості, що їх чинили радянські війська в Україні, значною мірою підігравалися специфічним, “нездоровим” ставленням головнокомандувача до насилля. В ході слідства стали відомими подробиці жорстокого розстрілу українських студентів, полонених під Крутами (Док. 17, 19), вбивства у Печерській Лаврі Митрополита Володимира (Док. 24), масових розстрілів та наруги над убитими в столиці Центральної Ради (Док. 4, 5, 17, 39), єврейського погрому, влаштованого відступаючими радянськими військами (Док. 24) та ін.

Не тільки представники армійського комітету, але й значна частина інших свідків висловлювала під час слідства припущення про психічну ненормальність підполковника. Ось тільки деякі із зауважень з цього приводу: “Враження у мене від Муравйова, як від людини надзвичайно нервової, кровожерливої, - одним словом, людини невірноваженої, ненормальної” (В.Примаков, командир полку Червоного козацтва, док. 36); “Усі його жести, міміка, страшенна збудженість викликали у мене відчуття, що переді мною ненормальна людина. То він ставав різким,

викрикував, говорив жорстокі слова, та вже через кілька хвилин раптово ставав зовсім іншою людиною - м'якою, великодушною, доброю” (В.Фейерабенд, колишній начальник штабу Другої революційної армії, док. 30); “Я ніколи не бачив таких людей як Муравйов: це була людина зовсім ненормальна, з явно вираженою манією величності” (С.Мойсеев, голова комітету Першої революційної армії, док. 31).

Медичне обстеження М.Муравйова у в'язниці засвідчило, що той дійсно страждав “неврастенією у ступені більшому, ніж середній.”⁶³ З огляду на це з 10 червня підполковника (під поручительство М.Муралова) було переведено з Бутирської в'язниці до приватної психіатричної лікарні О.Чинарової на Погодинській вулиці 12, де йому були надані дві мебльовані кімнати, повний пансіон та відповідний нагляд (за всі ці послуги з державної казни було виплачено 2 тис. крб.).⁶⁴

Тут логічно напрошується питання: отже, М.Муравйов був психічно ненормальною людиною і всі його “криваві походження” в Україні були пов'язані саме з хворобою? Однозначну відповідь на це питання дати сьогодні важко. Як уже зазначалося вище, внаслідок перенесених поранень (травма голови під час російсько-японської, поранення за часів Першої світової воєни) Муравйов вповні міг мати певні психічні відхилення, проте схильність до насильства, кровожерливість більшовицького головкому могли і не бути прямо

пов'язаними з пораненнями. Не виключено, що тут ми маємо справу із загадкою людської душі - так би мовити, темною її стороною, що у певних обставинах (особливо за умов революцій та воєн) проявляється доволі виразно.

Так чи інакше, але відповідальності за свої дії в Україні М.Муравйов уникнув. І сталося це аж ніяк не через стан його здоров'я. Попри того, що усі звинувачення колишнього головкому підкріплювалися конкретними фактами, його було виправдано. 9 червня 1918 р. президія ВЦВК, заслухавши доповідь представника слідчої комісії М.Криленка, ухвалила “справу М.А.Муравйова, за відсутністю складу злочину, припинити.”⁶⁵ 12 червня голова ВЦВК Я.Свердлов у своєму відношенні № 12376 повідомив слідчу комісію про це рішення, а ще через два дні остання поставила крапку в цій історії, підтвердивши, що “справа М.А.Муравйова слідством припиняється, а всі матеріали слідчого виробництва передаються в архів революційного трибуналу при ЦВК”.⁶⁶

Постає цілком логічне питання: чому ж виправдали М.Муравйова? Спробуємо розібратися в цьому й, передусім, задамося питанням: чи могли більшовики судити полковника за роздмухування у радянських військах “класової ненависті до української буржуазії?” Вочевидь, ні! Власно кажучи, в крайньому радикалізмі Муравйова, його прихильності до силових, насильницьких методів досягнення своїх цілей і було те, що ріднило його з

більшовиками-ленінцями: останні, як це засвідчила історія, також були готові “лити кров людську, мов водицю” - спочатку розпалюючи в країні пожежу громадянської війни, пізніше - проводячи експерименти з комуністичним будівництвом. Щоправда, при цьому Ленін та його послідовники, за їх переконаннями, керувалися “гуманними цілями”: насильство, масові знищення “класових ворогів,” уморіння голодом мільйонів людей і т. ін. - все це проводилося заради досягнення “ідеалів соціалізму та комунізму”.

Не міг колишній головком бути засуджений і за свій “централізм” (а просто кажучи - великодержавний шовінізм). У цьому відношенні, як це не здається парадоксальним, Муравйов був також близьким до “інтернаціоналістів-ленінців”. Останні, попри декларацій “права націй на самовизначення” з моменту приходу до влади рішуче проводили на практиці принцип “централізму” в державному будівництві, хоч і називалося це не “збереження єдиної-неподільної”, а “творення Світової республіки Рад.” Власно кажучи, в основі війни між УНР Центральної Ради та РСФРР взимку 1917 - навесні 1918 рр. було прагнення останньої не дати Україні відірватися від колишньої метрополії, прилучити її до ареалу більшовицької влади. Зрештою, більшовики таки спромоглися військовими та політичними засобами відтворити в дещо іншій формі Російську імперію, добившись організації у 1922 р. СРСР.

До речі, зневажливе ставлення підполковника до “ЦИКУКИ” та Народного секретаріату, по суті справи мало чим різнилося від обходження з ними російського партійного центру, який цілком слушно відводив для “альтернативного українського уряду” роль кишенькового уряду. Втім, ЦК РКП(б) не на жарт роздратувався несподівано виявленою українськими більшовиками “надмірною самостійністю,” особливо коли ті на Другому з’їзді Рад у Катеринославі (17-19 березня 1918 р.) без жодних санкцій на те ЦК допустили проголошення радянської УНР незалежною державою. Саме ці самостійницькі дії “ЦИКУКИ” примусили наркома національностей Й.Сталіна 6 квітня 1918 р. прямо заявити В.Затонському: “Достатньо грали в Уряд і Республіку, здається досить, пора вже кинути гру.”⁶⁷ Пізніше, “відповідно підготовлений” Москвою I з’їзд КП(б)У відмінив усі “крамольні” рішення “ЦИКУКИ,” скасував залишки “провинного уряду.” Деякі ж з його найбільших “активістів” (М.Скрипник, Ю.Коцюбинський) опинилися “в аутсайдерах:” деякий час потому їм не довірялися ключові посади в “альтернативних урядах” України. В цьому контексті протести М.Муравйова проти “сепаратизму” народних секретарів мали бути і очевидно були розцінені в Москві скоріше як заслуга, ніж провина.

I, нарешті, що стосується нехтування Муравйовим т.зв. демократизації армії. На цьому,

як і на потребі ліквідувати постійне військо, замінивши його міліцією, більшовики наполягали лише тоді, коли перед ними стояло завдання розкладу старої російської армії. Тепер же, навесні 1918 р., Ленін та його прихильники, хоча на словах і не відмовлялися від ідеї ліквідації постійного війська, на практиці рішуче проводили курс на розбудову міцної, регулярної армії. Вже 21 березня 1918 р. наказом Вищої Військової Ради відмінялося виборне начало в армії,⁶⁸ 22 квітня 1918 р. ВЦВК було прийнято декрет про порядок заміщення посад у Червоній армії,⁶⁹ за яким остаточно виключалася виборність командного складу у військах та встановлювався чіткий порядок його призначення. Слідом за цим були ліквідовані й інші атавізми демократизації, введена загальна військова повинність, здійснена реорганізація органів центрального та місцевого військового управління і т. ін.⁷⁰ Зрозуміло, що за цих умов конфлікт між М.Муравйовим та представниками армійського комітету представлявся зовсім в іншому світлі, ніж того хотілося б комітетникам. Отже, і в цьому плані провина Муравйова перетворювалася на його безперечну заслугу.

Насамкінець зазначимо, що хоча комісія й визнала колишнього головкома невинним, вона все ж знайшла за потрібне письмово застерегти вищі владні структури про те, що під час слідства "були виявлені дані, які характеризували Муравйова, як людину в політичному відношенні безпринципну з

Российская
Социалистическая Федеративная
Советская Республика.

Всероссийский Центральный
Исполнительный Комитет
Советов
Раб., Солд., Кр. и Каз. Деп.

14 " Июня 1918 г.

№ 12346

Г. Павловский
спрово с курсом

ВЪ ОБЪЯВЛЕННУЮ КОМПЕТЕНЦІЮ ПО
ДѢЛУ И.А.МУРАВЬЕВА.

Настоящимъ сообщаемъ, что на основании поста-
новленія Президіума Центрального Исполнительнаго
Комитета отъ 9-го сего Іюня, дѣло И.А.Муравьева,
за отсутствіемъ состава преступленія, слѣдствіемъ
прекращено и дѣло подлежить передачѣ въ архивъ
Революціоннаго Трибунала при Центральномъ Испол-
нительномъ Комитетѣ.

Председатель В.Ц.И.К.

Секретарь В.Ц.И.К.

И. Сергеев

В.В.Ванюков

певно вираженими авантюристичними схильностями” та попередити, що “не наважиться взяти на себе відповідальність за можливі наслідки від його призначення на відповідальну військову посаду, тим більше після перебування у в’язниці”.⁷¹ Та ця засторога була проігнорована. Взагалі кажучи, і під час слідства, і після нього відчувалася негласна підтримка М.Муравйова “на найвищому рівні”. Цим, безперечно, пояснювалося й те, що вже 13 червня 1918 р. підполковник отримав нове, доволі високе призначення - командуючим Східним фронтом...

Методи діяльності М.Муравйова на новому місці мало чим різнилися від тих, що їх він демонстрував в Україні. Про це, зокрема, можна судити за таким епізодом. В останні дні червня 1918 р., “підігріваючи” червоних бійців напередодні боїв за Казань, командуючий Східним фронтом заявив: “З вами я творитиму великі справи, і за здобуття кожного міста я віддам у ваше розпорядження місто на три дні. Хто буде хоча б легко поранений, той отримає від мене п’ятсот карбованців, якщо хтось буде забитий, то сім’я його отримає 1000 крб.”⁷² Дізнавшись про те, що війська 1-го радянського добровольчого полку не перейнялися його закличками, і не виконали наказ про наступ, М.Муравйов розпорядився без попередження розстріляти солдат. Підійшовши до місця розташування полка, броневики відкрили

вогонь по червоноармійцях, внаслідок чого загинуло до 200 чоловік...⁷³

Можливо, подібні дії знову зійшли б головному з рук, якщо б не його зрада більшовикам під час виступу у липні 1918 р. лівих есерів у Москві. Отримавши звістку про ці події, командувач удався до спроби підняти антибільшовицьке повстання. 11 липня він прибув із загоном у 1 тис. чол. до Симбірську, де заарештував більшовицького командувача 1-ї армії М.Тухачевського та деяких більшовицьких діячів, після чого звернувся до радянських військ із призовом заключити мир з чехами – “братими-слов’янами” і виступити проти німців та більшовиків.⁷⁴ Виконком міста, в якому на той час переважали ліві есери, висловив свою повну підтримку підполковнику, проте його замисел очолити похід військ на Москву так і не здійснився. Знаходячись у меншості, більшовики все ж виявилися більш спритними, ніж їх противники. Переконавшись у своїй поразці в виконкомі, вони вдалися до радикальних заходів - за допомогою загону латишів влаштували засідку на М.Муравйова й розстріляли його.⁷⁵

Ось так і скінчив своє життя підполковник російської армії, лівий есер та більшовицький командувач Михайло Муравйов. Можна сказати, що своєї честолобною мети він досяг, бо залишив по собі помітний слід, принаймні в історії України - щоправда, слід, рясно позначений кров’ю та

сльозами людей. Безперечно, Муравйов був політичним авантюристом і до того ж, цілком імовірно, психічно хворою людиною. І все ж, у війні РСФРР проти УНР Центральної Ради він для більшовиків не був випадковим супутником. Жорстокі методи дій головному в Україні не суперечили ідеології та реальній практиці більшовизму, та й діяльність його на українському терені не виходила в цілому за межі тих завдань, що були поставлені перед ним російським радянським керівництвом. Тож і виправдання М.Муравйова більшовиками було цілком логічним: у “справі колишнього головному південних армій” останні вочевидь керувалися знаменитим принципом Макіавеллі “мета виправдовує засоби”.

Примітки:

1. Гарчева Л.П. Политическая конфронтация и вооруженная борьба России с Украиной (1917 – нач. 1918). – Диск. доктора исторических наук. - Львов, 1995.

2. Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років ХХ ст.). - 4-е вид., змін. і доп. - Львів, 1992; Петрів В. Неторованим шляхом: Спомини з історії української революції 1917-1921 рр. // Вітчизна. - 1993. - № 3-4; № 5-6; № 7-8; Стахів М. Україна проти більшовиків: нариси з історії агресії Советської Росії. - Кн. I. - Тернопіль, 1992; Удовиченко О.І. Україна у війні за державність:

історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил, 1917-1921. - К., 1995 та ін.

3. Верстюк В.Ф. Українська Центральна Рада. - К., 1997; Голубко В. Армія Української Народної Республіки. 1917-1918: Утворення та боротьба за державу. - Львів, 1997; Гриневич Л. Військове будівництво в Радянській Україні (1917 - початок 30-х років ХХ ст.) // Історія українського війська (під редакцією Я.Р.Дашкевича). - Л., 1996. - С.10 - 112; Кульчицький С.В. УРСР в добу "воєнного комунізму" (1917-1920 рр.): Спроба побудови концептуальних засад реальної історії. - К., 1994; Солдатенко В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918-1920 рр.). Т.1. - К., 1997; Т.2. - К., 1999; Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 - березень 1918). - К.-Л., 1996 та ін.

4. Дашкевич Я.Р. Слідами невідзначеної дати: (Про так зване проголошення Радянської влади в Україні 25 грудня 1917 року) // Дашкевич Я.Р. Україна вчора і нині: Нариси, виступи, есе. - К., 1993. - С.43-51; Солдатенко В.Ф. Становлення української державності і проблема збройних сил (березень 1917 р. - квітень 1918 р.) // Український історичний журнал. - 1992. - № 5. - С.38-51; Його ж. Збройні сили в Україні (грудень 1917 р. - квітень 1918 р.) // Український історичний журнал. - 1992. - № 12; Герої Крут. Лицарський подвиг юних українців 29 січня 1918 року / Упоряд., підготов.

текстів, вступ. ст. і прим. І.Ільєнка. - Дрогобич, 1995 та ін.

5. Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: У 2-х тт. - К., 1996 – 1997.

6. Заслугують на увагу праці Колянчука О., Литвина М., Науменка К. Генералітет українських визвольних змагань (Л., 1995) та Тинченка Я. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття (К., 1995), що містять біографічні відомості про військових діячів доби української революції, в тому числі й учасників першої війни між УНР і РСФРР, проте обидві збірки не наводять біографій більшовицьких військових діячів - противників УНР Центральної Ради.

7. Печорин И. Полковник Муравйов. Красноречивые факты. - М., 1918. - С.5, 29.

8. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. - В 4-х тт. - М.- Л., 1924-1933.

9. Алексеев В. Борьба с чехо-словацким мятежем в Поволжье // Пролетарская революция. - 1928. - № 4 - С.45-88.

10. Див.: Советская военная энциклопедия. - М., 1978. - Т.5. - С.449; Военный энциклопедический словарь. - М., 1983. - С.466; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. - М., 1987 - С.368; Великий Жовтень і Громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник. - К., 1987. - С.349.

11. Тут і далі біографічні відомості про М.Муравйова, стосовно проходження ним військової служби, участі в бойових діях, поранень, відзначень нагородами подаються на основі його послужного списку, датованого 25 жовтня 1916 р. - Державний архів Російської Федерації. - Ф.1029, оп.1, спр.15, арк. 178 зв. - 184. - (Далі - ДАРФ).

12. Печорин И. Полковник Муравйов. Красноречивые факты. - С.8.

13. Там же, с.9.

14. Там же, с.12.

15. Там же.

16. Там же, с.13; Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. - Т.1. - М., 1924. - С.85.

17. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.176.

18. Там же, арк.47.

19. Там же, арк.127 зв.

20. Печорин И. Полковник Муравйов. Красноречивые факты. - С.17.

21. Там же, с.18.

22. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.48 зв.

23. Там же, арк. 50 зв.

24. Там же, арк. 18.

25. Там же, арк. 184.

26. Печорин И. Полковник Муравйов. Красноречивые факты. - С.18.

27. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.18.

28. Там же, арк.53.

29. Там же.

30. Див. Красный Петроград. - Петроград, 1919. - С.28-29.
31. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.20.
32. Там же, арк.75.
33. В.И.Ленин. Биографическая хроника. - Т.5. - М., 1974. - С.110, 111, 118; Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. - Т.1. - С.86.
34. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.79 зв.
35. Там же, арк.83.
36. Там же, арк.77 – 77 зв.
37. Там же, спр.16, арк.54 зв.
38. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.22.
39. Там же, спр.17, арк.68 зв.
40. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.147.
41. Там же, арк.146.
42. Там же, спр.17, арк.31.
43. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. - Т.1. - С.160.
44. Центральний державний архів громадських об'єднань України. - Ф.57, оп.2, спр.76, арк.47. (Далі - ЦДАГО України).
45. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.22 зв.
46. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. - Т.2. - М.-Л., 1928. - С.11; Бош Е. Национальное правительство и советская власть на Украине. - М., 1919; Див. також: Гарчева Л. Збройні сили Центральної Ради у лютому-квітні 1918 року // Військо України. - 1993. - № 8. - С.105.
47. ЦДАГО України, ф.57, оп.2, спр.76, арк.71.

48. Якiр І. Тому десять років: (Уривки спогадiв старого червоноармiйця) // Гарт. - 1928. - № 2. - С.62-63.

49. Ленiн В.І. Лист до Г. Орджонiкiдзе вiд 14 (1) березня 1917 р. // Повн. зiбр. тв. - Т.50. - С.49, 50.

50. Там же.

51. Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. - Т.2. - С.21.

52. Там же, с.25, 26.

53. Там же.

54. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.7.

55. Там же, арк.20.

56. Там же, спр.18, арк.5.

57. Там же, спр.15, арк.87.

58. В.И.Ленин. Биографическая хроника. - Т.5. - М., 1974. - С.336.

59. Там же, с.339.

60. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк. 34,35, 45, 87.

61. Там же, спр.15, арк.123.

62. Там же, арк.145.

63. Там же, арк.127-127 зв.

64. Там же, арк.122, 137, 150.

65. Там же, арк.120.

66. Там же, арк.115, 116.

67. ЦДАГО України. - Ф.57, оп.2, спр.170, арк.5.

68. Армия и Флот Рабоче-Крестьянской Республики. - 1918. - 23 марта.

69. Собрание Узаконений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. - 1918. - № 33. - Ст.444.

70. Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. - М., 1995. - С.235, 242-244.

71. ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.121.

72. Там же, спр.17. арк.147 зв.

73. Там же, арк.148.

74. Див.: Алексеев В. Борьба с чехословацким мятежем в Поволжье // Пролетарская революция. - 1928. - № 4. - С.65; Революционное движение в Среднем Поволжье. Краткий исторический очерк. - М. - Самара, 1930. - С.145-146.

75. Там же.

ДОКУМЕНТИ

Пояснення до археографічної публікації

Представлені в книзі документи публікуються мовою оригіналу із збереженням їх мовностилістичних особливостей. Свідчення у “справі Муравйова” подано в хронологічній послідовності. Користування збіркою мають облегшити вміщені наприкінці книги іменний та географічний покажчики.

1. Доповідь секретаря армійського комітету Першої революційної армії Люсиль Цвангер про діяльність М.А.Муравйова в Україні

м. Москва

не раніше 19 березня 1918 р.

На станції Бахмач до взяття Києва мною була услышана речь Муравйова приблизительно следующего содержания: “Товарищи! Я знаю, что многие из вас устали, но не долго вам работать. Наша задача взять Киев, и тогда вы сможете возвратиться домой. Много вам пришлось страдать, но они кровью ответят за все ваши страдания. Мы им покажем, дайте только добратся до Киева. Если нужно будет - не постою ни перед чем: камня на камне не оставлю в Киеве. Жителей [не] жалеть, они нас не жалели, они терпели хозяйничанье гайдамаков. Мы всех их перестреляем и перережем. Мы им покажем. Нечего бояться кровопускания. Кто не с нами, тот против нас. Вы, доблестные товарищи, вы мне поможете взять Киев, а там вы будете вознаграждены”.

Добрались до Киева... Действительно, жителей Муравйов не жалел. В “штаб Духонина” отправлялись и виновные и невинные как Муравйовым, так и Ремневым, и всеми, кто бы ни пожелал, это не возбранялось, и даже наоборот, считалось особым молодечеством. Многие хвалились тем, что “достали” 30 тысяч, золотые

часы и так далее. Рассказывали с большой гордостью, сколько патронов расстреляли таким образом. В общем, грабили, пили, расстреливали без зазрения совести. Муравйов - властелин и он приказывает... Приказывает лицам, организациям, говоря, что в его диктатуре - диктатура пролетариата, что он, в случае непослушания, расстреляет, разгонит и так далее.

Факты натравливания солдат на красногвардейцев, Первой [революционной] армии на Вторую [революционную армию] стали обычной вещью и мне, работавшей как с солдатами, так и с красногвардейцами в обеих армиях, приходилось видеть большое озлобление. Первая армия обута, одета и восхваляется Муравйовым, Вторая наоборот. Слышатся протесты. Отдельные отряды, обиженные, уходят. Некоторые отряды работают через меру, другие только грабежом занимаются. Например, 1-й Минский рев[олюционный] полк [был] почти наполовину выбит.

Привожу мнение т. Яковлева, начальника отрядов Балтийских матросов: “Если тактика Муравйова будет продолжаться, то в армии не останется ни одного порядочного отряда”. Тов. Яковлев говорил, что он уходит со своим отрядом и дальше работать так не может. Меня поражало всегда, что все протестующие не принимались за ломку муравйовщины, а уходили искать, где оскорбленному есть чувству уголок.

Но скоро стало ясно, что разложение армии слишком сильно. Муравйов силен и его боятся, он имеет свиту. Он дал, как он выражается, “простому красногвардейцу” сто рублей, а чинам повыше выдавал и больше.

Киев был взят нами, но через неделю после взятия все силы были отведены Муравйовым на Знаменку, и Киев остался почти без войска. Несмотря на волю Народного секретариата о присылке сил, он забирал из Киева последние отряды. Когда стало известно о том, что по направлению к Белой Церкви появляются немецкие отряды, оттуда был вызван оставшийся там бронированный поезд Полупанова на Знаменку. Л.Цвангер

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.67 зв. - 68. Оригінал, рукопис. Там же, спр.20, арк.7-7 зв. Завірена копія, машинопис.

2. Доповідь співробітниці політичного відділу Першої революційної армії Наталії Олексіївни Лісовської про діяльність М.А.Муравйова в Україні

м.Москва

не раніше 19 березня 1918 р.

“Как стратег Муравйов нам вовсе не необходим, - сказал как-то представитель штаба

Крыленко на собрании нашем в Золотоноше, - есть люди у нас более одаренные, но менее жестокие”. Я же, не давая оценки Муравйову как стратегу, расскажу, что знаю.

Наступление “большевистских” войск шло, встречаемое общим сочувствием. Войска Рады таяли. Присылали своих делегатов. В других случаях оставались нейтральными. Также [поступало] большинство местных гарнизонов: 20 красногвардейцев обезоруживали 400 штыков. Так благоприятствовали сов[етским] войскам сами условия наступления, а не Муравйов.

Очевидцы рассказывали, что бои (в Крутах, Киеве) велись исключительно без команды, инициативой отрядов. В Киеве (сама видела) артиллерия по 10-12 часов не имела никаких сведений [о противнике], и била, била по наитию да по общему распоряжению Муравйова “не щадить Киева, снести его”. Связи между [советскими] частями [не было] никакой. Много [было] убитых своими.

Вскоре после взятия Киева Муравйов двигается на Одессу. Все войска, все продовольственные поезда берет туда, ничего не оставляя для прикрытия Киева – все это для борьбы с “погромами” в Одессе и борьбы с олигархией в Румынии. Что это значит - нам неизвестно. [И непонятно] почему в Елизаветграде мы получили из Киева от [Народного] секретариата [приказ]

вести все войско в Киев, а Муравйов требует нас и все войска к себе.

Киев был сдан, вину за это Муравйов свалил на армейский комитет. Вот все, что я знаю о военной политике Муравйова. Но гораздо больше я могу сказать о Муравйове, как о руководителе той армии, которой поручалось освободить Украину, как об организаторе.

Дело в том, что, начиная с Полтавы (здесь Мур[авйов] был прикомандирован Антоновым), весь строй армии, ее дух действительно создаются исключительно самодержавными приказами Муравйова. Войска не знают ни одного собрания арм[ейского комитета], ни выборов начальников, ничего.

Под[полковник] Муравйов выступает как единственный представитель пролетариата, как диктатор. “Расстрелять, убить, гильотина для всех буржуев, саботажников, включая инакомыслящих социалистов”, - такова [его] речь в Полтаве. Затем первое убийство вора, меры вроде выстрела поверх головы “саботажника” нач[альника] станции - все это всколыхнуло, обрадовавшийся было, “освобождению” своему город. Местные большевики предлагали сейчас же отозвать и не пускать Муравйова в Киев.

Киев потонул в крови. Расстреливались все, имевшие на руках красные билеты Ц[ентральной] Р[ады] - это значит около 800 человек. Среди них была, конечно, и оппозиция Генеральному

секретариату, в большинстве - крестьянство. Так погиб лев[ый] с[оциалист]-р[еволюционер], так погиб один рабочий, который раньше был членом Рады, но в военных действиях вместе с рабочими боролся в Арсенале. Такие же билеты имели и некоторые из [людей], освобожденных советскими войсками из тюрьмы. Правда, сведений нет, были ли среди них случайно убитые.

Но помимо убитых с “данными” расстреливались массы невинных людей. Уничтожение буржуазии понималось широко. “Зачем ты привел ко мне эту сволочь? Убей его!” - говорит Муравйов красногвардейцу, приведшему солдата без документа. А без документа были почти все сибиряки, и из конспиративных соображений [документы] могли быть уничтожаемы не только членами Рады, но и нашими т[оварищами]. “Красногвардейцы, я передаю его вам”, - говорит Муравйов красногв[ардейцам] в Киеве о солдате, у которого “офицерское лицо” [...]

Кроме расстрелов, Муравйов везде с собою приносил дух грабежа, мародерства, потакал пьянству. В Киеве я не видела ни одного расстрелянного одетого. Известны случаи расстрела буржуа из-за пальто. И все это заранее обещал Муравйов: “Киев будет ваш”... Такова картина той гнили, разложения, которые воцарились в социалистических войсках. Знакомая картина царского периода.

Но одно новшество появилось - это социалистическая фразеология главнокомандующего. Ясно, что, находясь в таком ярком противоречии с фактами, и у войск, и у населения появилось, в придачу, презрение, разочарование в социалистических словах, недоверие к социализму, к власти советов, к нам, муравйовцам, ведь мы шли с ним, устраивали митинги, агитировали.

И центральная власть тоже молчала. Социалисты, которые шли с Муравйовым, ясно видели уже в Полтаве, что только коллегия может спасти дело. В Полтаве организуется политический отдел при Первой рев[олюционной] армии. В Киеве этот отдел поднимает вопрос о созыве армейского съезда. Когда М[уравйов] созывает начальников частей пол[итический] от[дел] созывает выборных [начальников]. На этом съезде впервые поднимается голос социалистов против лицемерия и крови. Выборный здесь комитет начинает свое полу нелегальное “существование”. “Я отменю выборное начало”, - [заявил Муравйов].

Не всегда, но иногда не признавал ар[мейский] комитет и Егоров. Такую линию проводят люди, которые берут в каждом городе миллионы контрибуции и неизвестно куда их девают, которые платят революционному солдату “за взятие Киева” 20 р[ублей], а рев[олюционному] красногвардейцу за “взятие же Киева” 100 р[ублей], матросам - 500 р[ублей], а сестрам [милосердия] одним 20, а другим 150 р[ублей].

Незадолго до падения Киева созывается второй [армейский] съезд. Одновременно председателя к[омитета] М[уравйов] требует к себе. Приезжает Егоров, быв[ший] команд[ующий] Первой армии.

Комитет для того, чтобы последний не мог способствовать Муравйову в срыве съезда, и чтобы одновременно использовать его как свидетеля деятельности Муравйова перед укр[аинским] секретариатом – задерживает [Егорова] и везет его в Киев. Взятие Киева немцами помешало этому. Но освобожденный Егоров показал свою полную солидарность с Муравйовым. Он арестовал арм[ейский] комитет с делегатами [съезда], причем пятеро из них были приговорены к расстрелу. Энергичное вмешательство стоящих тут же отрядов помешало преступлению. То, чего не сделал Егоров, хотел сделать Мур[авйов]: в Ромнах председатель арм[ейского] ком[итета] и секретарь получают телегр[амму] от Муравйова о том, что они объявляются им изменниками революции и объявляются вне закона. Мало того, приехав в Москву, Егоров начал готовить общ[ественное] мнение, распространяя в партийной среде обвинение тов[арищей] в измене и проч[ее] в партийной бреде, а партийный орган печатает клеветническую и преступную тел[еграмму] Муравйова.

И еще: обращаясь к сербским частям, [Муравйов] говорил им: “Что вы смотрите на эту

сволочь (сов[етские] войска), поступайте с ними, как я". Есть сведения, что в Житомире начальником боевого отряда (какого именно не знаю) был Дахневский, бывший пристав г. Полтавы. Был ли он назначен Муравйовым мне неизвестно.

Н.Лисовская

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.70-72. Оригінал, рукопис. Там же, спр.20, арк.5-6. Завірена копія, машинопис.

3. Свідчення делегата з'їзду Першої революційної армії Бердника про конфлікт між П.Єгоровим, М.Муравйовим та армійським комітетом

м. Москва

не раніше 19 березня 1918 р.

[...] Я делегат, был избран 3-й и 4-й ротами 11-го Сиб[ирского] стр[елкового] полка на армейский съезд Первой революционной армии, который предполагалось [провести] на станции Елизаветград, но [который] по ниже перечисленным причинам не состоялся. Приехав на съезд и явившись в комитет Первой армии, я сразу увидел, что связи между комитетом и командующим Первой армии тов. Егоровым абсолютно нет никакой. Товарищ Егоров 26 февраля с.г. уехал к тов. Муралову, а штаб первого

находился с нами на ст. Елизаветград, и вся прислуга штаба смотрела на делегатов с какой-то иронией и презирала их.

Когда товарищи делегаты спросили, куда уехал тов. Егоров, то ответ был таков: “Егоров знает, куда уехал, и с вашим армейским комитетом считаться не хочет и не желает”.

Пьянство, разврат, катанье по городу с бабышнями были в полном разгаре среди товарищей, обслуживающих штаб Егорова. Видно было, что на те деньги, которые получают солдаты, они не могли вести такую разгульную жизнь, при которой требовались не сотни, а тысячи.

В тот же день была получена телеграмма от тов. Муравйова, чтобы немедленно председатель и секретарь [армейского комитета], и вся Первая армия немедленно ехали в Одессу. С другой стороны, была получена телеграмма из Киева от Народного секретариата Украины о том, чтобы Первая армия двигалась на Киев.

Создавшееся положение заставило нас задержать ехавшего в Петроград тов. Егорова, который, придя в вагон и узнав о том, что он задержан для выяснения создавшегося положения, отвечал: “Я командующий армией, вы не имеете права меня задерживать и арестовывать”. Но, несмотря на слова товарища Егорова, он был задержан, причем оружие не было отобрано.

В тот же день мы поехали в Киев, с нами отправился отряд латышей. Доехав до ст. Сухолес

нас не стали пропускать в Белую Церковь, по-видимому, гайдамаки или немцы. Мы вынуждены были вернуться через станцию Гребенку в Киев, потому что, не имея за собой реальной силы, не могли дать отпор врагу.

На ст. Черкасы было два Конотопских отряда, с которыми мы решили выпустить тов. Егорова. После выхода он арестовал всех нас делегатов и комитет, угрожая расстрелом, но через час [все арестованные] тов[арищами] конотопцами были освобождены. Товарищ Егоров не поехал в Петроград, а сказал, что поедет туда, куда знает [...] Таким образом, армейский комитет, опасаясь тов. Муравйова и Егорова как противников всяких организаций, был распущен. Вот все, что я могу сказать об армейском съезде.

Делегат 3-4 рот Бердник

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.84-84 зв. Завірена копія, машинопис.

4. Свідчення товариша голови армійського комітету Першої революційної армії Сергія Коптелова у справі М.А.Муравйова

м. Москва

не раніше 19 березня 1918 р.

31 декабрю [1917 г.] в 12 часов дня я с командиром полка т. Тезиковым был у Егорова,

который сказал командиру полка, что сегодня будет собрание начальников отряда. С ним была телеграмма от политического отдела выбрать на собрании на сто человек по одному представителю. Тов. Тезиков спросил Егорова: “А разве представители отрядов не будут?” “А для чего?” - спросил Егоров. “Теперь, - [ответил Тезиков], - кажется, есть председатель полкового комитета, и у нас вообще все идет через комитет”. Егоров сказал: “Ну, пусть послушают”. Я ему сказал, что сегодня должен собраться съезд представителей Первой революционной армии. Он ничего не ответил.

Часов около 7 вечера собрались представители, и съезд был открыт. На нем избрали для ведения собрания председателя и секретаря. [...] Егоров и Козюра хотели, чтобы собрание прошло без выбора председателя, и взять инициативу ведения собрания в свои руки, ограничиться докладом Егорова о внешних и внутренних делах. На съезде сделал доклад Егоров. Съезд принял его к сведению. Второй вопрос был поставлен о бесконтрольном поведении командующих, [о том, что] дальше идти в такой плоскости не может, что необходимо избрать комитет. Егоров и Козюра настаивали на том, чтобы не избирали армейский комитет, а отложили до следующего съезда. Многие [им] указывали: “Для вас армейский комитет вреден потому, что вам не даст своевольничать”. Егоров и Козюра впали в истерику [...] Тут же съезд избрал

армейский комитет, в котором я был избран т[оварищем] председателя аркома.

Утром 1 января Егоров поехал к Муравйову с докладом о том, что избран арком Первой революционной армии. Муравйов сказал, что он комитет не утверждает и приказывает собрать съезд, а, между прочим, приказал отрядам двинуться на разные станции. Мы Муравйову телеграфно ответили: “Съезд созывать мы не будем, если вам желательно – приезжайте в ар[мейс]кий комитет на ст. Дарница”. Еще была от него телеграмма “Приказываю собраться аркому 12 часов дня, я приеду”. Но в 12 часов Муравйов не приехал, а приехал часа в два или позже, и стал говорить, почему армейский комитет не собрался.

А когда мы собрались, он выступил с речью и говорил: “Я никакого контроля над собой не потерплю, и если есть комитет, то я его признаю как хозяйственную комиссию по распределению продуктов [...] Диктатура пролетариата есть во мне, а если армия мне не будет доверять, то я ее распушу или же уйду и где-нибудь наберу новую”. С нашей стороны были возражения, но он заявил, что у него нет времени.

На собрании полкового комитета было решено послать делегацию к Совету народных комиссаров, но когда был избран армейский комитет, то решили отправить из армейского комитета. Такая делегация была послана в числе

трех человек, из которых были двое у Ленина (т. Брусин и еще один, фамилии не помню).

4 февраля делопроизводитель Егорова, кажется его адъютант, подал мне приказ на подпись, так мы ему сказали, что приказы должны подписываться, кроме командующего Муравйова, еще пред[седателем] или т[оварищем] председателя аркома. В том приказе указывалось дать начальнику станции Дарница за его работу награду 200 руб. Я приказа подписывать не стал и указал, что если давать субсидии, то всем нужно, ибо рядовые железнодорожники работали еще больше. При этом спросил: “У вас есть от железнодорожного комитета удостоверение, что начальник ст. Дарница нуждается и что он не мелкий буржуй?” Он сказал, что ничего нет, что приказал выдать [наградные] Егоров. Я приказ оставил до собрания армейского комитета, на котором был и Егоров. Я ему сказал то же, и еще указал, что недопустима такая чиновничья награда, что [...] мы, как революционеры, примеров таких подавать не должны. Егоров взял у меня из рук приказ и тут же его разорвал, при том сказал: “Это формальность, а я дам, вы и не узнаете. Деньги получил я оттуда вовсе сам, а еще мне Муравйов дал право, когда мне потребуется брать [деньги] в банках” [...]

Одному из заведующих хозяйством, т. Додонову, Муравйов выдал мандат такого содержания, что тот может производить

реквизицию где угодно, и вместе с тем имеет право убивать. И ему же, т. Додонову, Муравйов предлагал дать подарок. Т. Додонов спросил, какой подарок и Муравйов говорит: “Я всех награждаю деньгами. Я всех дельных людей награжу деньгами и обеспечу их”. От такой награды т. Додонов отказался и сказал: “Я как революционер таких наград не приму”. Это рассказал Додонов армейскому комитету. Он состоял членом армейского комитета Первой револ[юционной] армии. Это может подтвердить все т. Александр Мойсеев.

После избрания армейского комитета Муравйов начал отряды отправлять то на Дон, то в другие места, говоря, что это стратегический план. А когда отряды уехали, то стал говорить, как, например, про донцов, которых было избрано 3 человека в армейский комитет: “Какие вы представители, если ваши отряды уехали?” Но, между прочим, в комитет было избрано всего 11 человек не по отрядам, а от всего 11-го Сиб[ирского] полка [...]

Егоров приказал полку ехать в гор. Ромны, армейский же комитет предложил или ехать 11-му Сиб[ирскому] полку в Екатеринослав или остаться в г. Киеве, так как из Киева части почти все Муравйов увел и контрреволюция сможет поднять голову. Но Егоров [...] на наше предложение не согласился, и полк был отправлен в Ромны, где за все время никаких сведений полку, ни

продовольствия не давали, он совершенно был оторван от событий. Из Киева, когда стал переезжать штаб и комитет в Знаменку, я переехал для демобилизации 11-го Сиб[ирского] стр[елкового] полка, который находился в Елизаветграде. Были разосланы телеграммы о втором армейском съезде, на котором и хотели сделать доклад о ходе дел армейского комитета, а также и переизбрать армейский комитет, так как некоторые части выбыли, и было включено много новых отрядов. Из некоторых отрядов приехали. Обсудив с нами вопрос о том, даст ли Муравйов собраться съезду, [было решено] послать для информации трех членов [армейского комитета] в отряды.

26 [декабря] вечером была получена телеграмма от Украинского Народного секретариата о том, что Первая революционная армия велением Народных комиссаров перешла в распоряжение Народного секретариата Украины. Отрядам [предлагалось] двигаться в Киев[...]

Часов около семи приехали Егоров и Козюра, они пришли к нам в комитет. Мы их спросили, знают ли они телеграмму с просьбой ехать в Киев. Егоров и Козюра заявили, что они никого не признают, кроме Муравйова. Мы сказали Егорову: “Вы теперь все равно командование армией сдали Асееву, и ваши отношения другие”. Но он заявил, что он командующий армией и никаких отрядов не даст. Мы также его спросили,

даст ли он в распоряжение [комитета отряды], если Муравйов сделает попытку арестовать [делегатов] съезда [...] Егоров ответил, что он никаких съездов и комитетов не признает, и исполняет только приказания Муравйова. А также и Козюра говорит: “Я приказываю сейчас же всем отрядам двигаться в Одессу для усмирения пьяных”.

Мы, имея два различных приказания, решили Егорова и Козюру задержать и ехать в Киев выяснить положение. Их еще задержали потому, что они говорили, что не признают [комитет] и выполнить нам ни того, ни другого [распоряжения] не дадут [...]

Что происходило по дороге к съезду вам показания, вероятно, дали. Наш арест производился в таком порядке: когда на собрании были части съезда и представители отрядов, то решили для командования отрядами избрать коллегию. Когда было проголосовано за это предложение, то сделали перерыв на полтора часа, дабы выбрать отрядами таковых лиц. В это время Егоров и Козюра приказали арестовать армейский комитет [...]

Первым был арестован я, Коптелов. При выходе из вагона мне наставили револьвер в грудь и штык винтовки в спину. Я спросил т[оварищей], что им от меня нужно. Они угрожали, что с нами теперь разделяются Егоров и Козюра, и стали рвать с меня кобуру с револьвером. Я им сказал: “Если вам нужен только револьвер, то я его выну и отдам

вам. Видите, оторвали кобуру и ее нужно чинить, у кого бы она ни была". Я передал им револьвер и патроны. Мне сказали, что я арестован и буду стоять у вагона, а потом Егоров со мной разделяется. В таком положении я стоял у вагона раздетый и без папахи около двух часов. Когда проходили красногвардейцы латышского отряда, то они спросили, и я им вкратце передал, что арестован. Это может подтвердить т. Жданов.

Егоров однажды на заседании армейского комитета, когда обсуждался вопрос о Муравйове, говорил о том, что когда взяли Киев, и вместе с тем была наложена контрибуция [на город], Муравйов брал деньги в банке. Вместе с Муравйовым в банк пошел и Егоров. Когда подошли к банку, то часовой их не пропустил. Но Муравйов сказал: "Я - командующий войсками [...], а это моя свита". Исходя из таких примеров, можно судить о Муравйове и видеть в его распоряжениях генерала старого типа, а не революционера.

В то же время Егоров рассказывал, что действительно Муравйовым были расстреляны невинные. Он указывал на один пример [...] Муравйов выстроил 7 или 6 человек, вынул револьвер и хотел их расстрелять. Но Егоров отвел его руку. И когда спросили, то оказалось, что [эти люди] ни в чем нигде не замешаны, а только проходили и их задержали.

26 февраля нами была получена телеграмма от Муравйова, чтобы приехали немедленно

председатель и секретарь аркома Мойсеев и Лapidус по делам службы. Армейский комитет не считал необходимым ехать, а [полагал, что если] поедут Мойсеев и Лapidус, то Муравйов их, скорее всего, расстреляет или, в крайнем случае, арестует, дабы сорвать съезд, на котором армейский комитет должен сделать доклад. Также делегация из Петрограда от Народного комиссара Ленина 27-го февраля должна была приехать и тоже сделать доклад.

После освобождения нам Егоров говорил, что телеграммы [армейского комитета] – нуль, они исчезнут и до отрядов не дойдут, ибо Муравйов не допустит. Исходя из всего этого, мы решили ехать в Ромны, где находился 11-й Сиб[ирский] полк. Обсудив вопрос, можно ли какую-либо вести работу, исходя из принципа и борясь за честное, и справедливое, решено армейскому комитету ехать в Москву или в Петроград и обо всем доложить ЦИК и Следственной комиссии.

[...] Из газет видно было, что Муравйов идет на уступки. Я считаю, что все это он делает лицемерно, дабы обнаружить себя еще больше – одним словом, как человека, применяющегося к местности.

Еще вот что нас заставило ехать обязательно в Москву или в Петроград: только мы приехали в Ромны, получили телеграмму от Муравйова, в которой он объявил вне закона гг. Мойсеева и Лapidуса – председателя и секретаря аркома [...]

Ставленники Муравйова могли изловить и расстрелять любого из нас [...]

Меня очень просили т[оварищи] 11-го Сиб[ирского] полка остаться для формирования революционного отряда, что и могут подтвердить ч[лены] полкового совета. Но мы решили выяснить положение и отстоять позицию права революционера.

Очень много фактов еще о проделках Муравйова. Но я рассчитываю на те данные, которые вам будут предоставлены еще другими товарищами, и всю эту грязную историю подтверждаю.

С.Коптелов

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.22-24. Завірена копія, машинопис.

5. Свідчення товариша голови комітету Першої революційної армії Сергія Коптелова у справі М.А.Муравйова (продовження)

Без місця

Без дати

Во время боев в Киеве

Указываю несколько фактов, которые деморализовали армию и привели к разложению, а также о страшнейших жестокостях Муравйова и его назначенцев.

При занятии ст. Киев-II 11-м Сиб[ирским] стр[елковым] полком выставлены были караулы и грабежи, которые имели место до нас, были прекращены [...]

Утром часов около 11 выходит из [здания] ст[анции] работник штаба [Муравйова] Драгомирецкий, который подошел к вагонам и стал кричать солдатам и всей вольной публике: “Чего смотрите? Берите кому что надо”. Услышав этот призыв, солдаты, а также и жители приступили к вагонам и стали разбирать чего кому нужно – кто в вагон, кто по своим квартирам.

Часовые пришли к нам в комитет и заявили, что вагоны грабят, а они ничего сделать не могут. Мы пошли с секретарем полкового комитета [...] убедить людей в том, что мы - революционеры и грабить по своим карманам не можем. Но они указывали, что им разрешили. Через некоторое время все-таки удалось [прекратить грабеж].

[...] Идет Драгомирецкий, ищет вагон с мануфактурой. Нашел, открыл и выбрал хороший кусок материи, аршинов 40. Я ему стал говорить, что вождю революционных войск, и вообще революционеру, такое делать не достойно. Он тогда ответил: “Я это беру себе в вагон”.

После прибытия [...] штаба Муравйова очень трудно было удержать [солдат] ничего не тащить. Мы просили, чтобы приехал поезд и забрал вагоны с грузом для снабжения армии [...]

Когда приехал к нам поезд, то привез в полк немного хлеба, который т. Демин и принял. Бежит от станции Драгомирецкий, прыгает в вагон с револьвером в руках [...] и выбрасывает хлеб [из вагона]. Демин был без оружия. Драгомирецкий не пришел в комитет за разрешением [взять хлеб]. Комитет, между прочим, был в 50 шагах, и всегда можно было взять разрешение без пушки.

[...] Нам было приказано часть роты 1-го батальона и две роты 3-го батальона двинуть на Крещатик. Некоторым ротам [надлежало отправиться] на ст. Киев-Товарная, а небольшая часть солдат [11-го Сибирского стрелкового полка] осталась на ст. Киев-II.

До приезда Муравйова на ст. Киев-II мы сомнительных лиц задерживали и допрашивали. Некоторых отпускали, а некоторых сажали в вагон. Перед наступлением полка приехали на станцию Муравьев, Егоров, Козюра и наш командир полка. И вот стали приводить им задержанных без документов. Муравйов кричал: "Не ведите мне всю эту сволочь, расстреливайте их. До тех пор не помирю с Киевом, покуда не расстреляю населения 3000 [...] Всю я эту сволочь выпустил, всю и уничтожу."

И начался расстрел в Киеве [...] Много шло солдат из госпиталя и без документов. Некоторые были расстреляны, а остальным жизнь спасли солдаты 11-го Сиб[ирского] стр[елкового] полка, которые расстреливать [раненых солдат]

отказались, и пропускали их, видя то, что люди лежат в госпиталях и отпущены [...]

Муравйовский порядок расстрела был такой. Ведут красногвардейцы 4 или 5 человек (водили разное количество) на открытое место, расстреливают, и тут же снимают [с убитых] сапоги, выворачивают карманы. Лежит человек 30 расстрелянных, и все разутые и раздетые. Расстрелы стали переходить в личные интересы: убьёт, снимет часы, или вроде того.

Солдаты протестовали против такого кошмара, а представители ротных комитетов заявили, что расстреливать каждого, кого приводят на станцию, солдаты не будут [...]. Когда услышал Муравйов, то закричал: “Паршивцы, такие-сякие, регулярники. Красногвардейцы, матросы и вас всех до одного расстреляют” [...]

Есть еще очень достопримечательный факт. Когда началось наступление по направлению Крещатика, туда приехал Муравйов. Встречается молодой человек с дамой, а именно с женой. Муравйов кричит красногвардейцу: “Расстреляйте его!” [...] Красногвардеец взял его от жены, которая упала в обморок. И молодой человек был расстрелян [...]

Сестра милосердия из нашего полка не смогла смотреть на этот ужас расстрела, побежала в сторону. А красногвардеец - за ней, и приставил револьвер. Муравйов, видя все это, только улыбается [...]

К красногвардейцу подъехал секретарь полкового комитета и сказал: “Это сестра нашего полка, что могут подтвердить все солдаты 4-й роты. Прошу отойти и дерзости такие не применять”.

На ст. Киев–II Муравйов говорил солдатам и красногвардейцам: “Возьмем Киев, то все ваше [...] особняки, перины, все вы будете в барских комнатах [...], будете и отдыхать, и гулять.”

Когда приходили жители, даже рабочие, и жаловались на то, что красногвардейцы взяли часы и тому подобное, то Муравйов говорил: “Отдайте им все.”

Красногвардейцы, беря оттуда что нужно, стали набирать мешки, и когда завелись хорошие вещи по мешку, ясно, что их нужно было отправить домой. Такие явления наблюдались после киевских боев [...]

Когда взяли Киев, и мы уже были на пассажирской станции, то нам нужно было ехать в с[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] г. Киева. На вокзале стояли три автомобиля, которые были в распоряжении Муравьева. Мы с товарищами [...] пошли к Муравйову за разрешением. Мы попросили коменданта Клименко, чтобы он спросил разрешения. Минуты через две он вернулся от Муравйова и сказал: “Если вы не уйдете, то будете расстреляны. Уходите прочь”. Солдатам своим о том, что Муравйов грозил меня и т. Бушева расстрелять, мы в то время

не стали говорить, исходя из того, что они весь его министерский поезд подняли бы на воздух. Я, как председатель полкового комитета, солдат хорошо знал [...]

С.Коптелов

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.61-62. Оригінал, рукопис.

6. Свідчення делегата з'їзду Першої революційної армії від автоброневі команд "Іван Меркулов" Петра Барса про діяльність М.А.Муравйова в Україні

Без місяця

19 березня 1918 р.

Не могу сказать точно, был ли определенный план у Муравйова, который мог бы провоцировать армию, находящуюся на южнорусском фронте. Но, во всяком случае, его поведение заставляет сильно сомневаться в его искренности. Постараюсь сообщить те данные, которые мне известны и на основании [которых] можно судить о его системе.

Демократический принцип - выборное начало был проведен только в крупных отрядах [...] петроградцев, москвичей, латышей и сибиряков. В маленьких же отрядах начальники были сплошь почти назначены Муравйовым. Например, на станции Полтава автоброневая

команда должна была пойти разоружить 4 укр[аинский] полк. Когда на вопрос Муравйова о том, есть ли командир, ему ответили отрицательно, он сказал, указывая на первого попавшегося красногвардейца: “Вот вам начальник, слушайте его”.

Стремясь привлечь массы красногвардейцев на свою сторону, Муравйов не брезговал никакими средствами. Так, на какой-нибудь отряд обращалось исключительное внимание, он осыпался всякими милостями. Такое внимание было обращено и на команду, пославшую меня на съезд. В течение короткого срока было выдано по два [комплекта] обмундирования, более 50 рублей деньгами, выдавали сладости, обещаны были револьверы и были реквизированы лучшие меблированные комнаты в Полтаве. Обещанием револьвера можно было подкупить почти всякого красногвардейца.

После взятия Киева, несмотря на то, что со времени последней выдачи денег прошло не больше полторы недели, было выдано снова по 100 рублей и по обмундированию, выдача сластей увеличилась - выдавались мед, конфеты, пряники и пр.

У всех красногвардейцев накопилось много разных вещей, которые были приобретены зачастую грабежом. Это действовало деморализующе, и увеличивало стремление домой.

Любопытен один факт, произошедший в Полтаве с броневиком “Иван Меркулов”. Из Харькова в Полтаву броневик был подан в неисправности и там решили его отремонтировать, к чему и приступили [...] Когда была сделана половина работы, Муравйов отдал приказ: “Чтобы к 12 часам ночи броневик был готов и погружен: или броневик – или два трупа”. Полтавский летчик, который ремонтировал [броневик] (фамилия его мне неизвестна) и командир броневика подали броневик на станцию Бахмач в неисправности. Летчик сказал, что броневик готов, получил наградные (кажется, 1000 руб.) и скрылся. Когда Муравйов узнал о том, что башни в броневике не работают, то приказал его поймать и расстрелять.

После взятия Киева Муравйовым была собрана 10 миллионная контрибуция с капиталистов города. Часть этих денег пошла на награды: красногвардейцы получили по 100 рублей, матросы и артиллеристы по 500 и по 100.

Сейчас же после взятия города начался грабеж, для приостановки которого никакие меры не предпринимались, так как всякие “штабы” и “командиры” принимали самое деятельное участие в нем.

Во время боя Муравйов не считался с интересами мирных жителей, и часто бомбардировке и обстрелу совершенно бесполезно подвергались [дома], битком набитые жителями. После взятия [Киева], согласно приказу Муравйова

“расстреливать всех мерзавцев, буржуев, юнкеров и т.д.” расстреливались зачастую люди, совершенно непричастные к боевым действиям.

Сильное негодование возбуждали штабы всевозможных “командующих”, в которых велась самая распущенная жизнь. Не нравились красногвардейцам и донесения Муравйова, как-то: “Мною занят город Киев”, “Я готовлюсь к операции против румын” [...]

Все это вело к разложению армии, в особенности, если принять во внимание оторванность “штабов” и “командующего” от масс красногвардейцев.

Бесконтрольное распоряжение деньгами привело к тому, что массы красногвардейцев перестали верить командующим. Все это, вместе взятое, и привело к тому, что, уставшие от такой неразберихи, красногвардейцы решили ехать домой. Это и привело к киевскому поражению.

Как образец терминологии ставленников Муравйова я приведу следующий разговор [...] в гостинице “Пальмира” [в Полтаве] при ее реквизиции между владельцем гостиницы и начальником автоброневой команды Петром Масюковым:

- Пять номеров заняты.
- Очистить! Это неважно.
- Как, разве можно?
- Муравйов все может! Мандат получим от него и очистим.

Интересен один факт, произошедший там же в Полтаве. Когда броневик “Иван Меркулов” должен был ехать на разоружение 4-го укр[аинского] полка Муравйов отозвал двух пулеметчиков броневика – Родионова и Бориса Васильева и дал им следующий приказ: “Действуйте энергично по улицам, расстреливайте”. Кого и за что расстреливать – не пояснил [...]

26-го февраля я вместе с двумя товарищами был послан в армейский комитет Первой революционной армии для информации о деятельности части [...]. На ст. Голта мы встретились с военным комиссаром, который сообщил нам, что незадолго до нашего приезда здесь был отряд Сиверса (какого - сказать не мог), и что этот отряд производил там грабежи, самочинные реквизиции, обыски, при чем исключительное свое внимание обращал на спирт.

На станции Слободка мы застали следующую картину. Муравйов, узнав о решительных действиях, которые были начаты армейским комитетом против него [...] передал следующие три пункта армейскому комитету: “Я не признаю самозванного а[рмейского] к[омитета] и никакого контроля над собой с его стороны не потерплю [...] Согласен признать его как контрольную хозяйственную организацию”; “Первая р[еволюционная] ар[мия] не существует: она частью разбежалась, частью разъехалась [...]

Мною же сформирована другая Первая армия”; “Мною созывается другой армейский съезд, который будет отражать истинную волю Первой армии”.

Вся остальная часть его речи была усыпана выпадами против мальчишек, интриганов, баб, работающих в ар[мейском] к[омитете] и “заправляющих” там. Он говорил, что является носителем советской власти на Руси, говорил о своей демократичности, о том, что войска его хорошо знают, что он умирал вместе с красногвардейцами на баррикадах, грозил разогнать съезд, если тот осмелится собраться, и в конце своей речи сообщил, во-первых, что Первая армия уже достигает 30 тысяч, что под его командованием находится вся Восьмая армия, и что ему придется идти выручать Киев, “который этот секретариат не смог удержать”.

Потом, желая поразить нас, он сказал, что каждый простой красногвардеец у него будет получать по сто рублей. После торжественного лобзания с командующим Асеевым он закончил с нами разговор [...]

П.Барс

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.16, арк.138-143. Оригинал, рукопис.

7. Доповідь члена комітету Першої революційної армії Єфіма Ісаковича Лапідуса у справі М.А.Муравйова

м. Москва

не раніше березня 1918 р.

Узнав я Муравйова в Полтаве в первых числах января [1918 г.] по ст[арому] ст[илу] и обратил на него внимание после того, как слышал его речь, произнесенную в Полтаве, в которой у него скользило неоднократно повторяемое “расстреляю”, “арестую” и т.п. Вообще, с первых же дней его деятельность стала обращать на себя внимание очень многих, а метод и тактика обратили мое внимание, как человека, стоящего внутри организации, каковой являлась наша армия (Первая революционная).

Прежде всего, Муравйов начал с того, что стал запугивать и терроризировать всех жел[езно]дор[ожных] служащих. Его приказы, а по его примеру [приказы] всех других, как начальников, так и комендантов и даже красн[о]гвард[ейцев] носили следующий характер: “Если через 15 минут паровоз не будет готов - расстреляю!”, “Если через 10 минут поезд не будет отправлен - расстреляю” и т.п. Это - одно из самых обыденных выражений [того времени], и как оно влияло на жел[езно]дор[ожных] служащих - можно себе представить.

Ярким примером поведения [Муравйова] служит следующий случай. На станции Гребенка старик дежурный имел привычку похлопывать всех по плечу, улыбаясь и приговаривая, что уже все готово, исполнено и т.д. в этом роде. То же самое сделал он, докладывая Муравйову о том, что паровоз готов. Муравйов не обратил на это внимания, но через несколько минут вспомнил и закричал: “Комендант, кто это осмелился только что положить руку на плечо главнокомандующего?” Получив ответ, что это сделал дежурный по станции старик, он закричал: “Скажите ему, что если он еще раз осмелиться положить руку на плечо главнокомандующего, то будет убит. Скажите ему, что я его не убил его теперь только потому, что мне было некогда, передайте ему это!” (дословно почти).

При проезде поезда Муравйова по его приказу движение [других поездов] прекращалось на несколько станций вперед. Всякое малейшее неисполнение приказов, которые даже не могли быть выполнены, грозило наказанием - расстрелом. Очень много фактов подтверждают это, перечислить все невысказанно. Укажу только еще несколько фактов, довольно ярких.

Муравйов был в Киеве, откуда распорядился послать в такое-то время стоявший в Дарнице отряд в определенном направлении. Но ввиду страшной загруженности работой дежурный по станции не успел отправить отряд в назначенное

время, а только через 15 минут после указанного срока. Начальник предназначенного к отправлению отряда подал Муравйову телеграмму с указанием, что срок истек, а эшелоны еще не отправлены [...]

Ответ Муравйова был лаконичен: “Убить начальника станции и его помощника. Муравйов”. Приказ не был приведен в исполнение благодаря тому, что к моменту получения телеграммы начальник отряда уже уехал [...]

Другой интересный факт. Для взятия Киева я был назначен комендантом станции Киев-I Пассажирский, которая была довольно сильно повреждена от боев. Наши эшелоны были расположены по пути от Киева до Дарницы, а поезд Муравйова стоял в Дарнице. Сам он был в Киеве, откуда передал мне, а также начальнику станции приказ: “Немедленно принять мой штаб, и пока он не прибудет на станцию Киев-I Пассажирский, ни одного другого поезда не принимать. В противном случае все дежурные начальники станции будут расстреляны”. Приказ был получен часов в четыре дня. Я был занят приведением путей в порядок и приготовлением мест для приема поездов красногвардейцев. Сообщение телеграфное и телефоном между Дарницей и Киевом было прервано. Я направил своего помощника на автомобиле объехать пути с тем, чтобы узнать, где какой поезд с кр[асно]гв[ардейцами] стоит, и в то же время дать в Дарнице распоряжение о присылке поезда

Муравйова, что и было выполнено моим помощником.

Стали приходиться усталые, голодные красногвардейцы, [которые] просили поскорее принять их эшелоны, но я не мог этого сделать, ибо знал, что Муравйов в делах расстрела не шутит и невинные жел[езно]дор[ожные] служащие [могут] пострадать.

Вскоре приехал сам Муравйов. Узнав, что поезд еще не подан, повторил свой приказ в еще более угрожающей форме. Видя, что его поезд все не прибывает, я послал своего помощника с паровозом на станцию Дарница для ускорения доставки поезда. Через довольно продолжительное время поезд был подан. Это было около 12 часов ночи. За несколько минут до этого я сам отправился в Дарницу, но уже поезда там не застал. Я вернулся на станцию Киев к себе в комендантскую, где мне рассказали следующее.

Когда поезда еще не было, Муравйов поднял крик: “Где поезд? Почему до сих пор не выслали?” Ему ответили, что он распорядился лишь принять, а не высылать поезд, и что его секретарь не распорядился об отправке поезда, тогда он заявил: “Какой секретарь? А, это, наверное, моя секретарша. У-у-у (площадное слово), завтра же отдам ее на изнасилование солдатам”. Сказано это было при довольно большом скоплении публики. Как это отзывалось на красногвардейцах и солдатах можно себе

представить из того, что дня через два кр[асно]гв[ардейцами] была изнасилована сестра милосердия гайдамацкая.

В Киеве во время боев солдаты и красногвардейцы приводили часто арестованных в штаб Муравйова и Егорова для разбора виновности арестованных. Муравйов, а за ним и Егоров (командующий Первой армией) неоднократно говорили: “На какую ... мать вы их сюда водите, не знаете где “штаб Духонина”? Туда и отправлять всех без всяких допросов!”

“Штабом Духонина” называлось более или менее укромное место и даже где попало, где расстреливали виновных и невиновных, кто только попадался в руки. Иначе говоря, в “штаб Духонина” означало “расстрелять”.

Часть малосознательных развращенных красногвардейцев и солдат пользовалась безнаказанностью и даже поощряемостью [командования], и расстреливала всех встречных и поперечных, увлекая за собою всех, даже наименее развращенных. Ни одного раза Муравйов, зная все, не позаботился издать приказ о прекращении подобных явлений. Наоборот, разъезжая на автомобиле, он обращался к революционным войскам с горячими призывами: “Будьте беспощадны, главное - будьте беспощадны, никому пощады не давайте!”

До Муравйова грабеж был позором для отряда, и виновных исключали из него, вообще это

было явление редкое. Как только появился Муравйов, то первое, что было удивительно, так это то, что в отряды стали принимать всех желающих, без всяких рекомендаций каких бы то ни было организаций. Часто жители указывали на то, что в наших рядах есть грабители и воры, которых все прекрасно знают за таковых. Ясно, что грабежи дошли до невероятных размеров, грабить начали все, за исключением самой небольшой части сознательных. И это не только не наказывалось, но Муравйов часто повторял: “Все - ваше, берите все, отдайте им все” и т.д. Армия была разложена и развращена в конец. Жители, которые сначала благодаря агитации были на нашей стороне и встречали нас хорошо, после всего этого проклинали нас.

В высшей степени показателен еще следующий факт. Муравйов в своих речах перед регулярными войсками, хваля их, указывал на негодность красногвардейцев, на их неумение стрелять, недисциплинированность и т.д. И, наоборот, в речах перед красногвардейцами ругал солдат-регулярников, говорил, что они не революционеры и что 30 красногвардейцев разобьют 100 солдат.

При взятии Киева приказом Муравйова были розданы награды революционным войскам “за взятие Киева”. При этом красногвардейцам было выдано по 100 руб., а солдатам по 20, и только когда солдаты подняли бурю за награду

вообще и, главным образом, за такое несправедливое распределение, то был отдан приказ о выдаче по 100 руб. и солдатам. Однако споры и ненависть солдат к красногвардейцам были сильны.

Тут укажу на приказ Муравйова о выступлении 8-й роте 11-го Сибирского стрелк[ового] полка, который находился в нашей армии. Когда рота части заявила, что выступит только по приказу командира или комиссара полка, Муравйов ответил: “Я сейчас же вышлю броневик с матросами и красногвардейцами и расстреляю вас всех до одного человека”.

Вообще угрозы солдатам красногвардейцами и наоборот также способствовали усилению вражды между ними.

Я не располагаю достаточным временем, чтобы до мельчайших подробностей или хоть более подробно пояснить фактами свои показания. Во всяком случае, я глубоко убежден, что Муравйов - авантюрист довольно высокой марки. Он с большим талантом и нахальством, с удивительной наглостью проводил свою тактику - тактику личной диктатуры и захвата власти. Его приказы [...] были замечательны тем, что относились на имя советских властей.

Чтобы создать организации в армии мы созвали армейский съезд, на котором были выбраны 11 человек в комитет Первой революционной армии. Когда Егоров сделал об

этом доклад Муравйову, тот сказал: “[Никакого комитета] не знаю, [его состава] не утверждаю, [в своих войсках я сам] приказываю”. Все это передал нам сам Егоров.

В дальнейшем Муравйов не желал считаться с организацией, каковой являлся армейский комитет, преднамеренно тормозил его работу и просто желал дискредитировать его. Следствием этого стало то, что через некоторое время после создания организации в нашей армии почти все отряды пехоты были разосланы по своим городам для переформирования. И, наконец, когда мы стали заявлять о том, что действия Муравйова партией большевиков не могут считаться правильными, и его выступления с речами от имени советской власти и революции также не могут считаться правильными в политическом отношении, Муравйов стал относиться к нам крайне враждебно. Когда на 27 февраля был назначен в Елизаветграде второй армейский съезд, мы получили от Муравйова из Одессы телеграмму от 26 февраля, адресованную председателю и секретарю армейского комитета: “Приказываю Вам немедленно явиться ко мне по делам службы”. И это накануне съезда! Мы, конечно, к нему не поехали.

В тот же вечер Егоров, сдавший командование Первой армией какому-то Асееву (бывшему у Муравйова генерал - квартирмейстером), следуя по направлению к

Елизаветграду, отдал с дороги приказ коменданту города об аресте председателя армейского комитета Мойсеева и секретаря комитета Лapidуса, т.е. меня. Это вынудило нас арестовать Егорова: во-первых, он, как ярый сторонник Муравйова, все время не исполнял распоряжений комитета (напр[имер], по постановлению комитета, Егоров не имел права брать из кассы суммы более 500 рублей единовременно, но он не обращал на это внимания и брал деньги без утверждения армейского комитета), затем [он издал] приказ о нашем аресте, и много других фактов.

В пути, ввиду создавшегося на фронте критического положения, мы решили Егорова освободить. Через некоторое время мы получили телеграмму от Муравйова, в которой он объявил нас вне закона, изменниками советской власти и т.д. Такими обвинениями он поставил нас под угрозу быть расстрелянными первыми попавшимися, любым, кто только узнает, что мы объявлены вне закона и кому захочется пострелять. [Совершить такое], не предъявляя ни малейших обвинений, по меньшей мере, преступно, если нет более подходящего названия такому поступку.

Я не мог более подробно сделать свой доклад за полным отсутствием времени. Во всяком случае, прочтя все доклады, а также материалы, представленные Вам, вы поймете и представите себе картину деятельности Муравйова. Я же лично предъявляю ему следующие обвинения:

Пункт 1-й: Деятельность Муравйова привела армию в полное разложение и превратила ее в банду расстреливателей и грабителей.

Пункт 2-й: Я обвиняю Муравйова в смерти, вернее в убийстве несколько сот (200-300) совершенно невинных людей.

Пункт 3-й: В растрате народных сумм без санкций и контроля, а также в подкупах.

Пункт 4-й: В непризнании советской власти, неподчинении ей, а, наоборот, в желаниях и действиях, направленных к подчинению себе советской власти.

Пункт 5-й: В злонамеренном объявлении двух лиц вне закона, тем более без обвинений, а также лиц, явно стоящих против программы его деятельности и имеющих о таковой материалы.

Все дополнительные сведения я по первому требованию следственной комиссии представлю устно или письменно.

Е.Лапидус

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.25-30 зв. Оригінал, рукопис. Там же, спр.20, арк.8-10.зв. Завірена копія, машинопис.

8. Свідчення начальника 1-го Московського загону Прокофія Аполоновича Афонічева у справі М.А.Муравйова

м. Москва

не раніше березня 1918 р.

13 декабря [1917 г.] мы выехали из Москвы. Провожали нас Муралов и Муравйов. Последний выступил с речью, в которой подчеркнул: “Вы идете против контрреволюции. Помните, что все взятое вами и будет вашим”.

Возможно, этим Муравйов хотел сказать, что все взятое кр[асно]гвардейцами - достояние народа, но народ темный и [эти слова были] поняты им буквально. На этой почве в последствии бывало много недоразумений: очень трудно было убедить кр[асно]гвардейцев не присваивать себе военную добычу. Раз, на ст. Синельниково, еще до взятия Киева и Лозовой, один из красногвардейцев забрал у крестьянина лошадь и заявил, что теперь отвезет лошадь домой в деревню. Я ему не разрешил этого сделать, но он сослался на слова главнокомандующего Муравйова. Все же лошадь в деревню не отвез.

В боях под Киевом я не был, уехал из Первой армии 7 января [1918 г.] в Москву на пополнение. Никогда в нашем отряде никаких расстрелов не было. Ехали мы в поезде. Были слухи о расстрелах в егоровском отряде, но я слухам веры не давал. Никогда слухам не верю.

Я находил, что Егоров не понимает многого в военном деле. Так, он раз уехал ночью из Екатеринослава со своим штабом, не уведомив отряд. Из-за этого я с ним поспорил, поругался, указывая на дезорганизаторское поведение Егорова, которое создало панику среди населения и [привело к тому, что] отряды стали выражать недовольство и недоверие Егорову как командующему. Было трудно успокоить войска, так как Е[горов] уехал с продовольствием. Егоров оправдывался, говоря, что получил телеграмму от Антонова. Это было в первых числах января.

Я уехал дня через три после этого в Москву, с отрядом в 70 человек. Этот отряд, значительно пополненный, впоследствии отправился на Дон.

При мне не было, чтобы Е[горов] приказывал накладывать контрибуции, никогда ни одной копейки мы не забрали; за все продовольствие расплачивались.

Мне было неприятно то, что в штабе Е[горова] пьянство. Казначей штаба Егорова, Сливинский бывал часто пьян. Видел я его в таком виде. Я находил, что это недопустимо, т.к. это плохо действовало на отряды, дезорганизовало их, развращало, и вызывало среди населения плохое отношение к красногвардейским войскам.

В вагоне Е[горова], кроме того, была женщина, жила с ним в одной каюте. Что она там делала - не знаю.

Вначале Мойсеев был начальн[иком] штаба Егорова. До моего отъезда он оставался на своем посту. В отрядах красногвардейцы были недовольны Егоровым и хотели его переизбрать. Против этого возражали я и Мойсеев, [мотивируя тем, что] он был назначен Центральным штабом красн[ой] гвард[ии].

На собрании, созванном армейским комитетом, отдельные кр[асногвардей]цы заявляли о необходимости сместить Егорова. Но, благодаря общему решению, Егорова не сместили.

По частным слухам я получил сведения о том, что между Егоровым и Мойсеевым была ссора. Мойсеев был хороший организатор, работник, но как стратег - никуда не годился. Организовал он воен[но]-рев[олюционный] комитет. Лично я - против армейских комитетов, т.к. они вредят военному делу. Начальников, по моему, надо назначать.

На ст. Лозовой, в отряде некоторые попались за пьянство и мародерство. Дошло до того, что один товарищ убил другого. Пришлось разоружить 60 человек и отправить их в Москву. На мою первую роту сознательных и дисциплинированных товарищей я и мог только опираться в своих действиях. Хлопот с разоружением, конечно, было много.

По моему мнению, Муравйов очень хороший стратег, что видно по его действиям. Никогда ничего плохого про него не скажу.

Никогда не думал, чтобы его можно было под суд отдать, и даже не понимаю, как его отдали. Слышал я, что с Муравйовым все время ссорился прифронтовой комитет, находившийся в Бобринской, где было войск до 35 тысяч человек. Для меня неожиданность, что Муравйов арестован. Все-таки он гремел – “Муравйов”, “муравйовская армия”, а потом арестован.

Конечно, на товарищey это подействовало плохо. Заслуг у Муравйова было много – одно только, что Керенского разбил, Киев и Украину очистил от контрреволюции, Румынию и Бессарабию завоевал.

П.Афоничев

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.71-72 зв. Оригінал, рукопис; Там же, спр.17, арк.73-73 зв. Завірена копія, машинопис.

9. Доповідь уповноваженого Всеросійської колегії по організації та управлінню РСЧА в Донецькому басейні К.Б.Вербицького

Без дати

без місяця

Доклад Всероссийской коллегии по орг[анизации] и управлен[ию] Раб[оче]-крестьянской Красной армии, организатора Красной армии в Донецком бассейне К.Б.Вербицкого, делегированного

Всероссийской Коллегией 15 февраля 1918 г. по мандату № 91.

Штабы Красной армии и их взаимоотношения с советами

Штабы появились в Донецком бассейне в роли избавителей от калединщины и приветствовались массами, как реальная революционная сила, каковую массы не наблюдали в своих советах. В первое время своего появления штабы пользовались более высоким авторитетом, чем советы, и штабам легко было разогнать или игнорировать те советы, которые не отвечали духу времени. Штабы самостоятельно карали контрреволюцию, взимали контрибуцию, производили реквизиции и устанавливали революционный порядок.

С течением времени штабы превратились в самодовлеющие организации, не только независимые от советов, но и считающие себя выше советов и признающие за собою право самостоятельно объявлять тот или иной совет к[онтр]революционным, распустить его или даже арестовать его представителей. Такое отношение к советам стало проявляться даже со стороны отдельных мелких отрядов, если у них было достаточно вооруженной силы. К советам штабы стали относиться как некогда полиция к городским

думам или волостным управлениям. Совет обязывался предоставить штабу все необходимое, не обсуждая вопроса по существу и не имея никакого права вмешиваться в деятельность местного штаба. Начальники штабов и отрядов лично предписывали советам исполнение того или иного поручения.

Отношение к советам было одинаково пренебрежительное, независимо от партийного состава совета, ибо местные партийные организации третировались еще в большей степени, чем советы. Характерен следующий, незначительный сам по себе, факт. Начальник районного штаба, большевиков трижды занимал помещение местной б[ольшевистской] организации на много дней под построй, вследствие чего партийная работа на это время совершенно замирала. Это делалось, несмотря на энергичный протест Комитета организации и на то, что при некотором усилии можно было занимать другие помещения.

Штабы, вместо того, чтобы общими усилиями помочь массам овладеть советами и укрепить их, а затем действовать, опираясь на советы и на организованные массы — в действительности всячески подрывали значение советской власти и тем самым оттолкнули от себя широкие массы. Штабы в корне уничтожали значение советской власти, ибо они возродили чиновничество в новой форме, гораздо более

тягостной, чем прежняя полиция. Полиция знала норму, действовала чинно и на нее, на худой конец, можно было пожаловаться высшим чиновникам. Между тем как чиновники новой власти брали без разбору, чаще всего у мелких торговцев и у обывателей без всякой нормы. Жаловаться некому было, ибо в 9-ти случаях из 10, назначаемые сверху и ни перед кем неответственные начальники отрядов, эшелонов и даже армий, служили наихудшим образцом для своих подчиненных.[...]

Я утверждаю, что штаб Антонова служил заразительным примером для всяких других всевозможных и бесчисленных штабов и штабиков, и что Антонов своим бессмысленным и антидемократическим диктаторским поведением и легкомысленными назначениями на ответственные посты явился прямым пособником развитию штабного разврата на Украине, в Донецком бассейне, в Донской области и везде, куда достигало влияние – его собственное или его адептов. Мне лично жаловались на Антонова коллегially представители некоторых исполнительных комитетов густых рабочих районов, которые могли оказать немало услуг революции, если бы на их пути не было такого сильного препятствия, как штабы, обладающие реальной силой и круто расправляющиеся от имени революции направо и налево.

Ничего нет удивительного в том, что советы обращались в паническое бегство без видимой опасности, т.к. они знали о положении не более любого обывателя. Штабы же находились в вагонах и внезапно отскакивали на десятки и сотни верст, оставляя советы на произвол судьбы и не оставляя им вооруженной защиты против тех деморализованных красноармейцев, которые убегали вслед за штабом и своим вооружением наводили панику на все окружающее.

В результате печальной штабной политики замечалось такое явление, что в самый решительный момент некому было использовать боевое настроение масс, т.к. штабы не обращались к массам, чувствуя недоверие к себе, а советы оказывались в стороне. Повторить работу Петроградского совета, трижды поднявшего массы на защиту Петрограда, не представлялось возможным, вследствие всей предшествовавшей политики разрушения влияния советов.

Представление о том, что самостоятельность штабов вызвана непрерывностью военного состояния и необходимостью гибкому органу быть свободным от громоздких советов – абсолютно неверно, ибо, во-первых, работа штаба несколько не пострадала бы от несения ответственности перед советами в такой же степени, как каждый штаб ответственен перед высшей военной инстанцией (чего также не наблюдалось), и, во-вторых, персональный состав большинства штабов был

таков, что он не годился не только на гибкую работу, но и вообще на какую-либо работу. Мне знакома деятельность одного центрального штаба, в котором оперативный отдел за целый месяц не собрался наладить разведку хотя бы за 100 верст, начальник штаба не пользовался географической картой, и ожидал неприятеля с противоположной стороны, а заведующий отделом снабжения с одной стороны реквизировал беспощадно свой скудный тыл и оставлял без внимания лежащие впереди богатые деревни, продукты которых попали целиком немцам, а, с другой стороны, при эвакуации отправлял целиком все снабжение за 200 верст, оставляя фронт без самого необходимого, и т.д., и т.д. (фактов у меня имеется бесконечно много).

И это был один из лучших штабов, не развлекавшийся ни пьянством, ни проституцией, ни прочими прелестями военной жизни. Одним словом, штабы, технически негодные, морально низкие и к организации масс неприспособленные – сильно содействовали неуспеху советских войск на юге.

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.165-166. Копия, машинопис.

10. Свідчення голови Всеросійської надзвичайної комісії Фелікса Едмундовича Дзержинського у справі М.А.Муравйова

м. Москва

5 травня 1918 р.

О Муравйове Комиссия наша неоднократно получала сведения, как о вредном для советской власти командующем. Обвинения сводились к тому, что худший враг наш не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, самодурством, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени нашей советской власти, восстанавливая против нас все население. Грабежи и насилия – это была его сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор. И я считал, что если советская власть не накажет его со всей революционной строгостью – то весь позор и вся ответственность за эту тактику падет на советскую власть.

Арестовал я его после того, как получил сведения о том, что штаб его как главнокомандующего Кавказской нашей армией, уехал уже в Царицин, и что сам он уезжает туда же. Товарищ Троцкий уведомил меня, за несколько дней до этого, что Муравйов лишен этого мандата и что, следовательно, он является самозванным главнокомандующим. Кроме того, тов. Бирзе,

анархист, рекомендованный мне по своей честности тов. Пече, сообщил мне, что Муравйов после своего приезда в Москву сделал Льву Черному предложение снарядить анархистов оружием и предоставить для борьбы с советской властью 16-17 тысяч солдат. И когда Лев Черный сказал, что не намерен с нами воевать – Муравйов замаял свое предложение. Все-таки он передал анархистам два пулемета. Бирзе оговорился, что Льва Черного, ввиду его отношения к нам, трудно будет склонить рассказать нам об этом предложении Муравйова. Бирзе рассказывал мне все это в присутствии товарищей Пече, Александровича и Мыслева. В этот же вечер Александрович сообщил, что Муравйов [...] рассказывал, будто назначив его кавказским главнокомандующим, большевики дали ему инструкцию ударить в тыл сражающимся с турками меньшевикам, но что он на такую подлость не пойдет. Бирзе сообщил нам еще, что он видел корреспонденцию Муравйова, относящуюся к временам после Октябрьской революции, уличающую его как монархиста и провокатора. Со стороны Комиссии предприняты шаги для обнаружения этой переписки.

Председатель ВЧК Ф.Дзержинский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.20. Оригинал, машинопис.

11. Лист Михайла Артемовича Муравйова В.О. Антонову-Овсієнку з проханням посприяти у звільненні з Таганської в'язниці

м.Москва

5 травня 1918 р.

Дорогой товарищ! Я арестован и заключен в тюрьму. Если спросите за что, то я не могу ответить, ибо мне не предъявлено обвинения, кроме устного “за грабежи, пьянство и убийства”. Какие бы не были обвинения, но чтобы защищаться – нужно быть свободным, нужно использовать все материалы и документы, оправдывающие мою деятельность. Между тем, сидя в тюрьме, я этого не могу делать, а потому во имя социальной справедливости я прошу Вас оказать содействие в том, чтобы Чрезвычайная следственная комиссия освободила меня на поруки с взятием от меня подписки о невыезде из Москвы.

На поруки меня берет Ник[олай] Ив[анович] Муралов и Мандельштам, и вообще весь штаб Московского округа. Я сам хочу следствия и суда, чтобы реабилитировать себя в глазах общественности и советской власти. Но для этого я должен иметь свободу действий, как в вызове свидетелей, так и в использовании документов. Если Дыбенко, бежавший, теперь на суде и свободен, то для меня можно сделать все. Наконец, вспомните, когда мы с Вами взяли генерала Краснова со штабом в Гатчине, тогда советская

власть отпустила его на честное слово – неужели я, первый главнокомандующий социалистической республики, восстановивший советскую власть почти на всем юге, не заслуживаю снисхождения?

Я не прошу прекращения дела – напротив хочу суда, но дайте мне относительную свободу, чтобы я мог предстать перед судом во всеоружии защиты.

Дорогой друг, во имя наших добрых отношений, во имя воспоминаний октябрьских, славных дней сделайте все, чтобы меня освободили на поруки. Ваш голос много значит и я уверен, что будет сделано все для Вас. Я убежден, что все Ваши матросы за меня поручатся. Буду страшно рад, если когда-либо навестите меня в Таганке.

Я теперь окончательно уйду с политической сцены - после такого позора не может быть и речи о политической работе. Я убит морально. Жду освобождения через Вас.

Ваш М.Муравйов.

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.17, арк.15 – 16 зв. Оригинал, рукопис.

**12. Лист організатора робітничої гвардії
Деміївського району м.Києва Самуїла
Чудновського військовому комісару
Московської області Миколі Івановичу
Муралову про події в місті у січні 1918 р.**

м. Москва

6 травня 1918 р.

Уважаемый товарищ Муралов!

Ваше письмо получил. Знаю ли я об аресте Муравйова? Знаю о факте, но не знаю причин ареста. Насколько мне удалось узнать, его арестовали за массовые расстрелы в Киеве в январские [1918 г.] дни. Если это верно, то я хочу сказать несколько слов об этом.

Дело вот в чем. 15 января в Киеве вспыхнуло восстание. В первые дни оно имело успех, и город почти был в наших руках. Были захвачены все центральные районы и Арсенал, но в последующие дни, из-за отсутствия у нас руководителей, технических средств и военного аппарата, мы стали терпеть поражение. На пятый день восстание было самым жестоким образом подавлено.

Зверства гайдамаков не поддаются описанию. Весь город был залит кровью рабочих. В Арсенале после сдачи [восставших] гайдамаки устроили бойню. Из 700 человек его защитников не многие уцелели, даже раненых не щадили и

добивали их. Не удовлетворяясь расстрелами, гайдамаки издевались над трупами рабочих: резали носы, уши, языки.

Господство гайдамаков продолжалось всего несколько дней, но в эти несколько дней они столько издевались, что впечатление осталось надолго. Числа 22-го [января] подошел т. Муравйов с войсками и начал обстрел города из-за Днепра. Осада города длилась дня три-четыре. Не выдержав напора, гайдамаки струсили и начали отступать. Рано утром 25 января в город вступили отряды т. Муравйова.

Город имел кошмарный и ужасный вид: на улицах и перекрестках валялись в лужах крови сотни и сотни рабочих и солдат, расстрелянных гайдамаками. Борьба еще окончательно не затихла. То в одном переулке, то в другом еще дня два происходила перестрелка с засевшими гайдамаками.

Вид валяющихся в лужах крови, изуродованных трупов рабочих и солдат не мог не вызвать возмущения революционных отрядов, и вот в ответ на зверства контрреволюционеров начались расстрелы гайдамаков. Правда, во время расстрелов пострадали и невинные, но в этом не вина т. Муравйова, ибо гнев масс сильнее всяких приказов. Но все эти расстрелы происходили в то время, когда в разных концах города раздавались провокационные выстрелы.

Кажется, 29-го января был вывешен приказ Муравйова о прекращении расстрелов, и если после этого расстрелы происходили, то вина в этом не Муравйова, а гайдамацких банд, которые всячески срывали постепенно установившийся порядок.

Не знаю, можно ли после вышеописаного обвинять т. Муравйова в жестоких расстрелах в Киеве.

Вот все то, что я знаю о пребывании т. Муравйова с отрядами в Киеве. Сведения эти сохранились у меня потому, что в то время в Киеве я состоял секретарем при коменданте Демеевского района и организатором рабочей гвардии в этом же районе. О деятельности т. Муравйова в других пунктах Южного фронта говорить не буду, ибо мало знаю.

Лично я сожалею об аресте т. Муравйова и думаю, что он расплачивается за своих сотрудников. Всех благ, с товарищеским приветом к вам.

С. Чудновский

*ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк. 21-21 зв. Завірена
копія, машинопис.*

13. Свідчення голови Всеукраїнського ЦВК радянської УНР Миколи Олексійовича Скрипника у справі М.А.Муравйова

м. Москва

9 травня 1918 р.

[...] Муравйов вел боротьбу за взяття Києва очень енергично и самоотверженно. При взятти Києва, когда пулеметчики заколебались, Муравйов лично сел за пулемет и пошел впереди войск под орудийным огнем неприятеля. По отношению к контрреволюционерам действовал беспощадно, хотя, может быть, бессистемно. За личными удобствами не гнался. Действовал достаточно самостоятельно. Преступал иногда указанные границы в политических выступлениях - напр[имер], в Полтаве, в нескольких случаях в Киеве, где он выступал с речами.

В вину ставлю ему то, что он, несмотря на прямые указания политических представителей Народного секретариата, не двинул после взяття Києва войска на остаток разбитых войск Центральной Рады по направлению к Житомиру. Благодаря этому Рада получила возможность выйти из-под удара, вновь сформироваться и войти в сношение с немцами. Муравйов объяснил затем это усталостью войск и их недисциплинированностью.

Не как вину, но как на подлежащее разъяснению обстоятельство указываю, что Муравйов наложил контрибуцию на киевскую

буржуазию без прямого согласия Народного секретариата и не представил денежных отчетов Народному секретариату.

В вину Муравйову вменяю, что он все время рассматривал себя как будто вне подчинения краевой советской власти, намекая, что источником его полномочий является Совнарком - непосредственно или через Антонова.

Преступлением Муравйова считаю его намерение выпустить приказ по войскам в Киеве (до его отъезда в Одессу) не исполнять никаких приказов по войскам нар[одного] сек[ретаря] военных дел Коцюбинского. Приказ этот был уже готов, но Народному секретариату стало об этом известно. Муравйов был вызван на заседание Нар[одного] секр[етариата], где от него потребовали не издания этого приказа.

На этом заседании я тогда официально заявил Муравйову, что в случае издания такого приказа, он будет расстрелян.

Причиной этой коллизии явилось то, что ввиду крайней распушенности отрядов Ремнева, подчиненных Муравйову и принявших в своей деятельности прямо контрреволюционный характер, Коцюбинский, как назначенный Народным секретариатом главноком[андующим] всех войск, действующих на Украине, издавал приказы о дисциплине для обуздания мародерствующих отрядов Ремнева. При чем эти приказы издавались как обязательные для всех, в

том числе и для Муравйова. Он же рассматривал себя начальником войск специально российских.

В вину Муравйову ставлю то, что он, уезжая в Одессу, фактически оголил Киев от войск, подчиненных ему, частью уведя их с собой, частью отправив на формирование, частью оставив в Киеве, но в своем распоряжении.

Уезжая из Киева, он не отдал приказа [о том], что оставшиеся части поступают в распоряжение коменданта гарнизона. Благодаря этому получилось, напр[имер], то, что авиационный отряд муравйовских войск в Киеве во время наступления на город немецких войск отказался исполнять боевые приказы без специального подтверждения их Муравйовым. Броневой поезд из армии Петрова, стоявший, кажется, в Елизаветграде, отказался отправиться на Бердычев для отражения наступления немцев, также ожидая приказания Муравйова (было ли это с ведома Петрова, не могу сказать точно). Также и отряды этой армии не пошли на поддержку, ссылаясь на отсутствие приказа Муравйова.

В вину Муравйову ставлю то, что Сиверс II-й, действуя, как он говорил, по приказу Муравйова, разоружил и арестовал в Умани и Христиновке отряд члена ЦИК Кулика, действовавшего там по предписанию Народного секретариата. Сиверс II-й при этом указывал, что Умань находится в сфере распоряжений Муравйова и отряд Кулика, как не подчиненный ему, должен быть разоружен. Отряд

Кулика был разоружен, уведен из Умани и тем на долгое время сделан небоеспособным. Только добравшись окружным путем в Полтаву, отряд Кулика снова был вооружен и направлен в бой.

Отряд Кулика перед тем в течение долгого времени бился с передовыми отрядами гайдамаков, защищая, таким образом, подступы к Вапнярке. И когда отряд Кулика был разоружен и уведен, то немцы беспрепятственно заняли Вапнярку, а Муравйов издал телеграфный приказ по войскам, что Вапнярка взята немцами и гайдамаками, благодаря предательскому поведению украинского населения.

Подчеркиваю, что не знаю, действовал ли [Сиверс II-й] действительно по полномочиям Муравйова или прикрылся его именем.

Политическим преступлением Муравйова считаю его реляции в качестве Главкорума, в которых он объяснял военные неудачи предательским поведением украинского населения, изменой украинцев и т.п. По его реляциям выходило, будто действительно украинское население стояло за Раду, в то время как в гайдамаки шли отдельные незначительные кучки, а широкие массы проклинали Раду, призвавшую немцев.

Преступлением Муравйова считаю его телеграмму о взятии Киева, направленную против Нар[одного] секретариата и объявляющую Коцюбинского изменником, уже преданным суду.

Эту телеграмму Муравйов разослал “всем, всем...” Об этой телеграмме ему мною было официально заявлено, что если бы мы могли его арестовать после издания этой телеграммы, он был бы расстрелян.

Муравйов объяснил, что телеграмма [была] в его штабе злоумышленниками искажена и только после нашего разговора он опубликовал разъяснение, в котором заявил, что виновника расстрелял.

Вместе с тем, Муравйов говорил, что он был сам убежден в виновности Коцюбинского и намеревался в случае успеха своих военных действий против немцев и взятия Киева создать новый Народный секретариат.

Очевидно, Муравйов был увлечен тем, что во время взятия Киева у него лично были сначала некоторые успехи в борьбе с немцами.

Я с большим удивлением относился к назначению Муравйова в Одессу Главкорумом после того, как Народный секретариат телеграфировал Совнаркому просьбу отозвать Муравйова совершенно.

Могу еще добавить, что считаю, что он был хорошим стратегом в условиях гражданской войны, но политически совершенно невоспитанным и неразборчивым человеком, с крайне развитым, прямо гипертрофированным честолюбием. Давно считал, что или его надо

расстрелять или поставить над ним комиссара с таким правом по отношению к нему.

Добавляю, наконец, что все действия Муравйова, о которых я говорил, относятся ко времени, когда Украина была составной частью Российской Федерации.

Н.Скрыпник

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.10-12 зв. Оригінал, рукопис. Там же, арк. 13-14. Завірена копія, машинопис.

**14. Свідчення голови Всеукраїнського ЦВК
радянської УНР Миколи Олексійовича
Скрипника у справі М.А.Муравйова
(продовження)**

м. Москва

10 травня 1918 р.

[...] Подтверждаю свои показания, данные
Чрезвычайной следственной комиссии тов.
Дзержинского, при чем дополнительно показываю
к тому месту, где говорится об отношении
Муравйова к краевой советской власти.
М[уравйов] всегда заявлял, что он всемерно предан
советской власти и согласовывает свои действия с
указаниями Народного секретариата, но вместе с
тем неоднократно намекал, что источником его

полномочий является федеративный Совнарком [непосредственно] или через Антонова.

[...] Считаю подлежащим выяснению, от кого и каким порядком он получил звание командующего [...] Восточным украинским фронтом во время наступления на Киев. Будучи работником штаба Антонова, М[урайов] получил назначение с отрядом на Полтаву, но с некоторого времени стал действовать самостоятельно, причем я до сих пор не могу выяснить, от кого он получил эту степень самостоятельности. Народный секретариат на него полномочий командующего Восточным фронтом не возлагал, и все время рассматривал его как начальника вспомогательных войск Российской Федеративной республики по назначению от наркома Антонова.

Когда я говорю о самостоятельности [Мурайова], то подразумеваю оперативные функции и их объем. [Что касается] политических его выступлений, то после речи в Полтаве, Антонов-Овсеенко по нашему указанию дал [Муравйову] телеграмму в Полтаву о том, чтобы тот не допускал никаких политических выступлений. [...] В штаб действующих войск в связи с этим были посланы политические комиссары Ауссем и Лапчинский. Это было в январе [1918 г.]. После занятия Полтавы Лапчинский был послан политическим представителем Народного секретариата в штаб действовавших против Центральной Рады войск.

Затем между Конотопом и Дарницей он получил назначение Народного секретариата (формальное) с представлением ему права назначать комиссаров на все железнодорожные станции и во все местности и выступать от имени Народного секретариата.

Тов[арищам], находившимся в действующих войсках, народным секретарям Лапчинскому, Ауссему и Коцюбинскому уже при отъезде в Полтаву было предоставлено право выносить решения от [имени] Народного секретариата и везде его представлять. Предоставление [вышеуказанных] прав Лапчинскому было вызвано тем, что Нар[одный] секр[етариат] получил сведения о том, что Муравйов всюду назначает своих военных комиссаров, действовавших крайне незакономерно. Из Полтавы Лапчинский переехал в Кременчуг для ликвидации гайдаматчины и для восстановления там советской власти, формирования отрядов. Сколько времени он там пробыл и когда вернулся в Полтаву, а далее в действующую армию - я не припоминаю.

Тов. Лапчинский, несомненно, делал доклады Народному секретариату в числе других товарищей, но я точно не знаю об этом, так как был в Харькове по поручению Народного секретариата.

Первый раз я видел М[уравйова] в Петрограде во время Октябрьской революции, когда по поручению Военно-Революционного комитета ездил на фронт. Видел я его в боевой обстановке. Произвел он на меня самое

благоприятное впечатление [...] Товарищеское отношение к делу меня [тогда] очень приятно поразило, видна была интенсивная серьезная деловая работа.

Второй раз я с ним встретился, когда он был командующим Петроградским военным округом, и впечатление от него у меня стало иное: какая-то суетливость, поспешность действий, неразборчивость в назначении разных лиц, порой весьма даже подозрительных. Чувствовалась в Муравйове какая-то растерянность и разбросанность. Затем видел я его в штабе Антонова, где опять он показался мне весьма деловым.

Фактов из области расстрелов, которые я мог бы вменить ему в вину, не могу назвать. Действия в Киеве носили решительный и твердый, но мало систематический характер. Мне известно, что войска Ремнева, благодаря слабой дисциплине, вышли из повиновения, устраивали грабежи, расстрелы, были случаи расстрелов товарищей левых соц[иалистов]-рев[олюционеров], а также и большевиков - в особенности расстреливали всех тех, у кого находили удостоверения, написанные на украинском языке, так что складывалось впечатление у населения, что ремневцы борются вообще с украинцами.

Меня самого какой-то отряд задержал и хотел, было, расстрелять потому, что я показал им удостоверение на украинском языке, но меня

спасло то обстоятельство, что при мне было удостоверение от центрального совета заводских комитетов Петрограда и еще потому, что один из солдат знал меня лично.

Отряды Ремнева состояли из красногвардейцев Петрограда, Москвы, Брянска. Тот же отряд, который меня остановил, заявил мне, что они анархисты.

О расстрелах мне рассказывали служащие бывшего генерального секретарства труда, в том числе Ольга Неронович, жена народного секретаря, расстрелянного затем в Полтаве гайдамаками. Обвинять Муравйова в действиях ремневских войск я ни в коем случае не могу, так как не он их формировал, а пришли они к нему уже во время боев, когда был необходим каждый солдат.

Н.Скрыпник

*ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.23-23 зв.
Машинопис, завірена котія.*

15. Свідчення комісара військових сполучень півенно-західного фронту Саула Ефраїмовича Віллера про діяльність М.А.Муравйова та його військ в Україні

м. Москва

10 травня 1918 р.

Познакомился я с Муравйовым в Киеве в последних числах января [1918 г.], когда был

назначен комиссаром военных сообщений юго-западного фронта. Встретились у Гузарского, командовавшего тогда юго-западным фронтом. С первого раза он произвел на меня впечатление нервного человека. В этот же день вечером, на совещании у М[уравйова] я снова встретился с ним. На этот раз он показался мне авантюристом по своим разговорам, которые он там вел. Он говорил о походе на Берлин, строил планы о великом завоевании [Германии] при помощи чехов и поляков, разных других отрядов. В это время как раз происходили бои с польскими легионерами, поэтому [выступление Муравйова] на меня и производило впечатление авантюры. При этом присутствовали т. Ник[олай] Ник[олаевич] Кузьмин, Коцюбинский, возражавший по поводу [ведения боевых действий против] польских войск, [а также] Чудновский, Бакинский, Ремнев, Егоров и второстепенные лица. Ни к какому решению не пришли.

Присутствуя при разговорах украинских секретарей, я могу указать на определенное старание поскорее избавиться от Муравйова.

“Подчиненные” мои очень сильно испытали на себе руку М[уравйова]. Так, на ст. Жмеринка один из подчиненных М[уравйова] по фамилии, кажется, Плеханов, арестовал комиссара станции за то, что тот ему не подал вовремя паровоз. Для какой цели [был нужен этот паровоз] не знаю, но утверждаю, что не для передвижения воинской

части, а для личной Плеханова надобности. Лишь под угрозой посчитаться с ним, заявленной воен[нно]-рев[олюционн[ым]] комитетом 7-й армии, Плеханов оставил комиссара.

М[уравйов] дезорганизовал транспорт, не считаясь с планом демобилизации, ни с планом передвижения. Муравйовские подчиненные врываются к комиссарам станций и, угрожая им расстрелом, приставляя к виску револьверы, требовали паровозов.

М[уравйов] послал телеграмму ЦИК в Петроград о том, что ни 7-я армия, ни вообще армии юго-западного фронта не признают советской власти. Объяснялось это тем, что 7-я армия не исполняла его приказов. Рассказывали, что м[уравйовские] части являлись в киевские магазины и реквизировали для дам из отряда М[уравйова] предметы женского туалета. Так рассказывали. Сам же я не знаю об этом, ни разу при такой реквизиции не присутствовал.

Обыватели вспоминали об ужасах расстрела М[уравйо]вым. Говорили, что расстреливали военных врачей, принимая их за офицеров. Население ждало нас с надеждой, а после нашего прихода быстро разочаровалось [...]

С.Виллер

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.22. Завірена копія, машинопис.

16. Свідчення народного секретаря радянської УНР Георгія Федоровича Лапчинського у справі М.А.Муравйова

м. Москва

10 травня 1918 р.

Впервые я встретился с Муравйовым, когда был послан к нему Украинским секретариатом (приблизительно в 15-х числах января по старому стилю) [1918 г.] в качестве политического комиссара.

Обстановка в штабе М[уравйова] была вполне приличная, не похожая на обычный распущенный штаб. Не было ни пьянства, ни женщин. Жил он при штабе в вагоне. В нем заметно было старание подчеркнуть необходимость быстроты и решительности действий. Я находился в отдельном вагоне поезда Муравйова. Отрядов своих он не имел, оперировал готовыми. Набирались отряды начальниками, кто назначал последних - не знаю. Начальники отрядов в политическом отношении были совершенно неграмотны. Отряды состояли из рабочих - в том числе и Петрограда, регулярных солдат, уходивших с фронта, и красногвардейцев. У Муравйова было три армии, примерно 4-5 тыс. чел. Главным образом он нападал на железнодорожную администрацию.

В с. Бобровицы через десять дней с начала наступления, когда первая колонна отряда

остановилась на ночлег и расположилась для отдыха и еды, все красногвардейцы, сестры, начальники отрядов (среди нас находился и тов. Коцюбинский) принялись пить чай.

В это время подошел какой-то крестьянин. Узнав, что присутствовать ему нельзя, он сказал, уходя, с некоторой усмешкой: “Ну, нельзя так и нельзя, ну и уйду”. И вышел, но тут один из красногвардейцев, мальчишка, сказал, что это не крестьянин, а офицер и что он угрожал бросить в штаб М[уравйова] бомбу. Тогда М[уравйов] встал, заволновался и крикнул: “Убить его, убить!” Красногвардеец ушел, а, возвратившись, объявил, что офицер убит.

Никто из присутствующих не остановил М[уравйова] потому, что крикнул он в форме приказа, с истерическим вскриком. У этого офицера была найдена в хате ручная граната, но сам убитый был постоянным жителем с. Бобровицы. Никаких видимых оснований предполагать его участие в шпионаже не было.

Через несколько дней пришла жена убитого и стала плакать, просила помочь ее детям. Присутствующие ей кое-что собрали. М[уравйов] не дал ничего, но было очень смущен, быстро вышел, чтобы не вступать с ней в разговор.

Другой случай [произошел] тоже в присутствии тов. Коцюбинского. На одной станции (все это было до взятия Киева) одна телеграфистка переговаривалась с кем-то из ближайшей занятой

противником станции, расспрашивавшем ее о том, близко ли большевики. Она отнекивалась, ссылаясь на то, что ей было бы опасно об этом сообщать. После прибытия на станцию М[уравйов] вызвал телеграфистку, с которой пришел также ее начальник. Они дали ему объяснение. Тогда тот велел им выйти и заявил находившимся с ним товарищам, что-де, надо их поугатать. Затем он позвал их снова, прочел им нравоучение о том, что они “ничтожные людишки, черви перед лицом великих событий” и что если бы они не столь ничтожны были, то он, Муравйов, приказал бы начальника убить, а телеграфистку отдать на изнасилование сотне солдат.

Присутствовавшие при этом товарищи указаний Муравйову на [недопустимость] такого рода действий по отношению к гражданам не сделали потому, что им казалось безнадежным ему противоречить, да он и не сумел бы эти указания усвоить.

Массовых расстрелов во все время похода до взятия Киева М[уравйов] не производил. Таким образом, в течение двух недель был лишь один случай приведения в исполнение его приказа о расстреле офицера.

По дороге он говорил о том, что Киев отдаст на разграбление своим солдатам.

Киев пришлось обстреливать артиллерией, так как пехота не пошла бы в наступление из-за своей малочисленности. Никаких аппаратов

(например, аэропланов) для [проведения] разведки не было. Таким образом, Киев можно было взять только нахрапом, на удачу.

С отрядами было трудно ладить. Сам [Муравйов] смеялся над собой, говоря: “Ну что это за война, раз сам главнокомандующий ведет цепь”.

М[уравйов] был необычайно храбр. Постоянно он не был уверен в том, что регулярные войска Берзина вступят в бой: “Красногвардейцы-то пойдут, ну а берзинские малонадежны”.

М[уравйов] предполагал взять с Киева контрибуцию и выдать солдатам рублей по сто. “Ну, надо же им дать”, - говорил он.

Приказа о подчинении М[уравйова] Коцюбинскому мы не знали. Такого приказа и М[уравйов] не получал. Все бумаги, телеграммы, распоряжения М[уравйов] сообщал Коцюбинскому. Из Харькова мы получили телеграмму о назначении последнего командующим войсками федерации на Украине, но Коцюбинский не находил нужным брать на себя непосредственное руководство войсками против Рады и оставил командование в руках Муравйова.

До Киева он исполнял все распоряжения Коцюбинского. После взятия Киева, считая, что он переходит в распоряжение Румчерода, он перестал аккуратно исполнять приказы Коц[юбинского]. Собственно, не он сам, а Егоров, заявивший, что не двинет некоторые части к Киеву, мотивируя это

тем, что он находится в распоряжении М[уравйова].

После сдачи Киева Муравйов дал радио, что благодаря предательству Коцюбинского и бегству всего Народного секретариата Киев пал. Это радио было напечатано во многих газетах, в Харькове - во всех. В Екатеринославе, когда у него затребовали объяснений этой телеграммы, он заявил, что телеграмма была послана одним из его штабных без его ведома с провокационной целью, и что теперь этот провокатор скрылся. Затем [Муравйов] послал радио с опровержением первой [телеграммы] и с заявлением о том, что виновный в посылке найден и предан смерти.

Когда взят был Киев, Муравйов послал телеграмму, задержанную Скрыпником, в которой М[уравйов] выразался так: "Я и состоящие при мне Народные секретари Ауссем, Лапчинский".

Последний раз я встретился с М[уравйовым] в Екатеринославе. Солдаты его любили, считали его боевым, никогда не было отказа исполнить его приказания. Он обвинял, напр[имер], армию Ремнева в том, что та сразу же после взятия Киева принялась за реквизиции, конфискации и прочее. В общем, на Ремнева он мало надеялся, не доверял ему самому. Также не доверял он Берзину, заявляя, что в гражданской войне нужны не регулярные войска, из которых состоит армия Берзина, а только красногвардейцы, рабочие.

Событиями в Киеве, реквизициями, грабежами он был очень удручен. В Киеве было в то время такое озлобление, что расстрелы не производили даже на нас впечатление. Муравйов характеризовал свою армию так: “Это такая армия, которая может лишь наступать. Как только она остановится, так и начнет разлагаться, реквизировать, красть, убивать”.

Г.Лапчинский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.17, арк.24-24 зв. Завірена копія, машинопис.

17. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Сергія Ізмаїловича Мойсєєва у справі М.А.Муравйова

м. Москва

10 травня 1918 р.

[...] Первый раз я встретил Муравйова в Москве. Когда мы отправлялись на фронт, он обратился к солдатам с речью, в которой сказал солдатам, что все что они будут брать, то будет их. Это может подтвердить командир 1-го Советского пехотного полка т. Афоничев. Следствием этого явилось то, что, уже начиная со ст. Лозовой, красноармейцы стали захватывать в свою собственность отбираемое оружие, ссылаясь на указанные слова Муравйова. Впоследствии те

же ссылки на слова Муравйова делались красногвардейцами и в случаях производимого ими мародерства.

В Полтаве был очень сильный грабеж, но убийств не было зарегистрировано. Подробно о его деятельности в Полтаве могут рассказать члены Полтавского совета и украинского ЦИК. В Полтаве он оставил комиссаром Беленковича, который был преступным типом. О нем много знают члены Полтавского совета. Беленкович очень бесшабашно реквизирует все, что попадалось под руку, а также содействовал таким типам как, например, тому, кто “национализировал” казначейство. Беленкович оказал ему в этом содействие, а Муравйов об этом хорошо знал и вполне потворствовал ему в этом деле.

Муравйов говорил, что он разграбит всю Полтаву, а колбасы для солдат достанет.

На станции Гребенка за две недели ставленниками Муравйова было расстреляно 30 человек. Причем здесь имел место следующий случай, характеризующий деятельность Муравйова. Получено было сведение, что едет Муравйов. Сразу же все зашевелились и стали готовить паровоз. Когда он приехал, то сразу крикнул, чтобы готовили паровоз. Паровоз приготовили. Начальник станции (очень хороший человек и работник, имел привычку подходить к каждому и

хлопать по плечу) подошел и похлопал по плечу Муравйова, сказав, что паровоз есть.

В это время Муравйов составлял телеграмму, после чего зычно крикнул: “Комендант, кто такой человек, который осмелился похлопать по плечу главнокомандующего?” Комендант не отозвался, тогда Муравйов еще больше стал кричать. Один из телеграфистов сказал, что это был начальник станции. Тогда Муравйов крикнул: “Пусть он в следующий раз воздержится от этого, а то я его расстреляю”.

На ст. Круты были захвачены в плен около 20 гайдамаков, среди которых было много гимназистов лет по 17. Их вывезли за станцию и стали расстреливать самым беспардонным образом. Был возмутительный случай, когда один юноша убежал от этого места, но его нагнали, привели к прежнему месту в одном белье и расстреляли. Это было произведено в поезде, которым командовал Егоров. Все-таки считаю, что это было последствием приказов Муравйова, который говорил очень часто, что надо расправляться беспощадно.

Около Дарницы Муравйов собственноручно убил шофера, у которого остановилась машина. Это было в присутствии народных секретарей Украины гг. Лапчинского и Коцюбинского. Рассказывал мне об этом Коцюбинский.

В Бахмаче Муравйов избил собственноручно одного солдата, который осмелился заглянуть в

окно красногвардейского поезда. Он даже отдал приказ о расстреле этого солдата, но солдаты его не расстреляли.

В Кругах солдат подошел к красногвардейскому поезду для того, чтобы поправить обувь на ноге, и поставил ее на колесо вагона. Его взяли матросы к начальнику, который приказал его расстрелять.

В Дарнице Муравйов давал Додонову мандат, в котором давалось право убивать. Додонов от этого мандата отказался.

На ст. Дарница начальник одного из отрядов обратился к начальнику станции с просьбой дать ему паровоз, на что начальник станции отвечал: "Голубчик, я сделаю все, что возможно". Тогда начальник отряда пожаловался Муравйову, что его требование не было исполнено, на что Муравйов отдал приказ убить начальника станции и его помощника [...]

Этот приказ не был исполнен только потому, что начальник отряда, которому было отдано распоряжение - убить, уже уехал.

При починке ж[елезнодорожного] моста Муравйовым был установлен срок, в который починить мост было невозможно. Свой приказ он сопровождал требованием стрелять по рабочим из пулемета, если работа не будет окончательно выполнена в срок. Но пулеметчик был сам металлистом и понимал, что починить мост в такой срок невозможно, а потому, несмотря на то, что

мост не был починен в срок, указанный Муравйовым, стрелять по рабочим из пулемета не стал.

Весь поезд Муравйова, особенно вагон, в котором помещался сам Муравйов, был оцеплен часовыми, и пройти через поезд было почти невозможно, удавалось это только иногда. В вагоне Муравйова всегда были помещены его личные секретари. По рассказам красногвардейцев, в этом вагоне бывало пьянство, но я лично этого не видел и не знаю.

При Первой армии был политический отдел, в состав которого входили тов. Мойсеев, Лapidус и Лисовская. Армия оперировала в районах Белгорода, ст. Лозовая, Павлоград, Синельниково, Александровск, Екатеринослав, Константиноград, Карловка. Это было до Муравйова, после мы соединились с Муравйовым.

Лapidус мне передавал, что Муравйов советовал повесить двух железнодорожников на трубы паровоза и провезти по станции Киева.

На станции Киев-Пассажирский, вечером, сейчас же после взятия Киева, когда красногвардейцы после четырехдневного боя ждали [паровоза], чтобы отправиться на отдых в Дарницу, их не отправляли, поскольку оставляли свободным путь для пропуска из Дарницы в Киев линейного поезда Муравйова, который заявил, что он хочет отдыхать в своем поезде. Точного приказа об этом Муравйова не

было, а были сбивчивые приказания его комиссаров, благодаря чему приблизительно с 14-ти и до 24-го часов линия была свободна, так как железнодорожники боялись занять ее каким-либо поездом.

Около 24 часов на станции появился сам Муравйов и не нашел своего поезда. Вина в этой задержке была приписана его секретарше, после чего Муравйов в присутствии красногвардейцев и железнодорожников заявил: “Завтра же я отдам ее на изнасилование моим солдатам”. Это я слышал лично.

При взятии Киева, когда был взят Арсенал, но город еще не был взят, люди разных отрядов начали грабить склады Арсенала. Видя это, начальник Донецкого отряда Жлоба приказал положить все взятое на место и не брать. В это время показался автомобиль Муравйова. Муравйов сказал в ответ на приказание [Жлобы]: “Отдайте им”. И разграбление продолжалось.

В дворцовом саду, который был назван “штабом Духонина”, расстреливалось очень много людей без всякого основания. Расстрелы были предоставлены на усмотрение самих красногвардейцев. Расстреливались и солдаты, вышедшие из госпиталей без удостоверений. Едва не были расстреляны два офицера-большевика, и только случайность спасла их. После того как офицеры были отпущены, они пошли тотчас же в совет, где и получили документы.

Все трупы были раздеты и все снятое с них тут же делилось между расстреливавшими на глазах у толпы. Когда на место расстрела приехал Муравйов и увидел, что его окружает толпа озверевших красногвардейцев с награбленным имуществом, он ничего не говорил о том, чтобы не грабили, а призывал к дальнейшим расстрелам, говоря, что, прежде всего и главное, нужно быть беспощадным.

При взятии Киева отряды действовали на свой страх и риск, и точных руководящих приказаний от Муравйова не имели. Артиллерии было приказано Муравйовым бить вообще по Киеву, все это делалось так бессмысленно, что, несмотря на то, что был нащупан штаб Петлюры, били только по городу, главным образом по Крещатику. Только Егоров своим вмешательством изменил это, приказав бить по штабу Петлюры.

С.Мойсеев

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.17, арк.26-28 зв. Оригінал, рукопис. Там же, арк. 29-29 зв. Завірена копія, машинопис.

**18. Свідчення А.Черьомухіна у справі
М.А.Муравйова**

*Ст.Індол
Нижегородської залізниці,
с.Тнусово*

11 травня 1918 р.

Во время бытности Муравйова начальником штаба главковерха южных войск он сделал попытку захватить эвакуированное казначейство гор. Николаева. Попытка захвата состояла в следующем. Муравйовым были вызваны из Петрограда ликвидаторы Коренев, Смирнов и Клейман, которые допустили разграбить казначейство. Местопребывание штаба Муравйова было в Люботине около Харькова, и когда николаевское казначейство ехало по направлению Харькова, Муравйов телеграфно распорядился ехать поезду с казначейством через Мерёфу в Люботин, не заезжая в Харьков. Но по неизвестной мне причине [поезд] прибыл в Харьков, где мною был задержан. Ценности в виде займов и др. бумаг на сумму до 50 миллионов руб[лей] и на довольно значительную сумму денег был сдан в харьковский государственный банк.

По моему распоряжению поезд был задержан только потому, что главковерх Антонов в это время уехал в Москву, и я имел на это полномочие. Кроме того, по направлению Москвы через Люботин выехал и Муравйов за час или

несколько более до прибытия поезда с ценностями из Харкова [...] Корнев мне [...] говорил, что Муравйов обещал им ежемесячное жалование в пять тысяч руб., а охране поезда в 120 челов[ек] тоже по пять тысяч руб. каждому. Кроме того, мне известно, что Муравйов выпустил арестованного некоего Мангустова, занимавшегося бесчинством и реквизициями, арестовала Мангустова тов. нарком Бош, да и друг[ие] дела. Все вышеизложенное подписью подтверждаю.

А. Черёмухин

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.20, Оригінал, машинопис.

19. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Єфіма Ісаковича Лapidуса у справі М.А.Муравйова

м. Москва

11 травня 1918 р.

Узнал я Муравйова в Полтаве как командующего армиями Украинского фронта, приблизительно в конце декабря прошлого года или в начале января. Я был временно комиссаром 1-го Московского отряда, ранее [находился] в распоряжении Антонова, а затем Муравйова по распоряжению Антонова. Я был в это же время

членом политического отдела Первой армии, состоявшей из нашего отряда, к которому примкнули другие отряды в количестве до 25 - Харьковские, Донецкие, Екатеринославские и др. Командующим этой армией Муравйовым был назначен Егоров.

Армейского комитета в то время не было, поэтому назначение последнего произвел лично Муравйов. Назначал он [Егорова] так. Сидели все мы в штабе вагона Московского отряда, М[уравйов] зашел к нам и стал говорить по телефону, кажется со своим штабом. Затем тут же в разговоре обратился к Егорову и сказал ему: “Знаете, дорогой Павел Семенович, я назначаю вас командующим Украинским фронтом”. Егоров покраснел и с видимым удовольствием принял это назначение. А потом, дня через два-три Муравйов в разговоре с Егоровым назначил его уже командующим Первой армии. Разницы в числе людей Первой армии и войск, оперировавших на Украинском фронте, в то время не было.

На меня М[уравйов] произвел впечатление человека, любившего “задаваться”, считать себя выше других. Это [было] сразу заметно. Всегда он называл себя гордо “я - командующий армиями Муравйов”.

В штабе Мур[авйова], по рассказам служивших у него в Штабе, творилось страшное безобразие. Нам видеть этого не приходилось потому, что у всех вагонов стали часовые, которые

не пропускали. Попасть в вагон к М[уравйову] можно было лишь с согласия коменданта поезда.

М[уравйов] подбирал себе для охраны штаба и поезда “сливки красногвардейцев”, которым место по настоящему на виселице или, по меньшей мере, в тюрьме. Все его чины были настоящими разбойниками.

Весь его поезд состоял из 15 вагонов - все первоклассные, был вагон-ресторан, вагон-салон. Все его служащие - как охрана, так и железнодорожная прислуга, дрожали перед Муравйовым, тряслись перед ним, боясь расстрела. Всех он держал в паническом ужасе.

Передавали об ужасах, творимых им, но просили не передавать больше никому из страха перед ним. В поезде [Муравйова] я не ездил. В боях принимал участие как простой красногвардеец.

В отряде Егорова был ужасный расстрел. На ст. Круты, по взятии ее, было захвачено в плен 24 гайдамаков - большинство было студентов, один из них - прапорщик. Дело было перед взятием Киева. Их без допроса красногвардейцы хотели расстрелять. Я случайно был там, вышел из вагона с Зомбартом (начальником броневго поезда и одновременно комиссаром от Антонова). При мне, когда я с ними разговаривал, раздался выстрел, и я увидел, как упал с раскроенным черепом и с вывалившимися мозгами от разрывной пули один офицер.

Нам едва удалось уговорить красногвардейцев не расстреливать пленных. Их ввели в вагон и поставили караул. На следующий день, когда мы отъезжали от ст. Круты, поезд по дороге остановился по приказанию Егорова, из вагона были выведены все задержанные и в 300 шагах от поезда их расстреляли разрывными пулями.

Я подошел к убитым, затем подошел к Егорову и спросил, почему их расстреляли. Егоров, покуривая папиросу и улыбаясь, ответил, что разрешил он красногвардейцам потому, что они настаивали на этом.

Одного гайдамака, убежавшего от красногвардейцев в деревню за 4 версты, по дороге сбросившего с себя одежды, красногвардейцы вытащили из-под печки в одной избе, куда он скрылся, избили и, приведя к месту, где были расстреляны другие, расстреляли, несколько раз, не попав в него смертельной пулей...

На станции Киев-Товарная-II, которую занимал 11-й Сибирский стрелковый полк, менее всего поддававшийся влиянию Муравйова, в сторожке находилось 10 человек арестованных в Киеве в разное время. Это мне передавал в дружеской беседе Егоров. Приехали туда М[уравйов] и Егоров. Им доложили, что имеются пленные. М[уравйов] приказал их привести и когда арестованные подошли к нему, он приказал солдатам 11-го Сибирского полка расстрелять их.

Сам М[уравйов] вынул маузер и направил на арестованных. “Я, - рассказывал Егоров, - сказал тогда: “Оставьте, товарищ М[уравйов], поедем в город””. И они уехали.

Солдаты же не тронули арестованных, а отвели в сторожку. После допроса оказалось, что все они оказались рабочими железнодорожных мастерских. Дознание было сделано по инициативе одного из командиров 11-го Сибирского полка. Всех арестованных отпустили.

Кто-то мне еще рассказывал, что в Киеве на Фундуклеевской улице был такой случай: шел в военной форме господин с женщиной. М[уравйов] ехал в автомобиле, остановился, подозвал к себе офицера, после чего велел отвести его на десять шагов и расстрелять. Офицер был расстрелян. Сестра 11-го Сибирского стрелкового полка, [присутствовавшая при этом], в истерике бросилась с криками с этого места. Муравйов крикнул: “Остановить ее. Если не остановится, то расстрелять ее”. М[уравйов] сразу же уехал.

Рассказывали об этом солдаты 11-го Сибирского полка, которые слышали об этом от сестры милосердия, в истерике убежавшей от места, где был расстрелян офицер.

На ст. Полтава комендант ст. Лозовой Жуков был случайно ранен. М[уравйов] возмущен этим обстоятельством и приказал расстрелять каждого десятого красногвардейца.

Приказание не было исполнено, Муравйов же говорил об этом факте случайного ранения Жукова с кем-то из поезда с пафосом, при этом для большей убедительности бросил стакан на пол.

При мне Муравйове бил одного солдата кулаком в лицо, тыкал в его лицо кулаком за то, что он проходил по полотну ж[елезной] дор[оги] возле вагонов. Отколотив этого солдата, М[уравйов], приказал его расстрелять. Солдаты, однако, не расстреляли его, а отпустили, сказав: “Утекай” [...].

Муравйов вообще приказав, сам сейчас же забывал о приказании. Никогда никого не расстреливал сам. Я не знаю случая, когда бы он это сделал. Часто солдаты, наиболее сознательные, получив приказание от Муравйова, не исполняли его, пользуясь тем, что он быстро забывал о нем. Если бы, напр[имер], я получил от него приказание и нашел бы его нецелесообразным, то не исполнял бы его.

Все говорили, что его действия ничем не отличаются от жандармских. И мы в своем кругу называли его жандармом.

Автомобилей у Муравйова было два-три. У Егорова же было два автомобиля и цистерна бензина, которую он отцепил на какой-то станции и прицепил к своему поезду. Шоферов у Егорова было пять. Сколько было шоферов у Муравйова - не знаю. В Киеве М[уравйов] набрал себе около 18 автомобилей. Слышал, но не помню от кого, о

расстреле М[уравйовым] своего шофера, но не придал этому слуху веры.

Лисовская, которую я знаю по Москве по университету Шанявского, рассказывала мне о том, что на конспиративном политическом собрании в Полтаве, при обсуждении деятельности Муравйова, один из видных партийных работников просил разрешения покончить с ним. Разрешение ему не было дано. Лисовская, хотя и не член партии, но была известна своей работой в пользу советской власти. Ее знали и в Полтаве, поэтому и допускали на собрания.

В политическом отношении товарищи штаба Первой армии, да и я, говорили, что если центральная власть не отзовет Муравйова и не отдаст его под суд, то, находя его деятельность вредной для революции, надо будет его убить. Но ввиду того, что в стратегических целях это убийство могло повредить нам, я предлагал его только арестовать.

Мы отправили делегацию в Петроград к Ленину, который ответил, что он на стороне демократии, а потому “поступайте, как сочтете нужным”.

К армейскому комитету М[уравйов] относился так. Часто он пытался подкупать [его членов]. Так, пригласил к себе члена армейского комитета Додонова и сказал, что хочет ему сделать подарок. Додонов ему ответил, что если ему понравится, то он возьмет. Тогда М[уравйов]

сказал: “Я хочу вам дать денег. Всех энергичных работников я хочу награждать деньгами, чтобы обеспечить их семейства”. Додонов - холостяк, он ответил: “Я - революционер и за революционную работу денег не беру”. На следующий день, придя в армейский комитет, Додонов доложил об этом, что я сам слышал.

Армейский съезд был созван без ведома М[уравйова], так как он заявил, что не признает над собою никакого контроля. На съезде я поднял вопрос о деятельности М[уравйова], Е[горова], а также Ремнева.

Собрание прервало мою речь аплодисментами, заявив, что если М[уравйов] попробует меня преследовать за то, что я разоблачил куда может привести его дальнейшая деятельность, то все положат свои головы за меня. Затем я указал на бесконтрольное расходование народных сумм М[уравйовым] и Е[горовым]. Так, Егоров возил с собою вагон-ресторан, за который платил буфетчику 900 рублей. Вагон-ресторан был в его распоряжении. Иногда он устраивал обеды для штаба. Начальником штаба Е[горова] был Козюра, пом[ощником] был первое время Мойсеев, а затем Карпов - член штаба Тверского отряда, адъютантом штаба - Терентьев. Последний может дать очень подробные сведения о Егорове.

На съезде я указал, что М[уравйов] дал разрешение реквизировать у киевских богачей. Так, Любинский, комиссар по особым поручениям

главнокомандующего Муравйова однажды с отрядом красногвардейцев забрал у киевского богача 370 тыс. рублей, которые и передал М[уравйову]. Далее, при прохождении [советских] войск через какой-либо город, тот час же производилась реквизиция денег, назначались крупные контрибуции.

Как-то М[уравйов] разложил на столе деньги, приказал их сосчитать красногвардейцам, а сам уехал. Куда девались деньги - я не знаю.

Еще добавлю, что в Киеве в первое время после его взятия к М[уравйову] и Е[горову] приводили арестованных. Их иногда я допрашивал, но затем этого нельзя было делать потому, что как М[уравйов], так и Е[горов] говорили красногвардейцам: “Что вы ко мне их таскаете, не смейте больше водить. Отправляйте в “штаб Духонина””. Последнее означало - расстрелять. Таким образом, было расстреляно совершенно невинных людей около 300 человек. Это я ставлю М[уравйову] в тяжкое преступление.

Адъютант М[уравйова] Драгомирецкий явился на станцию Товарная, где стояли солдаты 11-го Сибирского стрелкового полка и охраняли вагоны. Драгомирецкий открыл вагон, в котором находилась мануфактура и крикнул: “Чего стоите, олухи, берите все. Все – ваше”. Стоявшие здесь проездом солдаты, все разграбили. Сам Драгомирецкий взял себе первый кусок материи.

М[уравйов] обращался к красногвардейцам в Киеве: “Берите, грабьте, все – ваше”. Я это слышал сам. Все квартиры по Александровской улице до Крещатика были разграблены.

Еще скажу, что когда перед взятием Киева гайдамаками и немцами украинский секретариат посылал телеграмму за телеграммой М[уравйову] и Е[горову] о том, чтобы они двинули свои войска к Знаменке - Фастову - Киеву, то ни первый, ни второй не подчинились распоряжению Секретариата, а увели свои войска в Одессу на усмирение предполагавшихся там пьяных бунтов. Эти действия М[уравйова] убедили нас в его контрреволюционности, а не только авантюристичности.

Е[горов] прислал нам из Одессы депешу, что передает командование Первой армией Асееву, а сам едет в Петроград. Асеев прислал телеграмму, что принимает командование армией по приказанию Муравйова. Асеев мне известен как адъютант Виленского военного училища, правый эсер.

Е.Лapidус.

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.25-30 зв. Оригінал, рукопис. Там же, спр.17, арк.30-32. Завірена копія, машинопис.

20. Свідчення комісара ст. Київ-П Товарна Франца Івановича Вишневського у справі М.А.Муравйова

м.Москва

11 травня 1918 р.

[...] Никогда Муравйова самого не видел. Но слышал о нем от товарища коменданта товарной станции и его помощника Николая Бакина, назначенных Муравйовим на эти должности, следующее.

Когда муравйовские отряды подошли к Киеву, и он был ими взят, то в нем произошли такие случаи: на ст. Товарная, где стоял поезд Муравйова, производились бессмысленные аресты и расстрелы, что вызвало со стороны Сибирской дивизии протест против действий муравйовских начальников с заявлением, что если аресты и расстрелы будут продолжаться, то они дальше с Муравйовым не пойдут.

Далее комендант Товарной, по словам Бакина (прапорщика 109-го пех[отного] запасного полка, ранее - унтер-офицера) сообщил ему, что около Товарной станции было расстреляно 20 человек. О причине расстрела неизвестно.

В самом Киеве были расстрелы за то, что у прохожих оказывались руки чистыми. Собственно, если встречался отряд белогвардейцев, то расстреливались те, у кого руки были мозолистыми, если же встречался отряд

красногвардейцев, то расстреливались прохожие белоручки.

Надо сказать, что Киев брали два раза. Первый раз натиск был отражен гайдамаками. Во второй раз, когда прибыло подкрепление М[уравйова] из Харькова и Полтавы, состоявшее из разных элементов-красногвардейцев, червонного казачества, части Кренгольмского, Московского полков и всевозможных других элементов (заводских рабочих, арсенальных и т.д. из Киева), Киев был взят М[уравйо]вым.

Когда вошли отряды М[уравйова] в Киев, то к ним примкнули и некоторые части, стоявшие за Украинскую Раду - Полуботковцы, полк Богдана Хмельницкого и Воронежская дружина [...]

Меня крайне удивляет, что Киев, имевший огромные запасы снарядов, орудий, ружей и пр. (прямо колоссальное количество), мог быть так легко и скоро взят нем[ецко]-гайдамац[кими] войсками.

Муравйов, по моим сведениям, не пользовался особенным авторитетом у солдат сознательных, а у всякого сброда он пользовался вниманием. В штабе М[уравйова] шло ужасное пьянство, по словам близких к М[уравйову] лиц - таких, как коменданта и Николая Бакина.

Рассказывали еще про Ремнева следующее: его поезд проходил ст. Дарница. Ремнев проснулся и, узнав, что поезд проходит семафор, приказал поезд осадить к станции. В это время шел

почтовый [поезд] из Полтавы и могло произойти такое крушение, что представить себе трудно. Не случилось оно лишь благодаря хорошим вестингаузским тормозам. В штабе Ремнева шло ужасное пьянство. Из этого видно насколько была слаба дисциплина в отрядах Муравйова. Точно сказать, впрочем, рассказанная мною история, может быть, произошла не с Ремневым, а с Егоровым.

Вообще же я только хотел указать на тот развал, который царил в штабах армий, находившихся под началом М[уравйова]. Более подробные показания мог бы дать комендант Товарной Киев-II и Николай Бакинский [...]

Ф.Вишневский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.33 – 33 зв. Завірена копія, машинопис.

21. Свідчення народного секретаря фінансів радянської УНР Володимира Християновича Ауссема у справі М.А.Муравйова

м. Москва

12 травня 1918 р.

Познакомился я с Муравйовым в Харькове в штабе Антонова в декабре 1917 года. Слышал про Муравйова о его деятельности в качестве курсового

офицера при Казанском военном училище, где он проявлял себя как типичный офицер старого времени, политически вполне подходящего к рамкам старого режима.

Вторично я встретился с Муравйовым в Полтаве непосредственно после занятия последней 8-го января 1918 г. Я туда выехал из Харькова по просьбе т. Антонова для улаживания конфликта между Муравйовым и местным советом. Последний, имея большинство из укр[аинских] с[оциалистов]-р[еволюционеров] (левых) встретил Муравйова холодно-враждебно, и вызвал подозрения у последнего.

Открытого конфликта, однако, не было. Столкновений не произошло, насилий Муравйов не производил. Арест президиума, о котором в свое время сообщалось, не производился, а был лишь ответом на довольно грубое приглашение [Муравйова] со стороны совета явиться на его заседание.

[В ответ Муравйов направил] столь же грубоватое приглашение президиуму явиться к нему в штаб, причем за президиумом был послан автомобиль в сопровождении вооруженных красногвардейцев.

Расстрелов в Полтаве [не было], за исключением одного красногвардейца, производившего грабеж и насилие при помощи подложного ордера за подписью Муравйова на производства обыска.

Третья встреча [с Муравйовим] была в Дарнице, где я застал его с отрядом. Выехал я из Харькова вместе с Муравйовым ввиду получения ложного сообщения о взятии Киева. И потому провел около трех-четырёх дней в штабе Муравйова под Киевом.

Отряды его были сгруппированы в две так назыв[аемые] армии: Первая - Егорова, Вторая - Берзина.

Первая армия состояла из отрядов, вышедших из Харькова и впоследствии к ним присоединившихся. Там были 11-й Сибирский полк, 1-й курень Червоного казачества под командой Примакова, отряды Петроградской красной гвардии, Донской партизанский. Большой частью [это были] сознательные, дисциплинированные отряды, хорошо дравшиеся под Гребенкой, Крутами и Киевом. Их силами был, в сущности, занят Киев. Егоров перешел Днепр по железнодорожному мосту, занял линию жел[езной] дороги, Печерск. Примаков вступил в город, перейдя Днепр с крайнего правого фланга, занял Подол, Куреневку, производя партизанские налеты в тыл неприятеля, например на аэродром на Сырце, где испортил готовые к полету аппараты и угнал автомобиль.

Вторая армия мне мало знакома. Она довольно долго стояла без действия под Бахмачем, куда пришла из Могилева и Гомеля еще в конце ноября [1917 г.], и лишь когда участь Бахмача была

решена наступлением Первой армии на него и на Круты со стороны Полтава-Ромодан-Гребенка, присоединилась к Муравйову и двинулась к Киеву. Под Киевом она держалась довольно пассивно, стояла перед Цепным мостом, и лишь когда печерские Липки и весь нагорный берег были уже прочно заняты Егоровым, ночью перешла Днепр. Отряды ее легко поддавалась панике. Однажды, не разобравшись, обстреляли пулеметным огнем один из отрядов Егорова и нанесли ему потери (как говорили, до 30 человек).

[В ходе взятия Киева] ночью, при переходе моста также возникла паника, и Ремнев во главе своего конного отряда карьером скакал через мост обратно. После вступления в Киев эта армия усиленно занималась реквизициями и расстрелами, против которых протестовали не только члены секретариата, но и Муравйов, грозивший сложить полномочия, жаловавшийся Ленину, но не принявший решительных мер по отношению к Ремневу из-за недостатка реальной силы.

Расстрелы, впрочем, были на третий день [после взятия Киева] прекращены. Командование на следующий день после занятия Киева перешло к Ремневу, отстранившего начальника штаба Берзина Яковлева, его помощника (фамилии не помню) - людей интеллигентных, партийных, чем Муравйов также был возмущен.

Взаимоотношения между Муравьевым и украинской советской властью я представляю себе так. Муравьев в стратегически-оперативном отношении подчинялся Антонову, и при нем состояли как политические комиссары тт. Лапчинский и Коцюбинский. Назначение последнего главнокомандующим я понимал не как подчинение ему Муравьева, а как самостоятельное постановление, командование над всеми войсками и отрядами, формировавшимися и содержащимися Народным секретариатом Украины.

Также и в отношении денежных сумм. Мною в качестве Нар[одного] секр[етаря] финансов было [Муравьеву] отпущено в Полтаве 100 тысяч рублей, в Киеве - 2 миллиона рублей в виде авансов, но отчетности от него я не ожидал, считая, что таковую он обязан предоставить Антонову, которому я сообщал об отпуске этих сумм, считая, что уже в дальнейшем будет решен вопрос о том, как вообще военные расходы должны распределяться между Совнаркомом и Народным секретариатом.

Контрибуция, наложенная на Полтаву, была внесена в гос[ударственный] банк на имя местн[ого] военно-рев[олюционного] комитета, в Киеве - на имя Нар[одного] секр[етариата], причем мною было объяснено, что это рассматривается как отдельный взнос в счет поступлений единовр[еменного] поимуществ[енного] налога,

принятого Нар[одным] секр[етариатом] 12 января 1918 г.

В.Ауссем

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.36-37. Оригінал, рукопис. Там же, арк.38-39. Завірена копія, машинопис.

22. Свідчення військового комісара Московської області Миколи Івановича Муралова у справі М.А.Муравйова.

м. Москва

12 травня 1918 р.

Первый раз виделся с Муравйовым приблизительно в начале января [1918 г.], когда он был прислан Советом Народных Комиссаров с Антоновым. Антонов уехал на Дон, а перед этим в Харьков, а Муравйов остался в Москве в штабе для организации боевых отрядов, подлежащих отправлению на Дон.

У нас было продолжительное совещание, в котором участвовали Антонов, Муравйов и Муралов. Во [время] этого совещания я увидел, что Муравйов - знаток военного дела, что он [понимает] задачу момента и характер той борьбы, которая ему предстояла. Были разложены карты на полу, и мы лазали по полу целыми днями. Мы выработали планы действий против калединских

войск, а также и против Центральной Рады. Вместе с тем, был развит план действий по ликвидации корниловско-деникинской шайки, стремившейся прорваться на Дон на соединение с Калединым. Выполнение этой задачи, т.е. формирования отрядов для посылки на Дон и против Рады было поручено мне, а на Муравйова [была возложена] задача руководить операциями против Рады и Каледина.

Муравйов был при Антонове в качестве военного специалиста, нечто вроде начальника будущего штаба Антонова. Антонов уехал на Дон. Муравйов остался, чтобы приступить к формированию отрядов.

Во время его работы в штабе в течение пяти-шести дней, когда мы с ним разъезжали по воинским частям и районам, я хорошо узнал Муравйова, со всеми его достоинствами и недостатками.

Характеризую Муравйова. Как в первый момент встречи с ним, так и до сих пор представляется он мне человеком весьма энергичным и преданным делу революции, страшно увлекающимся, до болезненности нервным человеком.

В отличие от нас, политических деятелей, у Муравйова было то, что называется фанатическая вера в наступление социальной революции и III Интернационала, и он как бы внушил себе или

убедился, что именно он призван героем, исполнителем этой исторической миссии.

Человеком он показался мне удивительно искренним, совсем откровенным человеком. Так, он мне рассказал всю свою биографию. Рассказал, начал формировать при Керенском ударные батальоны, потому что верил, что спасение революции зависит от поражения немецкого империализма. Сказал он мне, также, что он не соц[иал]-дем[ократ], так как не имел времени ни Маркса прочитать, ни разобраться во всей системе марксизма, но что он соц[илист]-революционер, поскольку всегда разделял точку зрения этой партии.

Ему мнилось, что он призван историей сыграть в революции роль ее большого деятеля. На мой вопрос, почему его называют бывшим приставом в Москве, он отвечал, что это настоящий вздор, причем рассказывал о том, что в одной петроградской газете, кажется “Новой Жизни”, было помещено письмо его бывшего ученика по военному училищу (Александровского или Алексеевского, точно не помню), где тот опровергал гнусную клевету буржуазных газет о Муравйова, о том, что он бывший пристав.

Муравйов происходит из крестьян Тульской губ[ернии]. Сам, обучаясь, выдержал экзамен на вольноопределяющегося и затем пробился в офицеры. Был участником японской войны и в

одном бою был контужен, что оставило следы на нем в виде чрезмерной нервности.

Так как он являлся крестьянином, то считал, что должен сыграть роль в революции, по существу крестьянской: выйти победителем или погибнуть. До выступления 3 июля [1917 г.] Муравйов был горячим противником большевистской тактики, считая, что выступать нельзя и т.д. Но затем убедился, что тактика б[ольшеви]ков - истинное выражение народной тактики, и после 3 июля стал склоняться на сторону большевиков и левых эсеров, а затем постепенно стал отходить от работы с Керенским. Совсем разошелся с Керенским в октябре.

Перед [октябрьским] восстанием он пришел к большевикам и предложил свои услуги.

Увидев полный хаос при наступлении революционных войск против Керенского и бесцельную гибель революционеров (благодаря неумелому командованию), он взял на себя руководство операциями, блестящим образом выполнив задачу разбития Керенского.

Он с гордостью заявлял, что оказался победителем. [С этого времени он] еще больше уверовал, что путь его лежит в революцию, ведет к III Интернационалу и, что он призван быть борцом за социализм.

Через шесть дней по прибытии в Москву, Муравйов отправился на юг с отрядами в количестве двух тысяч [человек]. Егоров был

назначен Центральным штабом красной гвардии и утвержден мною начальником 1-го Революционного отряда. Товарищи считали его решительным, храбрым, выдающимся солдатом и главным образом честным. Эти отряды мы провожали с Муравьевым, а через день или два выехал и сам Муравьев с отрядом Двинцев.

Муравьев был жесток на словах, на деле же был совершенно не способен проделать что-либо жестокое. Он был очень требователен по отношению к своим подчиненным, стоявших во главе чего-либо.

Антонов, нуждаясь в деньгах, послал Лукина и других товарищей в Питер за деньгами. Они застряли в Москве, и когда Муравьев узнал об этом, то позвал их к себе, стал угрожать расстрелом, арестом и пр. Ему показалось, что они пьянствовали, он укорял их, [говорил], что каждый час промедления грозит революции, что они должны в первую голову служить ей. Он говорил: “Во имя социальной революции и III Интернационала я приказываю Вам немедленно исполнить приказание Антонова”.

Вообще говоря, фразы “социальная революция”, “во имя III Интернационала” были обычными в устах Муравьева. Казалось, что он на этой фразе был помешан. “Во имя III Интернационала” Муравьев мог приказывать арестовать, расстрелять, сделать все, что угодно.

Ни в каком случае не могу сказать, чтобы Муравйов мог изменить советской власти, предложить услуги кому-либо другому, кроме советской власти.

Месяц тому назад ко мне пришел анархист-синдикалист Новомирский и сказал, что Муравйов приходил к ним в федерацию, предлагая свои услуги, как ему передавали, в деле формирования отрядов для борьбы с контрреволюцией и немцами.

Когда Муравйов вернулся из Питера, я спросил у него, зачем он являлся в федерацию. Муравйов возразил, что не он, а к нему приходили анархисты, предлагая свои отряды в его распоряжение, в его армию. Он им ответил, что охотно возьмет их в свою армию, когда получит назначение от советской власти для борьбы с контрреволюцией и немецко-гайдамацкими бандами.

В отряде Егорова было около 1000 человек анархистов, отправленных нами на Украину, поэтому Муравйов и считал возможным принять предложение анархистов. Анархисты, по словам Муравйова, отличались храбростью, боевыми качествами. Кстати, когда М[уравйов] был в Одессе и просил дать войска, то ему едва набрали около 130 чел., причем все они были анархистами. Вскоре отряд этот стал заниматься грабежами и М[уравйов] был вынужден половину отряда расстрелять.

Что касается отношения М[уравйова] к деньгам, то я могу сказать, что он, безусловно, честный человек. Он нуждался и продавал некоторые свои вещи. Однажды он привез около 100 000 рублей от неизвестного, пожертвовавшего деньги семьям убитых солдат и рабочих. Дело было на Украине. М[уравйов] приехал в [Москву] в конце марта или в начале апреля [1918 г.]. Деньги эти он просил принять меня или указать ему, куда их передать. Я поехал вместе с ним к М.Н.Покровскому, которому М[уравйов] передал деньги, получив от него расписку.

Когда он был назначен военным руководителем на Кавказ, то денег не получил. Троцкий сказал ему, что он получит деньги от Шаумяна на Кавказе в Баку. Тогда М[уравйов] взял в штабе у Ремнева деньги для расходов по организации отрядов [для их отправки] на Кавказ. Почти перед предполагавшимся отъездом Муравйов мне сказал, что у него осталось несколько десятков тысяч рублей.

Когда я спросил Муравйова, почему он не уезжает, то он ответил, что никак не может получить от Троцкого суммы, необходимой для организации штаба, хозяйства и прочего, что Троцкий его не принимает, приказа о назначении не отдает и он, Муравйов, очень волнуется, почему такая медлительность, когда надо действовать быстро.

Он рассказывал мне, увлекаясь в своей фантазии, как он будет на Кавказе сражаться с турками и меньшевиками во имя утверждения советской власти. Я с него взял слово, что, по крайней мере, Чхеидзе и Церетели он вешать не будет, и он обещал, что меньшевиков будет щадить. До момента ареста М[уравйов] энергично готовился к отъезду.

В первые дни после отъезда на Украину М[уравйов] мне часто писал, присылал телеграммы, словом подхлестывал, чтобы я посылал скорее отряды всех родов оружия для защиты советской власти. Говорил часто по прямому проводу, присылал нарочных и т.д. Затем, вероятно, вследствие оторванности, мы не могли сноситься по прямому проводу, сносились только телеграммами. Он присылал их и из Одессы.

Когда Киев был снова взят гайдамацко-немецкими войсками, то М[уравйов] прислал и мне общую телеграмму о том, что объявляет Коцюбинского, Лapidуса и Мойсеева “вне закона” за сдачу Киева. Объяснил он мне потом эту телеграмму так (Егоров также подтвердил объяснения М[уравьева]): телеграмма была [подана им] не в такой редакции, перепутал ее чиновник. Он хотел сказать ею, что по их вине взят Киев, Бахмач и пр. Егоров рассказал мне [о том, что] телеграмма была послана потому, что армейский комитет несуществующей части вместе с украинскими секретарями вмешивались в

оперативные и стратегические распоряжения М[уравйова] и Е[горова], что портило ужасно дело, мешая быстрому и беспрекословному исполнению боевых приказов. Разногласия дошли до того, что армейский комитет приказал арестовать Е[горова], он был арестован и отправлен в вагоне неизвестно куда, в тыл.

Начальник штаба Егорова (фамилия, кажется, Журба) поехал за Егоровым, но был сам арестован. Тогда армия Е[горова] сама отправилась в поиски за Е[горовым и Журбой], и тем обнажила фронт, дав тем самым немцам занять важные стратегические пункты.

Н.Муралов

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.34-35. Оригінал, машинопис.

23. Свідчення командуючого Другої революційної армії Рейнольда Йосиповича Берзіна у справі М.А.Муравйова

м.Москва

13 травня 1918 р.

Первый раз видел Муравйова 15 или 16 января [1918 г.] в Бахмаче. До этого я был начальником 1-го Минского революционного отряда, [который действовал] по линии Гомель-

Бахмач, и был назначен таковым полевым штабом Ставки.

Согласно телеграммы Антонова из Харькова, весь Минский отряд был подчинен Муравйову, считавшемуся тогда командующим юго-вост[очным] фронтом. В отряде моем было около 4 тысяч человек: 12-й Туркестанский, Новоладыжский, Новокиевский, 60-й стрелковый Сибирский полки, блиндажированный поезд имени т. Ленина, 75-й автомобильный санитарный отряд в 20 машин, а также отряд балтийских моряков под командой мичмана Яковлева в 250 человек. Из них остались в резерве (не поехали в Киев, а остались в Гомеле) Пошехонский и 60-й Сибирский полки, 175-й санитарный поезд, 75-й санитарный транспорт, 6-я и 4-я батареи 27-й артиллерийской бригады. [Позднее] в Киев отправились 6-я батарея вместе с взводом 3-го артиллерийского дивизиона [...] и еще отряд Ремнева в 250 человек и пулеметная команда Социалистической гвардии имени Минского совета, присланная т. Мясниковым. Все эти войска были присланы мне полевым штабом Ставки. Красногвардейцев в моей армии не было. В резерве войска остались потому, что польские легионы наступали на Могилев и Жлобин. Остались они под командой Белицкого, председателя Пошехонского полка.

Когда я остался с М[уравйовым] в вагоне, он предложил мне войти в полное подчинение к нему по приказу Антонова, который я получил

телеграфно в Гомеле. В вагоне помещался его штаб: делопроизводитель, начальник штаба и прислуга, 2 телеграфиста. Женщин в вагоне не было. Муравйов предложил мне сдать отряд в полное его распоряжение. Я сказал, что имею определенные директивы Ставки взять Киев и [потому] расформировывать технически оборудованный отряд не имею права. Предложил ему согласовать со мною свои действия, дать определенные наставления всему отряду. Муравйов тотчас же согласился, переименовав отряд во Вторую армию, и назначил меня командующим ее. Направление армии было определено Бахмач-Нежин-Киев.

В тот же день М[уравйов] отдал распоряжение отозвать [с этой линии] отряды Первой армии Егорова, ведущие бой под Крутами, и я со своей армией занял указанную линию. Затем 19 или 20 янв[аря] (точно не помню) мы стали двигаться к Киеву, все время исправляя мосты, взорванные Петлюрой.

Муравйов остался помочь и обещал организовать снабжение снарядами и продуктами. Он снабжал меня деньгами, дал 180 тысяч для выдачи жалования солдатам.

Мы двигались одновременно двумя колоннами [...] Боев до Киева не было, так как гайдамаки взорвали мосты и ушли. На станции Бровары была высадка войск. М[уравйов] прибыл туда и отдал распоряжение двигаться пешком

порядком, занять Слободу и станцию Дарница. Туда был направлен блиндажированный поезд и отряд моряков, которые, доехав до взорванного моста, двинули разведку к Дарнице.

Наши разведчики и головной отряд Егорова одновременно заняли Дарницу, где гайдамаков не было. К Слободке был отправлен Минский революционный полк с командиром Ремневым, два батальона Новоладыжского полка, 6-я и 3-я батареи, а также тяжелое орудие Виккерса, оставленное в 8-ми верстах от Киева около артиллерийского полигона. Два тяжелых орудия перевезли крестьяне с. Демидовка на волах по своему почину. Вообще, крестьяне ждали нас как долгожданных гостей, разоружали гайдамаков, кормили нас и пр.

Затем было выпущено четыре снаряда по Дарнице и два по Киеву. В Дарнице никого не убили, в Киеве один снаряд попал в Главный киевский штаб, а другой - в штаб киевского коменданта Ковенко (это было в киевской газете "Киевская мысль").

Наша пехота, дойдя до Цепного моста, была обстреляна артиллерийским пулеметным огнем, и дальше двигаться не могла. У нас было убито 15 человек, под Яковлевым была убита лошадь. Затем мы ждали до вечера 25 [января], когда т. Муравьев приказал перейти в наступление.

Часов в 6-7 вечера, когда сгустились сумерки, мы пошли в наступление на Киев после

обстрела легкой и тяжелой артиллерией - [тяжелой] - так как Бендерские казармы были заняты гайдамаками и легкие снаряды не долетали бы. Затем мы перешли мост: отряд Ремнева в составе 2-го батальона 12-го Туркестанского полка и два орудия вслед за ним.

Пехота переправилась благополучно в полной тишине, но как только она перешла через мост, по ней был открыт ружейный и пулеметный огонь с Лаврских высот и Понтонных казарм. Пехота залегла, находясь в межевом пространстве. Были убиты 2 лошади и несколько артиллеристов, находившихся на мосту. Пехота лежала до 3 часов ночи. В 3 часа ночи 12-й полк перешел в наступление на Понтонные казармы, однако был обстрелян из пулеметов и артиллерии и вынужден был отступить. В 6 часов он снова перешел в наступление и, наконец, занял Понтонные казармы, освободив всех арестованных (всего около 150 человек). Ремнев выслал разведку в Лавру и Арсенал. В ту же ночь на Лаврских высотах мы выставили 3-ю революционную батарею, а 26-го утром из Лавры начали наступление на город.

Около "бегов" и Константиновского военного училища советские войска были встречены пулеметным и ружейным огнем и броневиками. Потеряв много убитых и раненых, наши отступили к Лавре, откуда и был открыт артиллерийский огонь. 26-го вечером мы почувствовали перелом, были получены сведения о

том, что гайдамаки и Рада отступают к Житомиру. Но во всех частях города отдельные гайдамацкие части продолжали бой. Из каждого почти дома стреляли из пулеметов и винтовок, даже из занятых нами участков, что ужасно раздражало революционные войска.

На одной улице гайдамаки жестоко убивали, мучая, двух наших сестер и двух ранили. В то же время наблюдались на занятых нами участках грабежи. В Лавру, где был расположен штаб нашей армии, сторожевые посты приводили круглые сутки лиц, задержанных с награбленным. Эти лица не принадлежали к войсковым частям. Тогда же была сделана попытка разгромить огнестрельные склады, но я отдал срочное распоряжение усилить патрули и забить гвоздями склады. Муравйов отдал личное распоряжение [...] принять все меры по охране имущества.

26-го же состоялось совещание, на котором присутствовали Муравйов, Егоров, начальник Донского отряда, я, начальник штаба моего отряда Фейерабанд и комендант Лавры, на котором было выяснено общее положения Киева. Оказалось, что почти весь Киев занят [советскими войсками], за исключением Бендерских казарм и нескольких улиц.

В это время было положено монахами, что из квартиры исчез Митрополит Владимир. Я спросил Муравйова и Егорова, издавалось ли распоряжение об аресте. Получив отрицательный

ответ, я отдал распоряжение отыскать его немедленно и освободить.

Комендант Лавры отправился с членом штаба и несколькими матросами, которые искали его, но не нашли. Когда было получено известие, что Митрополит убит, Муравйов отдал письменное распоряжение расследовать это дело.

В тот же вечер состоялось заседание военно-революционного комитета, на котором присутствовал Муравйов. 27-го состоялось заседание начальников отрядов и командующих в присутствии членов комитета и народных секретарей Украины, где было принято решение защищать подступы к Киеву со стороны Житомира и организовать преследование войск Петлюры. В тот же день все дела решено было передать в[оенно]-рев[олюционному] ком[итету] Киева. Я был отправлен в Гомель, Москву и Петроград с тем, чтобы привезти один из латышских полков. 27-го же я из Киева уехал, назначив (согласно распоряжению Муравйова) командующим Второй армией Ремнева.

Более ни Киева, ни своей Второй армии я не видел. Я получил донесение, что мой штаб работать с Ремневым не может, так как он штаб не принимал, не вел с ним никаких переговоров. Подробности об этом может рассказать Фейерабенд.

Муравйов, по моим наблюдениям, очень решительный человек в бою, хорошо понимает

стратегию. О его жестокости я ничего не знаю. В моем присутствии никаких кровавых расправ М[уравйов] не производил. Только в Бахмаче я слышал, как он ругал шофера, у которого все время была в неисправности машина. Что я могу засвидетельствовать, так это то, что когда требовалась экстренная поездка - никогда машины не оказывалось. Этому шофера он пригрозил расстрелять, но угроза не была приведена в исполнение.

Был еще такой случай: 27-го янв[аря] войсковые части поймали группу гайдамаков с красными "подсвічницями" (билетами). Среди них были и с побритыми "чупринами", их хотели расстрелять.

Во время совещания в[оенно]-рев[олюционнного] ком[итета] с командным составом прибежали товарищи, прося их спасти. Тогда М[уравйов] отдал мне распоряжение немедленно пойти и остановить расстрел. Я пошел и освободил их совершенно, [выяснилось], что это были украинские войска, воевавшие за советскую власть.

В общем, подробностей о киевских событиях я не знаю, поскольку был занят общим управлением войск по линиям Киев-Нежин-Бахмач, взятием Чернигова и борьбой с польским контрреволюционным восстанием под Жлобином.

Знаю по донесениям, что М[уравйов] выдал после моего отъезда всем солдатам Второй армии

наградных по 300 рублей каждому, так как не были выяснены новые оклады солдатам. А антоновские красногвардейцы получили по 100 рублей. Солдаты Второй армии получали жалования по 7 рублей 50 копеек в месяц. Деньги М[уравйов] выдавал, получая их от народного комиссара по финансам Ауссема.

Во время взятия Киева во Второй армии всего было убито от 400 до 600 человек.

Мне никогда М[уравйов] не предлагал с ним выпивать. Этого в его штабе, по-видимому, не было.

Уточняю описку: каждому солдату было выдано наградных в счет жалования от 100 до 300 рублей, так как не был выяснен новый оклад регулярным частям.

Р.Берзин

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.40-44. Оригінал, рукопис. Там же, арк.45-46. Завірена копія, машинопис.

24. Спогади солдата 3-го авіаційного парку, коменданта Печерської Лаври Володимира Семеновича Сергєєва про події в Києві восени 1917-взимку 1918 рр.

м.Москва

Без дати

Київ. Бой с юнкерами и казаками в октябре 1917 г.

В октябрьских боях с юнкерами и казаками участвовали такие революционные части киевского гарнизона: 3-й, 5-й авиационные парки, 3-й понтонный батальон, тяжелый артиллерийский дивизион, местный военный арсенал, две боевые дружины.

20-го или 25-го октября, точного числа не помню, в 9 часов вечера юнкера (юнкерское военное училище, 5 школ прапорщиков, артиллерийское юнкерское училище) с казаками (казаков было 2 полка) заняли центр города - Крещатик, Царскую площадь, а также примыкающие к ним Липки и Печерск. Всем революционным частям было предложено сдать оружие, но 3-й авиационный парк запротестовал и в эту же ночь, т.е. с 25-го на 26-е октября, когда юнкера заняли город, разослал по всем революционным частям приказ о том, чтобы все приготовились к бою. Всем частям был также сообщен условный знак, по которому следовало открыть перекрестный огонь по контрреволюционерам, а между тем велись переговоры о сдаче оружия.

И вот того же 26 октября, в 12 часов дня был поднят аэроплан 3-го авиапарка - это и был условный знак - и тут же завязался бой, который длился более суток непрерывно, а на третьи сутки юнкера и казаки стали постепенно сдаваться, и были обезоружены, в результате оказалось с нашей

стороны 11 убитых и 3 раненых, а со стороны юнкеров около 400 убитых и раненых.

Через неделю после боя установился порядок, все революционные инженерные части, в том числе артиллерия и дружина, принялись за прежнюю свою работу. После этого юнкеров на улицах Киева не показывалось, казаки покинули город и тоже уехали. В общем, пошла нормальная жизнь, советы работали энергично.

Но вот прошло около месяца после изгнания юнкеров и казаков, и образовалась Центральная Украинская Рада, которая сформировала из дезертиров несколько полков - гетмана Богдана Хмельницкого, Тараса Шевченко, курень сечевых стрельцов и т.д.

Один из этих полков (богдановцы) был защитником Центральной Рады, он был сформирован исключительно из одних дезертиров и офицерства. Когда еще до Центральной Рады киевское интендантство и все части гарнизона отказались выдавать этому полку продовольствие и обмундирование, лишили их всего, 3-й авиационный парк стал на защиту этого полка как своего брата-солдата [...], стал из своей порции выделять половину и выдавать этому полку. Так кормили их около месяца, но когда образовалась Центральная Украинская Рада, она взяла их к себе, пополнила этот полк, буржуи их одели, Рада платила им жалование во время обезоруживания и

после обезоруживания советских войск по 25 рублей в час каждому солдату.

Таким образом, Центральная Украинская Рада постепенно стала захватывать в свои руки власть, что вызвало недовольство во всех революционных частях, в особенности в 3-м авиационном парке, который хотел Раду обезоружить, но благодаря своим шпионам сделать этого не удалось. Все население, за исключением буржуев, было недовольно Центральной Радой, все говорили [о необходимости] обезоружить ее и не дать ей ходу.

Разоружение советских частей

Это было в ноябре [1917 г.], не помню точно числа - 12-го или 13-го. 3-й авиационный парк был наготове обезоружить Центральную Раду, [для проведения этого] было назначено число и время. Парк хотел обезоружить [войска Центральной Рады] с 13 на 14-е ночью, но свои шпионы из парка - чиновник по фамилии Кустовский и фельдшер Борзенко - сообщили Раде [о готовящейся акции] заблаговременно и та, не долго думая, в ночь с 12-е на 13-е [ноября] явилась с полком Богдана Хмельницкого в 3-й авиационный парк.

Тут заблаговременно были поставлены из щирых украинцев свои же парковые часовые, которые знали все ходы и выходы. Когда полк Богдана Хмельницкого подошел к воротам, часовые их пропустили в парк, а после уже в казармы. Там был вызван дневальный дежурный,

которого арестовали, после чего [богдановцы] напали на сонных солдат, но поначалу не стали их будить, а кинулись к сундукам и стали штыками ломать замки и грабить кожаные тужурки, шаровары, оружие и др. вещи.

Проснувшиеся солдаты в ужасе смотрели, что такое делается, [и когда об этом] спросили богдановцев, те ответили, что мы вас обезоружили, а [ваши] винтовки, которые находились в пирамидах, забрали.

[Нам] даже не дали дожидаться утра, стали кричать “геть з казарми”, повели на вокзал, где уже были приготовлены вагоны для отправки. Некоторые солдаты, у которых осталось оружие, и которые помещались в отдельной казарме (богдановцы не знали, что там еще живут солдаты 2-го авиапарка), узнав, что их товарищей обезоружили, дали по богдановцам три ружейных залпа, но это ни к чему не привело, так как богдановцев был целый полк с пулеметной командой, а оставшихся парковцев с оружием было всего 60 человек. После сопротивления последние также были обезоружены, одна рота богдановцев повела под штыками парковых солдат на вокзал, а оставшиеся направились обезоруживать остальные советские части. В 3-м авиационном парке к утру был поставлен караул из украинских юнкеров.

Когда утром на работу пришли парковые солдаты, которые проживали в городе - [...] человек 400, то убедились, что у ворот, канцелярии

штаба, у всех выходов и входов, у мастерских стоят не свои часовые, а украинские юнкера. Когда люди собрались и хотели приступить к работе, то их не допустили, а на вопрос когда же можно будет начать работать, юнкера ответили, что тогда, когда наведут порядок и всех большевиков выгонят в Великороссию [...]

Тем, кто пожелал ехать домой, давались временные увольнительные билеты на полтора и два месяца, после окончания срока билета надлежало явиться не в парк, а к воинскому начальнику.

Тогда временно командиром парка Центральной Радой был назначен фельдшер Борзенко, так как последний знал всех парковых солдат, в это же время Центральная Рада вывозила из парка патроны, пулеметы, оружие, которого было очень много. Прошла неделя, а к работам все не приступали. Рада назначила командиром парка члена Украинской Центральной Рады, штабс-капитана, который предложил всем оставшимся солдатам собраться по поводу, когда приступить к работам.

Когда началось собрание, стал говорить о советской власти, что последняя Россию грабит и ведет к нищете, разрушает все, но нового ничего не создает. Тогда солдаты ответили, что большевики не грабят, а вот ваши пришли обезоруживать и все разграбили - и казенное, и солдатское.

Пошел спор между членами Украинской Рады и парковыми солдатами, которые состояли исключительно из большевиков. Во время спора командир парка стал запрещать говорить по-русски, а только лишь на украинском языке. Тогда солдаты хотели его разорвать, и собрание было прекращено.

После этого прошло три дня и парк начал работать, но так как среди оставшихся в парке были одни лишь большевики, то стали присылать в парк солдат со стороны мастеровых, т.е. пополнять парк украинскими солдатами, которых Рада знала.

Однако среди них специалистов оказалось очень мало, и тогда парк стали пополнять чехами. Но и украинцы, и чехи, прибывшие в парк, тоже делались большевиками. Так что парк стал почти опять большевистским. Мастерские стали работать на полном ходу [...] Это продолжалось недолго, до Рождества Христова.

Все буржуи города Киева были очень рады тому, что большевиков из Киева прогнали. Бывало, идешь по улице или проезжаешь в трамвае и только и слышишь, какие большевики трусы. Если же я ехал в трамвае или проходил пешком и, с кем-нибудь разговаривая, защищал в разговоре большевиков, то меня немедленно арестовывали. Вот такая жизнь была при Центральной Раде.

Восстание киевского Арсенала

Это было после праздников Нового года и Крещения. Мастерские, придя на работу в обычное

время, приступили к работам. Центральная Украинская Рада, явившись в этот день к Арсеналу, хотела обезоружить рабочих и стала окружать Арсенал со всех сторон. Тогда Арсенал объявил от имени Революционного комитета, [...] что если Рада не уберет своих гайдамаков, то откроет стрельбу. В это же время были посланы немедленно разведчики в Георгиевский полк и в 3-й авиационный парк.

Арсенал занимал большое пространство, начиная с угла Московской, т.е. Александровской улицы, и заканчивая вдоль Московской улицы до Батыева переулка [...] Почти рядом, через один дом, стояли казармы, которые занял полк Богдана Хмельницкого. Напротив Арсенала в большом доме помещались белогвардейцы, так что по Московской улице пройти в Арсенал было невозможно, и арсенальцам также невозможно было выйти из Арсенала. Николаевская улица, начиная от Николаевского военного собора, тоже была занята белогвардейцами, с противоположной стороны Арсенала также находились белогвардейцы и гайдамаки. Оставался только один угол - угол Московско-Александровской и соединяющей Никольскую и Александровскую улицы. Тут была маленькая площадь, на которой стоял памятник Искре и Кочубею, напротив памятника располагались казармы 3-го понтонного батальона. Арсенал находился напротив этого батальона. Последний в то время объявил себя

нейтральным, и только человек 50 его выступили на защиту Арсенала, установив орудия возле памятника Искре и Кочубею. Так что эта маленькая площадь осталась немного свободной, тут можно было пройти только перебежкой или ползком в Арсенал, чтобы оказать поддержку и доставлять патроны и снаряды. Это было очень трудно.

Поддержка оказывалась из 3-го авиационного парка, а также из Георгиевского полка, в Арсенал передавались также патроны и снаряды. Все это доставлялось по берегу Днепра, где был свободный ход, начиная со стратегического моста и до Подола. Снаряды и патроны доставлялись на плечах, через горы и Аскольдову могилу в 3-й понтонный батальон, а оттуда перебежкой в Арсенал.

Боевая постановка Арсенала

В Арсенале в то время было подготовлено к бою четыре легких орудия, 12 пулеметов и 400 человек. Также были присланы из 3-го авиационного парка 40 человек, из Георгиевского полка 100 человек и из 3 понтонного батальона человек 60, что вместе составляло около 700 человек [арсенальцев] против около 3 тысяч [войск Центральной Рады].

Бой

Бой начался во вторник, не помню точного числа, в январе месяце [1918 г.]. Артиллерия гремела непрерывно день и ночь, как с Арсенала, так и со стороны белогвардейцев и гайдамаков. Бой

продолжался двое суток, и в Арсенале не осталось ни снарядов, ни патронов. Арсенал уже намеревался сдаться, но в это время я доставил из 3-го авиационного парка порядком, указанным выше, один грузовик снарядов, патронов и бомб. Последние были спрятаны в одном из подвалов парка. Арсенал держался до субботы, но так как снарядов не хватило, патронов тоже, а рабочих много удрало, то в субботу утром Арсенал выкинул белый флаг и выслал парламентариев сообщить о том, что он сдается. До этого времени 3-й понтонный батальон уже сдался.

Тогда гайдамаки с белогвардейцами поставили около ворот Арсенала броневик и предложили арсенальцам выходить по два человека, что было Арсеналом принято. Но когда [...] три группы по 2 человека вышли из ворот на улицу, заиграла военная музыка, похоронный марш и сейчас же эти рабочие были расстреляны из пулеметов.

Гайдамаки стали ожидать следующего выхода рабочих, но последние, узнав об участи своих товарищей, не вышли и, взявшись за последние патроны, в свою очередь дали залп из окон Арсенала, уложив гайдамаков человек около 30. Они продолжали держаться еще 2 часа, но под напором гайдамаков [отступили].

Последние ворвались в Арсенал и, не щадя рабочих, стали расстреливать и разрывать их на части. В то время расстреляли человек 80, трупы

прикрыли брезентом, а остальных оставшихся в живых под усиленным конвоем повели на гауптвахту. По дороге [пленных] расстреливали, некоторым распарывали даже животы. На улицах валялись ноги и руки убитых. Солдат, которых застали в то время в Арсенале, не расстреливали, а арестовывали и отправляли на гауптвахту. Там эти бедные сидели до освобождения, не евши и не пивши, туда же было посажено много раненых, участь которых была такой же.

Но в субботу утром мы получили радостную весть о том, что большевистские войска тов. Муравйова, Берзина и Ремнева подошли к Киеву. Все трудовое население стало веселым.

Вечером советские войска были уже на левом берегу Днепра. Я немедленно прошел по стратегическому мосту с правого берега на левый, переправил на правый берег два отряда. Тотчас эти два отряда перешли под мое командование, тут же были расставлены пулеметы и выслана усиленная разведка в сторону Киево-Печерской Лавры.

Тем временем таким же способом переправились через [ж]елезнодорожный м[ост] остальные отряды, там также были расставлены пулеметы и послана усиленная разведка в сторону пассажирской станции. С левого берега Днепра и со ст. Дарница был послан отряд на Никольскую Слободку.

Ночь мы переждали, а утром на рассвете я с двумя отрядами пулеметной команды цепью

тронулся через горы, а разведку послал по направлению к гауптвахте, где нам удалось пройти без боя. Подойдя к гауптвахте, первым долгом освободили арестованных арсенальцев и солдат, а затем один отряд под командой Жлобы направил к Киево-Печерской Лавре, а я сам с отрядом пошел в 3-й авиационный парк, который также занял без боя.

В парке пришлось арестовать командира парка члена Украинской Рады и комиссара парка как шпионов. Заняв парк и Лавру, убедившись, что там нет никого из гайдамаков, я укрепился. А отряды пошли дальше по Никольской и Суворовской улицам по направлению к Московской улице, но на этих улицах пришлось сражаться двое суток, так как во всех домах были установлены пулеметы и [противника] было очень трудно выбить.

В то время я артиллерию тов. Берзина перевез ночью с Никольской Слободки в 3-й авиационный парк, где у нас дело пошло успешно. Штаб тов. Берзина поместился в Лавре. Я был назначен Берзиным начальником отрядов, а позже Муравйовым и Советом Рабочих депутатов комендантом Лавры. На моей ответственности находилось около 3 тыс. человек, нужно было всех накормить, дать помещение и все необходимое.

На второй день после моего назначения я принялся постепенно принимать на учет все имеющиеся в Лавре продукты, для чего утром

отправился к наместнику Лавры [...] Наместник, как и все монахи, относились к нам очень дружелюбно, ничего не жалел - ни продовольствия, ни вина.

Выйдя от наместника, я направился в свою канцелярию, но по дороге увидел ужасную картину: человек 20 красnogвардейцев во главе с матросами повыгоняли из всех келий, а также и церкви священников и монахов во двор и, наставляя на них ружья, хотели расстреливать. В это время подоспел я, стал на солдат кричать, за что и меня хотели расстрелять, но все-таки мне удалось их завернуть всех и тем обошлось все благополучно.

Однако, продолжая дальше путь в канцелярию, я опять наткнулся на такую же картину: смотрю, у ворот кричат на генерала, бывш[его] начальника Киевского арсенала, мол “ступай вперед”. Не успел я их приостановить, как раздались выстрелы и генерала расстреляли. Хотели расстрелять и его сына, кадета малолетнего, но я не дал.

Когда пришел в канцелярию, то застал тов. Берзина и тов. Степанова (начальника Новозыбковского отряда). Они мне сообщили, что митрополита Лавры убили. Кое-как с трудом в этот день удалось расстрелы прекратить. На другой день я издал приказ, что за всякие грабежи, убийства, расстрелы и так далее будем строго наказывать, вплоть до расстрела.

Мне удалось в моем районе прекратить расстрелы и грабежи. Мною был сформирован отряд в 300 человек. Этот отряд был на охране улиц, складов и в особенности охранял Лавру, за которой мне тов. Муравйов приказал смотреть как за своим глазом - мол, если что случится, то отвечаешь своей головой.

Так мне удалось прекратить [грабежи, расстрелы] и пошла у меня нормальная работа. Тем временем отряды занимали улицу за улицей, заняли и Царский Дворец, где [...] было расстреляно много офицеров и генералов. Тут пошла месть за месть. Расстреливали, даже не разбираясь с документами - как офицер или буржуй, так и расстреливались. Но это было во время боя. Через несколько дней нами был взят Киев и стал устанавливаться порядок.

Убийство Киевского Митрополита Владимира

Убийство было совершено не с политической точки зрения, а с уголовной, т.е. уголовными преступниками. Когда его убили, то меня наместник Лавры пригласил, где я уже застал убитого митрополита в церкви, где мною был выставлен караул. Наместник Лавры также пригласил ко мне двух иеромонахов, которые видели убийц митрополита. Я с них снял допрос, оказалось следующее по их рассказам.

К ним явилось в келию четыре вооруженных человека, и спросили: "Где живет митрополит?" Они ответили: "Зачем вам?" Убийцы на них стали кричать: "Не разговаривай, раз тебя спрашивают -

должен отвечать!” Тогда иеромонахи указали, где живет митрополит, и убийцы отправились в означенное место. А иеромонахи направились, в свою очередь, сообщить о происшедшем наместнику Лавры.

Пока иеромонахи дошли до наместника и говорили с ним, то убийцы уже сделали свое дело. Явившись к митрополиту, они направили на него револьверы, ограбили на 400 рублей золотом и золотые часы, после чего вывели его на двор. Но так как он был очень стар, слаб, то двое его взяли под руки и поволокли за собой, где и расстреляли, сняли с него сапоги. Это я уже снимал допрос у послушника, который прислуживал у митрополита.

Я хотел это дело передать на расследование, но некому было передать. Тогда я сам взялся, но все поиски убийцы были безрезультатными.

Так прошло недели две, и вдруг я получаю письмо на мое имя такого содержания [копия письма]: “Коменданту Лавры тов. Сергееву. Сообщаем Вам, тов. Сергеев, что мы прощаемся и уезжаем, но митрополита Лавры поминаем. Здесь виновата одна сволочь, которой мы уплатили большую лепту вознаграждения, чтобы он согласился молчать. Эта сволочь известный сибиряк Чалый-Маршак, у него находится черной масти вороной конь лавринский. Проживает он где-то на Никольской Слободке и служит в черторыйских мастерских. До свидания, спешим, некогда, уезжаем”.

По получении этого письма я немедленно отправился на Никольскую Слободку. Захожу в слободской совет и спрашиваю, нет ли такого и где черторыйские мастерские. Мне ответили, что он сейчас только вышел, я попросил, чтобы мне его вернули, когда его вернули, я сейчас же его обезоружил. Он оказался председателем этого же совета, у него же оказалась лавринская лошадь, которую я забрал и возвратил Лавре. Последняя опознала эту лошадь. Население на этого типа очень жаловалось, говорили, что он ежедневно население грабил, все реквизировал. [Выяснилось также, что] он, как и говорилось в письме, сидел на каторге.

Я его продержал у себя двое суток, пригласил двух иеромонахов, которые видели убийц в лицо, для уличения. Но последние [в арестованном убийцу] не уличили. На другой день утром пришлось из Киева отступить, а задержанный остался в Лавре.

*Доклад об отступлении
революционных отрядов из Киева*

После взятия Киева советскими войсками (не помню числа) товарищ Муравйов, Берзин и Ремнев, которые установили порядок и нормальную жизнь мирных граждан Киева, уехали на Дон, порекомендовав власть советам города. Военным комиссаром Киева (советами ли был выбран или же кем-то назначен, не знаю) был т. Коцюбинский.

Не прошло и одного месяца, как в совет попали люди не в курсе дела, большею частью евреи, одна молодежь. Войск советских [в городе] не было совсем, были только организованы отряды из местного населения Печерского, Подольского, Куреневского, Лукьяновского, Шулявского, Соломенского и Демеевского районов. В них находилось до 2-х тыс. стрелков, они и были на охране г. Киева.

По распоряжению военного комиссара т. Коцюбинского и начальника киевского гарнизона т. Стогния советы стали выдавать домовым комитетам оружие - как винтовки, так и револьверы и даже пулеметы, которыми мы и были обстреляны при отступлении из Киева.

Когда немецко-гайдамацкие банды подошли к Киеву со стороны Волынского поста, Святошино и Пущи-Водицы советы побросали свои посты и разбежались. Еще за три дня до отступления наших отрядов из города, я сам ночью приехал в Царский дворец и застал там всего 4 члена [совета], которые играли в карты. Я их спросил, почему они никаких мер не принимают против наступления немецко-гайдамацких банд, а они мне ответили, что уже порвали все бумаги и готовы удирать.

Остался один Коцюбинский, я и т. Ковалев, начальник артиллерии, с которым я принял меры против находившейся в городе белой гвардии. Мы расставили по всему городу пулеметы, а тов. Коцюбинский стал посылать отряды в сторону

Волынского Поста, Святошино, Пущи Водицы, откуда наступал неприятель. Эти отряды, однако, не выдержали натиска и отступили, половина из них разбежалась.

По распоряжению тов. Коцюбинского за ними вслед стали отступать на левый берег Днепра (где в то время находились чехословацкие войска - около 6 тысяч чел.) и остальные отряды.

А с левого берега Днепра, вернее с Дарницы тов. Коцюбинский вместо того, чтобы укрепиться, отдал войскам распоряжение отступать на Харьков, Полтаву и Конотоп. Чехословацкие войска также стали отступать по направлению к Бахмачу и Конотопу. Отступали они походным порядком, с музыкой и знаменами, говоря: "Если русские отступают на 200 верст тогда, когда еще не видно ни немцев, ни гайдамаков, то чего же мы будем воевать?" А тов. Коцюбинского и след простыл.

Когда несколько наших отрядов съехались в Конотоп и там же в Конотопе организовались отряды - так называемые 1-й и 2-й Конотопские [...] на их общем собрании командующим был избран тов. Лопатин. Взявшись за дело, он установил позиции за Бахмачем в Плисках [...]. Там же находились чехословацкие войска, около одного полка, которые только и держали фронт.

Не успело дело наладиться, как приезжает тов. Ремнев и заявляет тов. Лопатину, что он принимает командование фронтом [...]. Они стали вместе командовать, т.е. вошли в конфликт. Но

вот дня два покомандовали они, и приезжает новый командующий с отрядом тов. Шаров, который говорит, что он принимает командование фронтом. Тем временем из Харькова или из Полтавы приезжают в Бахмач товарищи Бош, Примаков и Пятаков, которые также заявляют, что они принимают командование этим фронтом.

Появилось шесть командующих, начальники отрядов не знали, чьи приказания исполнять. Один командующий приказывает одно, а другой другое. Пошла борьба между командующими за власть.

Тогда тов. Ремнев уезжает в хутор Михайловский, тов. Лопатин принимает поезд снабжения, а остальные остались командовать. Мне тов. Шаров дал позицию на ст. Калиновка, около меня было 50 чел. и один пулемет.

Не прошло и двух суток, когда вижу, что наши всегда пьяные отряды грабят. Смотрю, чехословацкие войска уезжают, спрашиваю почему, они отвечают, что не будут с нашими отрядами воевать потому, что это пьяницы и грабители. Не успели чехи уехать, как, откуда ни возьмись, ночью три немца в Бахмаче взорвали полотно железной дороги по направлению Конотопа. Тогда Бош со своими отрядами удрала через ст. Ромны на ст. Гадяч, тов. Шаров со своими отрядами бежал позорно на ст. Ворожба, а оттуда в Белгород, где его и арестовали по распоряжению тов. Сиверса. И так сразу отступили, чуть ли не на двести верст,

когда еще немца не было видно. С Ворожбы все отряды разбежались кто куда.

Тогда тов. Лопатин со своим отрядом и я уехали к тов. Ремневу в хутор Михайловский, а в Ворожбе командование принял тов. Сиверс.

В хуторе Михайловском был штаб тов. Ремнева, а позиция была Крупец-Холопки, Шостка-Коронь и Глухов, где стояли отряды Сосницкий, Глуховский, Крупенский, Киевский, 1-й сводный, 3-й революционный, Путивльский, Конотопский и другие. И вот 13 апреля Ремнев приезжает в Глухов и, едуци обратно, упал с лошади, сильно ушибся. Его подобрала, совершенно бесчувственным, отправили в хутор Михайловский, откуда он уехал в Москву. На своем месте командующими он оставил тов. Семенова и тов. Смирнова, которые были совсем не в курсе дела.

Не успел Ремнев уехать, как на другой день появилось несколько разведчиков-немцев и наши отряды отступили на ст. Глухов. А тов. Семенов и тов. Смирнов давай издавать приказы по аппаратам всем отрядам, чтобы те отступали. Началось позорное бегство на ст. Зерново и с Зерново на ст. Навлю, а со ст. Навли на Брянск, где их тов. Сытин стал обезоруживать и арестовывать при помощи 1-го Киевского отряда.

На ст. Зерново 3-й революционный отряд забрался в местечко с другими отрядами и учинил еврейский погром: грабили и убивали всех, кто попадался под руку. 1-й Киевский сводный отряд

несколько из этих отрядов расстрелял и тем наладил дело, после чего тов. Сытин принял командование.

В.Сергеев

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.16, арк.8-14. Машинопис, оригінал.

25. Лист Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення голові РВР РСФРР Льву Давидовичу Троцькому з питаннями у справі М.А.Муравйова

м.Москва

13 травня 1918 р.

Следственный отдел комиссариата публичного обвинения просит вас дать показания по делу бывш[его] главнокомандующего южными армиями Муравйова по следующим пунктам:

1. Какие обстоятельства заставили Военный комиссариат лишить Муравйова полномочий, котор[ые] он получил на Кавказ.
2. Точно установит дату, когда ему об этом было заявлено.

3. Поступали ли в распоряжение Муравйова от Военного комиссариата денежные суммы после поучения полномочий на Кавказ.

Член Следственного отдела
Секретарь

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.18, арк.14. Машинопис, оригінал..

26. Лист Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення голові РНК РСФРР В.І.Леніну з проханням надати протокол проведеної за його розпорядженням і в його присутності очної ставки між М.Муравйовим та Мойсеєвим

м.Москва

13 травня 1918 р.

Председателю Совета Народных Комиссаров
т. Ленину

Комиссия, учрежденная для производства следствия по делу бывш[его] главнокомандующего южными армиями Муравйова, просит Вас в срочном порядке прислать ей протокол очной ставки, данной по Вашему распоряжению и в Вашем присутствии, приблизительно в конце марта месяца сего года, названным выше Муравйову и Мойсееву.

Если же очная ставка не была зафиксирована, Комиссия просит сообщить ей в более подробной и, по возможности, точной форме все относящиеся к данному делу обстоятельства, добытые этой ставкой.

Член Следственного отдела
Секретарь

ДАРФ. – Ф.1029, оп.1, спр.18, арк.13. Копія, машинопис.

27. Лист Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення секретареві внутрішніх справ радянської УНР Є.Б.Бош з проханням дати свідчення у слідчій справі М.А.Муравйова

м.Москва

13 травня 1918 р.

Следственный отдел Комиссариата публичного обвинения просит Вас сообщить имеющиеся в Вашем распоряжении сведения по делу быв[шего] командующего южным фронтом Муравйова, по нижеследующим пунктам:

1. О расстрелах, которые имели место в армии Муравйова.
2. О грабежах со стороны его отрядов.
3. Об отношении Муравйова к этим фактам.

4. О взаимоотношениях между Муравйовым и военным секретарем Украинской республики Коцюбинским.

5. О фактах неподчинения Муравйова советской власти.

6. О конфликте между армейским комитетом Первой армии (Мойсеев-Лapidус) и командиром Первой армии Егоровым.

7. О роли Муравйова в этом конфликте.

8. О финансовых ответах Муравйова в суммах, ассигнованных ему Украинским секретарем финансов.

9. О злоупотреблениях денежными суммами вообще.

Член Следственного отдела
Секретарь

*ДАРФ. – Ф.1029, оп.1, спр.18, арк.15. Копія,
машинопис.*

**28. Заява анархіста Льва Чорного у справі
М.А.Муравйова**

м. Москва

16 травня 1918 р.

В получении пулеметов от бывшего главнокомандующего Муравйова считаю себя невиновным, так как никаких пулеметов я не

получал. Но если бы даже и получил, то не считал бы это преступлением, ибо право получения всякого рода оружия было нам дано, и мы получали его из округа военного штаба, а также от военного комиссариата.

Что же касается вообще судебного следствия, то так как я не признаю никакого суда, то и никогда не давал, и не буду давать показаний.

Р.С. Мы получали больше пулеметов от товарищей анархистов. Последние отбивали их на поле сражения и передавали нам. Я полагаю, что обвинение Муравйова в снабжении нас оружием можно считать неточным [в части, касающейся того], кто снабжал нас оружием, ибо в отрядах Муравйова было много анархистов.

Л. Черный

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.15, арк.25. Оригинал, рукопис.

**29. Свідчення начальника Уманського загону
Івана Юліановича Кулика у справі
М.А.Муравйова**

м.Москва

16 травня 1918 р.

Муравйова я всегда считал опытным и знающим стратегом, но в политическом отношении абсолютно несостоятельным, а по характеру - крайне вспыльчивым и не разбирающимся в

обстоятельствах человеком. У него это доходило до самодурства, часто преступного.

В вину ему вменяю следующий факт. Около 15 февраля 1918 г. я, дважды раненый при взятии Кременчуга, явился в Киев с остатками отряда в 30 человек с тем, чтобы, пополнив отряд до 100 человек, отправиться в Умань, где перед этим были расстреляны два моих близких товарища. Туда, согласно просьбе местного совдепа (знавшего меня), я направлялся начальником муравйовского штаба Смирновым. Он обещал мне пополнение для борьбы с погромным движением, охраны города и богатейшего хлебом и сахаром уезда, очищения железнодорожной линии Цветково-Вапнярка.

Военный секретарь товарищ Коцюбинский одобрил мое назначение, а народные секретари продовольствия т. Лугановский и труда – т. Скрыпник поручили мне отправку продовольствия и охрану 14 сахарных и 4 винокуренных заводов. Нар[одный] секр[етарь] внутренних дел т. Бош назначила меня гражданским комиссаром г. Умани.

Ясно, что со всеми этими задачами справляться, имея 30 вооруженных человек, невозможно было, тем более, что, по нашим сведениям, в Христиновке (ближайшей к Умани узловой станции) стояла рота гайдамаков в 300 человек.

Если не ошибаюсь, 14 февраля начштаба Смирнов обещал дать мне пополнение до 100 чел., но когда я явился к Муравйову, то он

категорически заявил, что не только пополнения не даст, но заберет бывших у меня 18 человек из армии Егорова. Таким образом, я остался при 12 партийных товарищах - киевлянах. Кроме того, Муравйов заявил, что ни одного человека для Украины не даст, так как возмущен поведением Коцюбинского, не исполнять приказы которого он велел присутствовавшим начальникам отрядов.

Никакие уговоры не действовали. Будучи в крайне напряженном нервном состоянии, я заявил, что мне остается лишь самоубийство, и тут же попытался застрелиться, но Муравйов задержал меня и предложил сделать это не в его штабе. Затем он сказал, что “из личных симпатий ко мне” разрешает 18 человек из егоровской армии оставить, но больше ни одного человека не даст “из принципа”.

Так как больше людей было взять неоткуда, я решил поехать с 30-ю человеками, несмотря на всю рискованность этого. Лишь смелость и находчивость т[овари]щей по отряду да случайное стечение обстоятельств спасли положение, и все задания нами выполнялись в течение полумесяца.

Беседа с Муравйовым проходила в присутствии начальника его штаба Смирнова, начальника отряда Беленковича и ряда других лиц, фамилии которых мне неизвестны. Одному из них, начальнику отряда, стоявшего в Чернигове, Муравйов непосредственно передавал приказ о неподчинении т. Коцюбинскому.

Что касается разоружения моего отряда, упоминаемого в показаниях Скрыпника, то, насколько мне известно, Муравйов об этом ничего не знал, и приказа об этом не издавал. Во всем этом я склонен винить Сиверса-II-го, отряд которого представлял из себя пьяную банду, занимавшуюся реквизициями и погромами. Отряд Сиверса входил в состав армии Муравйова.

О конфликте Муравйова с армейским комитетом Первой армии мне ничего не известно. Товарищ Г.Ф.Лапчинский был назначен политическим представителем Народного секретариата в войсках Муравйова, действовавших под Киевом.

И.Кулик

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.55-57. Оригінал, рукопис. Там же, арк.58-58 зв. Завірена копія, машинопис.

30.Свідчення начальника штабу Другої революційної армії Вольфганга Августовича Фейерабенда у справі М.А.Муравйова

м.Москва

16 травня 1918 р.

Первый раз видел Муравйова на ст. Бобровичи в поезде и в вагон салоне Берзина [...] Он был очень просто одет. Я ему представился – он

любезно со мною вступил в разговор. Я вскоре ушел по делам [...]

Лицо М[уравйова] меня заинтересовало, но никакого определенного впечатления я от него не вынес. Встречался я с ним часто, но мимоходом. Лично мне никаких приказаний М[уравйов] не давал [...]

Мне рассказывали о нем, как об очень решительном боевом начальнике и хорошем полководце. Мне рассказывал т. Боярский, учившийся в одной одесской школе прапорщиков в 1916 году, что в их школе был курсовым офицером Муравйов, отличавшийся либеральным образом мыслей. Боярскому запомнилась одна речь М[уравйо]ва, где он обращался к окончившим курс юнкерам, говоря, что настанет пора, когда мы с вами встретимся при другой обстановке, более светлой и радостной.

Я слышал от одного матроса, что Киев-I был взят 20-ю матросами во главе с Муравйовым, который шел под градом пулеметного и ружейного огня. Это подтверждено и самим Муравйовым.

В боях под Киевом было убито 600 чел. Украинцы стреляли исключительно разрывными пулями. Когда Берзин уехал, то заменил его Ремнев, имевший уже у себя маленький штаб авангарда. Но штаб Второй армии не принял к себе, т.е. меня, Яковлева и др. Все командиры отряда не были довольны штабом Ремнева, и выбрали на

общем собрании меня командующим Второй армии, но я не согласился.

До назначения Ремнева Мур[авйов] приказывал тов. Берзину расстрелять Ремнева за неисполнение боевых приказаний. Муравйову стало известно об отрицательном отношении командиров отрядов к Ремневу после моего отказа взять на себя командование Второй армией. Я считаю, что штаб Ремнева надо было переформировать с ног до головы, персонально. Но об этом я с М[уравйовым] не говорил. На собрании всех командиров он указывал Ремневу на то, что все найденные драгоценные вещи – ордена, золотые шашки и др., вещи, взятые при обыске – должны быть переданы в украинское казначейство. У Ремнева тогда образовалось нечто вроде главного штаба, перед тем, как образовался финансовый отдел украинского совнаркома и т. Чудновский принял на себя ведение всем городом, реквизициями, арестами и пр. (уже после взятия Киева через 48 часов).

Общее впечатление от Муравйова: все его жесты, мимика, ужасная возбужденность вызывали во мне впечатление, что передо мною ненормальный человек. У него были резкости: то он вскрикивал, говорил жестокие слова. Но через несколько минут становился совершенно иным: мягким, великодушным, добрым человеком [...].

Был случай уже после взятия Киева, когда Муравйов ехал на автомобиле Второй

рев[олюционної] армії с шофером Николсон. Машина остановилась на Фундуклеевской ул. из-за отсутствия бензина (бензина было негде взять). М[уравйов] обрушился на шофера Николсона за “саботаж” и сказал, что он его застрелит. Это была одна из тех выходок, которые поражали меня своей ненормальностью. Муравйов где-то достал автомобиль и поехал на вокзал. Николсон же раздобыл немного бензина и приехал на вокзал за Муравйовым.

Фейерабенд В.

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.61—61 зв. Завірна копія. машинопис.

31. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Сергія Ізмаїловича Мойсеєва у справі М.А.Муравйова

м.Москва

17 травня 1918 р.

[...] В конце января [1918 г.] я с товарищами прибыл в Киев с войсками, которые затем заняли Лавру. Наш отряд ушел в Москву, остались лишь пулеметчики, и я находился с ними на Александровской ул[ице] напротив дворца.

Когда мы увидели, что армия деморализована, то сначала пытались смягчить красногвардейцев. Под влиянием рассказанных

фактов, мы решили вести борьбу с муравйовщиной подпольно, ибо М[уравйов] помешал бы нам в этом направлении работать, если бы мы действовали открыто.

Мы решили послать делегацию к В.И.Ульянову. Когда же мы увидели, что на нашей стороне 11-й Сибирский полк, то решили созвать армейский съезд. Инициатором этого съезда был наш политический отдел. Одна из целей съезда заключалась в том, чтобы бороться с муравйовщиной, взять под контроль как хозяйственную, так и стратегическую деятельность Муравйова.

Мы хотели образовать фронтовой комитет, который бы и был руководящим органом над Муравйовым. Мы считали, что присутствие при Муравйове народных комиссаров Ауссема, Коцюбинского и Лапчинского недостаточно, и притом мы не знали их взглядов на тактику Муравйова, ибо они были как бы бессильны перед его диктаторскими действиями.

М[уравйо]в узнал о съезде уже после того, как последний собрался в Дарнице около 10-го февраля. Он сказал, что не утвердит [состав] комитета и не допустит его дальнейшего существования в том виде, в котором он был. Когда же Муравйов увидел, что отряды становятся на сторону армейского комитета, то побоялся и уехал.

На съезде присутствовали делегаты 11-го Сибирского полка, 1-го Минского полка (или отряда), Донских отрядов Ясиновского, Люботинского и Потшорского полков, кажется, еще были Тверской, Брянский отряды (с Брянского завода) - в целом, представители 8-10 отрядов. Все они входили в состав армии Егорова. На съезде был избран армейский комитет.

В Киеве, когда в исполнит[ельном] комит[ете] совета узнали об отношении к Муравйову армейского комитета, выяснилось, что и исполнительный комитет, и Народный секретариат крайне возмущены действиями М[уравйо]ва и ищут путей, как бы поскорее избавиться от него и его отрядов. Хотя секретариату было очень трудно обойтись без М[уравйо]ва, они предпочитали остаться без него и его отрядов, чем оставаться при М[уравйо]ве и его деморализованных отрядах.

Народный секретариат вышел к нам с выяснением о том, какие отряды могли бы остаться в Киеве. Мы указали, какие отряды можно было бы оставить для защиты секретариата. Мы сносились с Народным секретариатом по делу М[уравйо]ва конспиративно, и народный секретарь внутренних дел Е.Бош предложила нам арестовать М[уравйо]ва, что и одобрили народные секретари Бакинский и Затонский, а затем к этому присоединился и Коцюбинский.

Все это было значительно раньше того, как М[уравйо]в послал телеграмму о Коцюбинском как о предателе. После этого, почував что-то для себя неладное, М[уравйо]в уехал из Киева в Одессу. Два дня спустя, уехал и Егоров.

Еще замечу: на следующий день после организации армейского комитета Ремнев прислал в лагерь военнопленных немецкого офицера, хорошо владевшего русским языком, который (без ведома армейского комитета, и комитетов с[оциал]-д[емократов] левых австрийских и немецких, а также в обход комиссара лагеря) стал вербовать из пленных, не знающих русского языка, отряд в революционную армию. Добровольцам предлагалось по 7 рублей 50 копеек в день на всем готовом. По сведениям лагерного комитета, этот немецкий офицер неоднократно привлекался за шпионство в пользу немецкого правительства. Мы обратились к Ремневу, который заявил, что приветствует армейский комитет, что он не знал о том, что так нельзя поступать, но теперь так делать не будет.

Однако после отъезда армейского ком[ите]та Ремнев снова прислал с той же целью в лагерь военнопленных того же немецкого офицера в сопровождении вооруженного человека. Наш комиссар опять воспрепятствовал вербовке. Они ушли, угрожая ему, но более не приходили.

Старание организовать отряд из военнопленных ясно указывало на стремление

Муравйова иметь послушный отряд [...], который в нужную для него минуту мог бы выступить против армейского комитета и вообще против советской власти. Мы были в этом убеждены, а [товарищ] Бош была поражена этим делом и очень опасалась того, что замышляет Муравйов. Коцюбинский также был с этим согласен. Всю эту историю может подтвердить т[оварищ] Табаков, которого можно найти через т[оварища] Лapidуса.

Был еще такой случай с анархистом, членом армейского комитета Додоновым. Муравйов позвал Додонова, заведовавшего хозяйством отряда, и стал предлагать деньги для обеспечения семьи [...]. Додонов нам рассказал об этом и заявил, что он после такого предложения Муравйова всецело на стороне нашей, армейского комитета.

Мы считали, что Первая и Вторая армии на Украине подчинены только Муравйову, а Муравйов - Антонову и через последнего - Совету народных комиссаров. Ввиду чего мы решили обратиться непосредственно к Совету народных комиссаров Рос[сийской] Респ[ублики], к Н.Ленину с тем, чтобы указать на порядки в муравйовской армии. Также и Народ[ный] секр[етариат] Украины обращался с просьбой к Н.Ленину, чтобы Первая армия перешла в распоряжение Нар[одного] секр[етариата] и была подчинена ему непосредственно.

Как поступить с Егоровым - у нас не было решено, но, во всяком случае, считали, что он

должен был находиться под полным контролем и в подчинении армейского комитета и Народн[ого] секретариата.

Сначала Народн[ый] секр[етариат] предложил (собственно, Бош предлагала) командовать армией армейскому комитету, но мы отказались, не считая себя компетентными в этом деле. Президиум армейского к[омите]та состоял из меня, Лapidуса и солдата Коптелова.

[Когда мы уехали из Киева] в Елизаветград, то нам была прислана телеграмма от Народн[ого] секр[етариата], в которой Коцюбинский или Бакинский сообщали, что по распоряжению Совета народн[ых] комисс[аров] Рос[сийской] респ[ублики] Первая армия переходит в полное распоряжение Народн[ого] секр[етариата] Украины. Егоров же отказался по телеграмме согласиться, потому что находился, как заявил, в ведении Муравйова и по его приказу не должен был исполнять приказаний со стороны. Егоров заявил, что он не исполняет распоряжений Народн[ого] секр[етариата], а только Муравйова [...]

Тогда мы послали телеграмму из Елизаветграда в Фастов тов. Заламаеву на конференцию представителей отрядов Украины для установления командования. Егоров поехал по направлению к Одессе, как я предполагаю, по приказу Муравйова.

Еще до отъезда мы получили от М[уравйова] телеграмму с требованием приехать по делам службы. Мы считали необходимым формально подчиниться с точки зрения военной дисциплины приказам Муравйова, но как революционеры решили, что не должны подчиняться, ибо, как мы предполагали (большинство ком[ите]та), Муравйов вызывал нас не для чего иного, как для ареста. Не поехали мы еще и потому, что как раз в это время собирался второй армейский съезд.

Егоров уехал на свидание с Муравйовым, но вскоре вернулся в Елизаветград. В это время командующим Первой армии М[уравйо]вым был назначен Асеев. Егоров же был вызван в Петроград в Министерство иностранных дел, да и чувствовал он себя нездоровым. Он все время колебался между нами, армейским комитетом, и Муравйовым. Телеграмму от Министерства иностранных дел он получил еще в Киеве. Наконец, после свидания с Муравйовым Егоров отправился в Питер со своим отрядом в 30 человек, но тут в Елизаветграде мы его и задержали.

Целью его задержания было стремление воспрепятствовать отрезать нас от Нар[одного] секр[етариата] и Народн[ых] комиссаров Рос[сийской] Респ[ублики]. Мы и так были уже отрезаны от частей, действовавших на фронте (часть наших войск тогда стояла в Бирзуле, другая часть правее), и считали, что были отрезаны от фронта потому, что наши телеграммы не доходили

до места назначения. Мы, также, не получали ответов на них, хотя движение поездов было и другие люди телеграммы получали, мы же нет.

Во исполнение телеграммы Нар[одного] секр[етариата] мы взяли отряд латышей (около 200 человек, с броневым автомобилем, орудием) и направились из Елизаветграда к Киеву через Фастов. Там мы наткнулись на взорванный путь и вернулись, чтобы ехать через Бобринскую, Черкассы и Гребенку. По дороге в Фастов к нам присоединился отряд Ревуцкого.

Однако мы не доехали до Гребенки. В Черкассах мы встретились с Гузарским, который ехал к Муравйову, и поэтому нам не было смысла держать Егорова, тем более, что Нар[одный] секр[етариат] уже уехал из Киева.

Когда Бош узнала о том, что мы выпустили Егорова, она была очень недовольна этим. Того же мнения были Бакинский и Затонский. О том, что отряды Егорова, узнав о его аресте, двинулись на выручку и тем обнажили фронт, мне ничего неизвестно. Сомневаюсь в том, чтобы такой факт был, наоборот, сообщаю, что когда Егоров арестовал и намеревался нас убить, то представители Конотопского и других отрядов потребовали нашего освобождения, заявив, что если кто-нибудь из армейского комитета будет арестован или пропадет без вести, то Егоров будет иметь дело с их пулеметами.

Упоминание о падении Киева в телегр[амме] Муравйова, объявляющей нас вне закона, мы объясняли, как желание свалить вину на Коцюбинского, не стоявшего ни в какой связи с оголением фронта [...] Все планы и стратегические распоряжения М[уравйо]ва нами подтверждались, чтобы не вносить дезорганизации в войска. Армейского комитета до взятия Киева не было.

Об убийстве шофера Муравйовым я слышал только от Коцюбинского. В связи с оголением фронта упомяну еще об одном случае, котор[ый] рассказывал мне Коцюбинский. Отряд украинских войск Кулика был арестован отрядом Муравйова, отправлен, кажется, в Бирзулу, где и был брошен последним ввиду приближения неприятеля. Тем временем Христиновка была занята немцами.

Отношение Муравйова к расходованию народных денег было самое бесцеремонное. У нас, в армейском к[омитет]е была уверенность в том, что он своим приближенным раздавал деньги. Контрибуции накладывал беспощадно (например, на Полтаву - 5 миллионов, на Киев - 10 миллионов, на Елизаветград - 1 миллион рублей - в общей сумме, около 30 миллионов). По рассказам, он лично взял из киевского казначейства, куда буржуазия вносила контрибуцию, 2 миллиона рублей: вложил деньги в саквояж и куда-то уехал.

Начальники, комиссары Муравйова также налагали контрибуции, только в меньшем размере - 100, 220, 300 тысяч рублей.

Я не знаю случая, чтобы Муравйов накладывал контрибуции натурой на крестьян. Начальник хоз[яйственной] части армий Муравйова Додонов платил мелким торговцам за взятый товар, а крупным давал записки со своею подписью.

В нашем отряде Первой армии Маруси Никифоровой не было. Начальником санитарного поезда был анархист Розенкампф, отличавшийся большой храбростью: бросал раненых и шел сражаться.

После взятия Киева Муравйов послал телеграмму о том, что он назначает генерал-квартирмейстра, которому все революционные организации [города] беспрекословно должны подчиняться. Эта телеграмма, которая назначала генерала, страшно возмутила всех солдат. Сам [Муравйов] себя называл полковником. Кажется, имеются телеграммы с такой его подписью.

Общее впечатление у меня от Муравйова, что это человек необычно жестокий, опаснейший авантюрист, которому ради славы и почестей безразлично кому служить, человек с большой силой воли, под прикрытием которой он может быть крайне любезен, замышляя что-либо жестокое.

Помню случай, когда он в экстазе говорил о том, как он займет Киев: “Знаете, как я буду брать Киев? Я возьму анархистов, дам им бомбы, кинжалы, они войдут в Киев ночью, будут всех

резать, все взрывать. А на утро я отдам приказ, и все заводы будут работать, весь город будет жить тихой жизнью, все будут поражены.”

Вообще у Муравйова были планы Нерона. Я никогда не видел таких людей: это был совершенно ненормальный, с ясно выраженной манией величия человек. Я ему говорил, что Киев нельзя взять без разведки, но он не обращал на это внимания.

С.Мойсеев

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.62-67. Оригінал, рукопис. Там же, арк.68-70 зв. Завірена копія, машинопис.

32. Заява члена Колегії з евакуації Півдня Росії І.Тягая у справі М.А.Муравйова

м.Москва

18 травня 1918 р.

По просьбе завед[ующего] агит[ационным] отделом НКВД т[оварища] Веселовского делаю следующее заявление о деятельности отрядов революц[ионной] армии при взятии г. Киева и его сдаче.

После взятия г. Киева вся власть фактически перешла в руки военных властей - команд[ующих] армиями т[оварищей] Муравйова и Ремнева.

Комендантом города был назначен матрос Полупанов, а охрану города взял на себя Ремнев.

Террор проводился по всей жестокости, какая только может быть. Некоторые улицы были завалены трупами убитых гайдамаков, офицеров, вильных казаков, а также и случайных прохожих. Несколько дней они оставались неубранными.

Расстреливали и невинных потому, что обыкновенно расстрелы производили пьяные матросы и солдаты армии Ремнева по приказанию пьяных начальников. Начальники штабов и коменданты менялись ежедневно и часто даже по несколько раз в сутки.

Я был свидетелем расстрела одного врача на Бессарабке, грузина, фамилию которого сейчас затрудняюсь вспомнить. Также, со слов близкого мне человека, заслуживающего вполне доверия, расстреляли на Николаевской улице и одного полковника с сыном кадетом 12 лет за то, что отец носил погоны.

Мне, состоявшему тогда членом К[иевского] шт[аба] кр[асной] гвардии приходилось быть свидетелем непрерывного пьяного разгула и бесчинств красногвардейцев отр[ядов] Ремнева, Муравйова и др. Занимались они реквизициями, арестами, расстрелами и даже обезоруживанием местной красной гвардии, которая состояла исключительно из рабочих заводов, чл[енов] партии большевиков.

Замечу еще, что ими же был создан штаб в гост[иннице] “Савой”, Крещ[атик], 38. Штаб этот занимался исключительно грабежами и пьянством. Это объясняется также и тем, что туда присылались темные элементы: уголов[ные] преступники, которых выпустили из тюрем, сыщики, охранники, гайдамаки, бывшие до этого вильными казаками. Все они старались дискредитировать в глазах населения города всю кр[асную] гвардию и советскую власть.

Издавали противоречащие друг другу неосуществимые приказы, мешая работать местному совету и рев[олюционному] комит[ету]. Появлялись в печати приказы Ремнева и др., противоречащие советским и наоборот. Благодаря этому двоевластию, вернее безвластию, работа не могла наладиться. И нужно констатировать тот факт, что совет оставил Киев за три дня до прихода немцев. Власть покинула Киев в четверг, кажется 28 февраля, а немцы вошли в город в воскресенье 1 марта.

И.Тягай

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.131-131 зв. Рукопис, оригінал. Там же, спр.17, арк.132-132 зв. Завірена копія, машинопис.

33. Свідчення народного секретаря у військових справах радянської УНР Юрія Михайловича Коцюбинського у справі М.А.Муравйова

м. Москва

18 травня 1918 р.

Первый раз встретил Муравйова под Пулковым, где он командовал красной гвардией [в боях] против казаков Керенского. Вел там он себя храбро и распорядился довольно дельно.

Первое недоразумение между ним и остальными командующими возникло в Гатчине, где ночью 2-го или 3-го ноября [1917 г.] состоялось военное совещание. После того, как от ударников к нам прибыли делегаты для переговоров с заявлением о покорности, мы послали к ним делегатом товарища Сахарова. На этом собрании все единогласно решили отменить распоряжение Муравйова бомбардировать с аэропланов ударников, и тогда же многие говорили о том, что нам с ним не по пути.

Вторично я его встретил в Харькове в конце декабря. Когда 6 января [1918 г.] он взял Полтаву, то солдатская секция полтавского совета новую власть не признала. Тогда Муравйов распорядился арестовать совет и, по словам тов[арища] Козюры, он (Козюра) был вынужден дать свою подпись на арест исполнительного комитета солдатской секции, которую арестовал Любинский.

Числа 15 или 16 января я опять встретился с Муравйовым в Бахмаче, куда прибыл из Кременчуга вместе с Лапчинским. С этого времени и до самого взятия Киева я с ним не расставался. Лапчинский был назначен политическим представителем при Муравйове. До числа 19 или 20 [января], когда я получил телеграмму на станции Березань от Народного секретариата о том, что я назначен Совнаркомом командующим всеми войсками на Украине, Муравйов не был мне подчинен, и у меня не было никаких трений с ним.

С 6 января во временном распоряжении Муравйова [находился] отряд Червонного казачества под командой Сиверса II, созданный в Харькове Украинским секретариатом.

На станции Бобровица (либо Бобрик) была обнаружена лента с разговором телеграфистки этой станции с [телеграфисткой] другой, занятой неприятелем станции о том, что она не может больше отвечать, ибо пришли большевики. Когда позвали телеграфистку и надсмотрщика за аппаратом, то Муравйов сказал, что если бы они не были маленькие люди, то он бы приказал телеграфистку изнасиловать сотне солдат, а надсмотрщика убить.

На станции Березань, когда мы сидели в чайной и пили чай, к нам привели подвыпившего человека, задержанного за какие-то разговоры на улице. Муравйов приказал его прогнать, но когда ему сказали, что этот человек грозил, что покажет

большевикам, он вскочил и крикнул: “Убить его сию минуту!” Того сейчас же и убили. При обыске в его хате оказалась ручная граната (лимонка) без капсулы.

Я и Лапчинский неоднократно указывали Муравйову на недопустимость таких, как в Бобровице, заявлений и он к этим заявлениям прислушивался, но при новых инцидентах часто опять поступал нетактично и жестоко.

Такие факты повторялись довольно часто, но всегда в таких случаях Муравйов был весьма возбужден и нервничал. Он приказал расстрелять своего воспитанника Драгомирецкого за то, что тот упустил арестованного гайдамака. Но этот приказ так и не был исполнен и Муравйов, отдавший его, более о нем не вспоминал, хотя и видел Драгомирецкого очень часто после этого.

Также он приказал бомбардировать Киев зажигательными снарядами, но этого не сделали, ибо, с одной стороны, все считали, что это один из громких приказов Муравйова, а, во-вторых, потому, что я и Лапчинский запротестовали.

В Никольской слободе 24 или 25 января [1918 г.] со штаба у Цепного моста Муравйов уехал в Дарницу. Через полчаса пришел один из его помощников, заведующий снабжением Харченко, который рассказал, что Муравйов убил шофера за то, что машина испортилась, приписывая ему умышленную порчу мотора. Кто был с

Муравйовым - не знаю, и труп шофера не видел. Было это у Цепного моста в районе войск Берзина.

По Киеву было выпущено 5-6 тысяч снарядов. Такое количество [снарядов] выпустили потому, что взять Киев штурмом было почти невозможно. Природные укрепления и хорошее вооружение противника пулеметами делали Киев неприступным.

Перед Киевом Муравйов подбадривал солдат, говоря: “В Киеве вы отдохнете, там вы снимете шкуру с буржуазии, там будет всего вдоволь”. И солдаты часто понимали это так, что им разрешают грабить.

До 17 февраля нов[ого] ст[иля] я не знал о существовании армейского комитета и никого из его членов не встречал. Числа 14 или 15 февраля из Черниговского совета ко мне поступила просьба сместить назначенного Муравйовым начальника гарнизона города и разрешить совету самим выбрать своего начальника гарнизона, ибо старый начальник не хочет считаться со сплошь большевистским советом, поит отряд водкой и хочет разоружить советский отряд, у которого уже отнял пулеметы. Я протелеграфировал, чтобы они подыскали себе начальника гарнизона, и сообщил Муравйову, чтобы он отозвал старого, указав, что [творимые последним] бесчинства нетерпимы.

Начальник гарнизона Чернигова приехал тотчас к Муравйову узнать, как быть. Но Муравйов сказал ему, чтоб он не слушал “никаких

Коцюбинских”, не исполнял моих приказов и распоряжался помимо совета как хочет. Это слышал присутствовавший в вагоне Муравйова Кулик.

Когда Муравйов приехал ко мне на заседание военной коллегии, то после нескольких посторонних слов спросил, почему я хочу сменить начальника гарнизона. Я ему объяснил, но он сказал, что начальника назначил он, что им доволен и крайне удивлен, как это он, Муравйов, мне подчинен. Я ему напомнил о телеграмме, которую он мне сам передал на станции Березань, где говорилось, что Совнарком назначает меня командующим всеми войсками, расположенными на территории Украины. Тогда Муравйов заявил, что он из этого числа исключает свои войска, где он полный хозяин. Я сказал, что несколько дней тому назад не было об этом разговора, и что он сам тогда думал, что он мне подчинен. Муравйов пожал плечами и вышел.

В этот же вечер на заседании Народного секретариата было кем-то заявлено, что Муравйов готовит приказ по киевскому гарнизону о том, чтобы меня войска не слушались, ибо они в большинстве пришли с ним и ему подчинены. Решили вызвать Муравйова.

Он приехал и на заданный вопрос, издал ли он такой приказ, ответил, что не издал, но что приготовил к печати. Тогда Скрыпник от имени Народного секретариата заявил, что если бы такой

приказ появился в печати, то мы бы его рассматривали как призыв к измене и велели бы его, Муравйова, расстрелять.

Растерявшийся Муравйов уехал, дав обещание не выпускать этого приказа, но с этого дня наши отношения с ним стали довольно натянутыми.

До отъезда Муравйова в Одессу я его еще видел всего один раз. Кузьмин никакой должности при Муравйове не занимал и насколько я знаю - не имеет никакого отношения к делу Муравйова.

Когда Народный секретариат узнал о желании Муравйова ехать в Одессу командующим войсками Румчерода, то решил послать телеграмму в Совнарком с предостережением. Эта телеграмма была передана Сталину по прямому проводу одним из народных секретарей. Народный секретариат высказался против кандидатуры Муравйова из-за его политической невоспитанности и нетактичности, а также из-за его неумения удерживать войска от грабежей и беспорядков.

В Совнарком мы (нар[одные] секр[етари]), насколько я помню, телеграммы с заявлением о переходе Первой армии к Народному секретариату не делали.

Перед тем как я увидел Мойсеева он был у Бош, которая мне советовала обратить усиленное внимание на Мойсеева, как на представителя Первой армии, который не хочет подчиняться Муравйову и будет работать вместе с нами. Тогда я

Мойсеева увидел в первый раз. Мы его считали представителем армейского комитета Первой армии и считались с ним как с представителем комитета.

Телеграмму от 24 февраля армейскому комитету Первой армии считаю своею. Но совершенно не помню, чтобы нами была послана телеграмма в Совнарком о переходе Первой армии в распоряжение Секретариата и о получении утвердительного ответа. Народный секретариат предлагал армейскому комитету перевести войска к Фастову, считая, что вся армия поддерживает комитет. Но когда на съезд в Фастов приехала от Первой армии Никифорова и сказала, что в Елизаветграде всего 125 человек, то мы перестали на них рассчитывать как на реальную силу. Никифорова, явившись на съезд, заявила, что она приехала от Первой армии, а не от комитета, ибо комитет еще не утвержден.

Мне известно о том, что Муравйов послал несколько телеграмм об измене секретариата, о моей измене в частности. Я видел только одну, которую и представляю.

Ю. Коцюбинский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.74-78 зв. Оригінал, рукопис. Там же, арк.79-80 зв. Завірена копія, машинопис.

34. Свідчення головнокомандувача військ по боротьбі з контрреволюцією на півдні Росії Володимира Олександровича Овсієнка (Антонова) у справі М.А.Муравйова

м. Москва

19 травня 1918 р.

Впервые встретился я с Муравйовым во второй половине октября 1917 г. в издательстве “Правда”, куда он приходил для переговоров с т. Свердловым. Последний нас познакомил, но мне не довелось тогда обменяться и двумя словами с Муравйовым. Впоследствии (почти тотчас же) [Свердлов] сообщил мне, что этот полковник предлагает свои услуги по организации восстания, но что он не внушает доверия, поэтому приходится держаться от него в стороне.

Несколько позже т. Свердлов сообщил мне, что Муравйов выражал недоверие в наши силы и пророчил неудачу восстания, ибо противник куда сильнее и организованнее нас. Непосредственного участия в Октябрьском перевороте Муравйов, благодаря такому отношению к нему т. Свердлова, не принимал.

Его назначение (взамен т. Подвойского) на должность [командующего] Петрогр[адским] военным округом было для меня полной неожиданностью. Состоялось это назначение после первых успехов казаков Керенского у Гатчины и Царского Села, когда Петрограду непосредственно

угрожала опасность (фронт у Московской заставы был одно время совершенно обнажен).

Назначение [Муравйова] состоялось без ведома т. Подвойского и исходило лично от Ленина и Троцкого.

Т.Муравйов повел дело довольно энергично, сразу постаравшись вовлечь в дело обороны Петрограда весь его гарнизон. Появляясь всюду, он подавал личный пример храбрости. Его отличительной чертой в организации защиты Петроградского военного округа было стремление использовать наличный военный аппарат, заставив офицерство служить новым целям.

Обращения его к частям с приказами проходили всегда по команде (в противоречие с практиковавшимся при т. Подвойском обращениям через комиссаров) и ему удалось заставить офицеров работать, восстановить аппарат окружного штаба и пустить его в ход.

В качестве главнокомандующего округом (главнокомандующим он именовал себя по собственной воле) он издавал и обязательные приказы по Петрограду. Его первый приказ, в котором он угрожал крайними мерами (до расстрела) за самовольные обыски и т.д. привел к конфликту с военно-рев[олюционн]ым ком[итетом], отменившим этот приказ.

В разгар своей работы, которая привела к восстановлению деятельности всех учреждений военного ведомства в Петрограде, Муравйов был

отстранен [от своей должности] и вместо него был назначен я.

После этого в кругах ВЦИК и у тт. Ленина и Троцкого по отношению к Муравйову установилось резко отрицательное отношение, как к человеку излишне говорливому и со стремлениями к диктаторству, а также как к военному, стремящемуся восстановить не только прежний аппарат военных учреждений, что, впрочем, представлялось всем нам необходимым как предварительное условие для реорганизации этого аппарата, но восстановить и прежние отношения воинской субординации (Муравйов грубовато обращался с подчиненными и любил поддерживать усердных наградами и т.д.).

Уезжая на юг 9 декабря [1917 г.] по поручению Совета наркомов для организации борьбы против киевской Рады и корниловщины, я взял Муравйова с собою в качестве начальника штаба. На мое заявление об этом т. Ленин заметил: “Берёте на Вашу ответственность”.

В Москве от т. Муралова мы заручились блестящими обещаниями, причем тут же у Муралова был разработан общий план продвижения воинских частей на южный фронт и план кампании против корниловцев.

По приезду 12 дек[абря] в Харьков мы застали (как и по дороге к Харькову) положение далеко не столь радужное, как оно рисовалось в кабинете у Муралова. Необходимость немедленной

мобилизации всех сил побудила меня отправить Муравйова в Москву для организации вспомогательных нам отрядов. В Москве Муравйов пробыл около недели, и результаты его работы сказались вскоре отправкой на юг ряда отрядов (об этом говорилось в моем письме, отправленном в конце декабря в Совнарком).

В самом Харькове при содействии Муравйова мне удалось прекратить самовольные реквизиции, обыски и аресты (реквизиции стали проводиться через местные ВРК) и только через них проводились обыски и аресты (с ведома этих комитетов).

Прибывающие отряды, как и местные, оказывались в большей степени весьма недисциплинированными, отказывались идти на фронт, пьянствовали и грабили. Муравйов проявил неукротимую энергию при воздействии на эти отряды - приказами, убеждением в святости дела революции, прямыми угрозами. Но ни разу угрозы расстрелом (такие были частыми) не были проведены им в действие в ту пору. Части, в конце концов, из Харькова выходили, но многие из них бежали с дороги и с фронта и бывали нами под угрозой пулеметов разоружены.

Ни одного приказа к частям без моего ведома Муравйов в ту пору не издавал, и ни разу не обращался к солдатам с указанием на допустимость грабежей.

Снабжение частей производилось при содействии местного интендантства и, главным образом, через специальный аппарат, созданный моим комиссаром Кудинским в Брянске.

В конце декабря, одновременно с нападением гайдамаков на красногвардейцев в Екатеринославе, нами было произведено разоружение гайдамацких полков в Харькове. Муравйов со мною вел подкрепление к нашим частям, разоружившим гайдамаков, и проявил при этом полное самообладание, храбрость.

В начале января [1918 г.] мною было решено начать общее наступление против киевской Центральной Рады. Неоднократные уговоры со стороны Полтавского совдепа и ЦИК Советов Украины о наступлении на Полтаву ранее мною (Муравйов был вполне солидарен) отклонялись ввиду общих условий, а также ввиду отсутствия у советской украинской власти каких-либо украинских войск. После разоружения гайдамацких полков в Харькове нам удалось наладить первый полк “красного казачества”, который и был головным отрядом в частях, направленных мною 6 января на Полтаву [...]

Муравйов по своему почину назначил командира этого полка, начальников всех эшелонов, двинутых из Харькова к Полтаве (этим он думал подчеркнуть украинский характер наступления). Сам Муравйов был назначен командующим всеми частями, действующими

против Полтавы (части были двинуты нами и от Лозовой).

После взятия Полтавы выяснилась возможность общего наступления к Киеву и одновременно положение на каледином фронте так сложилось, что стал необходимым мой отъезд туда для согласования на месте действий различных армий (Сиверса и Саблина).

Тов. Скрыпнику как председателю ЦИК совдепов Украины в своем письме я в ту пору заявил, что назначаю Муравйова главнокомандующим войсками Левобережной Украины и что всякую ответственность за политические выступления его с себя снимаю. Я настаивал на том, чтобы Муравйова к этим выступлениям не допускали и приставили к нему ответственных политических руководителей.

Муравйов присылал затем мне изредка сообщения, и я давал ему указания общего военного характера, совершенно не будучи осведомленным о подробностях его действий и его выступлениях. Мне было ясно, что политические выступления Муравйова могут вредить престижу советской власти, так как это человек политически почти невежественный, самохвал, и сверх того - централист по своим убеждениям - враждебный идее независимой Украины.

Отправляясь с войсками на Киев, Муравйов был непосредственно подчинен мне. Но очень скоро он проявил стремление обходить меня в

своих докладах, телеграммах, адресуя их прямо в Петроград Совнаркому.

После взятия Киева получился полный хаос в командовании. Телеграммы, особенно в Киеве, подписывались десятками имен, и я потерял всякое представление о том, в каком положении там командование.

Помню, что получал жалобы Муравйова на страшную распущенность его армий, на полный в них развал, жалобы на украинскую советскую власть, не признающую его войска равноправными украинским, третирующую эти войска. Я указывал в ответах Муравйову на необходимость строгой согласованности его действий с действиями советской власти на Украине (в телеграммах нельзя было точнее указать на необходимость избежать указаний на великорусский характер наших войск).

Получал ли в ту пору телеграммы с жалобами от советской украинской власти на действия Муравйова - не помню. Во всяком случае, политическую ответственность я с себя снял заранее, а в военном отношении лишить Муравйова командования я не мог, не рискуя погубить все дело. Не мог и передать его в подчинение другому главнокомандующему, не видя ни одной сколько-нибудь даровитой военной величины в указанном секретариате.

В полной солидарности со мною Муравйов полагал, что является совершенно недопустимым создание командования через выборные армейские

комитеты. Все начальники армий назначались обычно мною или утверждались назначениями Муравйова (так, Егоров, Берзин были утверждены мною по указанию Муравйова, о Ремневе я ничего не слышал в ту пору).

Телеграммы, приходившие с киевского фронта со всех сторон, дышали оптимизмом, рисуя военную обстановку. [Вместе с тем] все более обострялись отношения Муравйова [с Народным секретариатом] на почве отношения первого к украинскому сепаратизму. В то же время создалось тревожное положение на Румынском фронте, по направлению к Одессе. Муравйов стал проситься на фронт в непосредственное подчинение Верховного командования по русско-румынским делам и просил моей рекомендации перед Совнаркомом.

К этому времени пришла еще его телеграмма о самовольном оставлении Киева даже наиболее надежной его частью - отрядом петроградских красногвардейцев. Я и рекомендовал перевод Муравйова на Румынский фронт, куда он был назначен распоряжением Совнаркома. Признать Муравйова ответственным за последовавшее падение Киева не могу.

Боеспособных частей в его распоряжении в ту пору в Киеве) почти совершенно не было. Киев прикрывался частями войск Юго-Западного фронта и чехословаками, независимыми в командовании от местных военных властей. Украинские советские части, организуемые Народным

секр[етариатом] в Киеве, оставались, но под командой Муравйова они не состояли.

Ответственность за сдачу Киева почти без боя, за паническое бегство из него падает целиком на Народный секр[етариат] Украины. Впоследствии мне доводилось получать от Муравйова телеграммы с Румынского фронта, которые он адресовал “всем, всем, всем” и в которых обвинял [в поражениях советских войск] Нар[одный] секр[етариат] Украины и одесскую советс[кую] власть. Я указывал ему телеграфно, что, по-моему, таких телеграмм посылать не следует.

При свидании в марте [1918 г.] в Харькове Муравйов сообщил мне, что человек, выпустивший от его имени одну из подобных телеграмм (в которой говорилось о Коцюбинском как о предателе), был им за этот провокационный поступок расстрелян.

В. Антонов-Овсеенко

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.81-96. Оригінал, рукопис. Там же, арк.87-89. Завірена копія, машинопис.

**35. Свідчення народного секретаря освіти
радянської УНР Володимира Петровича
Затонського у справі М.А.Муравйова**

м.Москва

20 травня 1918 р.

Первый раз я видел Муравйова в Харькове в конце декабря [1917 г.]. Произвел он на меня странное впечатление. Говорил, что революция потому проходил так слабо, что мало крови. “Чем больше крови, тем лучше”, - [говорил он]. Это было на митинге в одном советском здании. Мне показался он сумасшедшим. Он выступал как главнокомандующий фронтом. На этом митинге были Е.Б.Бош, Васильченко, Артем (Сергеев). Председателем митинга был Жаков и он Муравйова не остановил. Все только переглянулись и пожали плечами. Никто не возразил на его речь, обошли ее молчанием.

Потом я виделся с ним в Киеве 30 января [1918 г.] уже после взятия Киева. Видел я его в поезде. В вагоне Муравйова никакой женщины не было. Внешне штаб его производил приличный вид. Мы приехали из Харькова с Бакинским и посетили Муравйова. Скрипник был еще в Харькове, Лапчинский был в Киеве. Бош приехала с нами, но не заходила к Муравйову. Последний рассказал, что Киев взят, рассказал некоторые эпизоды. Он сказал, что намерен и дальше идти разбивать контрреволюцию не только на Украине,

но и в Австрии, Германии и т.д. Говорил, что нигде не потерпит контрреволюции. Потом мы ушли, узнав, где Лапчинский и Ауссем.

Затем я его видел дня через 2-3 на заседании исполнительного комитета Всеукраинского совета р[абочих] и с[елянских] депутатов. Он произносил там странную речь о том, что рассчитывает из Киева двинуться на Берлин и Вену. Он произвел на нас впечатление неуравновешенного человека. Другие выступали с приветствиями ему. Видно было, что он вообще не разбирается в политических вопросах, не разбирается ни в эсерстве, ни в эсдекстве.

К украинскому народу он относился с пренебрежением. Были в его словах централистические тенденции. Он и его солдаты относились к Киеву как к завоеванному краю. В Киеве творились ужасы. Находили у людей билеты, написанные на украинском языке, и расстреливали их. На этой почве у Украинского секретариата возникли трения с Муравйовым. Это было в начале февраля [1918 г.]. Просили унять разбушевавшихся солдат ввиду того, что военно-революционный комитет не имел на них влияния, т.к. отряды Муравйова считали себя великорусскими войсками.

Были у нас отряды червоного казачества под командой Примакова, которые и охраняли Киев от банд Муравйова. На этой почве и происходили с ним столкновения. Муравйов всячески поддерживал свои войска. В Киеве

находился штаб Ремнева, который очень буйствовал. Армия Егорова была лучше.

Мы считали неудобным принимать меры против Муравйова, т.к. считали это политическим скандалом. Я даже обращался в Петроград к Сталину с просьбой отозвать Муравйова за то, что были грабежи, за то, что он показывал явно, что Украина завоевывается именно великорусскими войсками, за то, что окружал себя бандитами - телохранителями. Были люди, знавшие этих бандитов, грабителей. Эти последние были совершенно несознательными, и могли в один прекрасный день пойти против советской власти. Эти, так сказать, янычары всюду ходили за Муравйовым, ездили с ним в автомобиле. Это была, видимо, специальная часть.

Я утверждаю, что расстрелы и грабежи проводились муравйовскими отрядами, но сам не видел ни одного случая. Трения происходили главным образом между штабом Ремнева и лицами, которые были назначены Народным секретариатом - напр[имер], командиром украинского казачества Примаковым, гражданским комиссаром Чудновским, комендантом города. От жителей Киева поступали жалобы народному секретарю по внутренним делам тов. Бош на Муравйова. Обращались ли потерпевшие от шаек Муравйова к Народному секретариату - не знаю.

Нам стало известно (каким образом не знаю, от тов. Бош или Коцюбинского), что Муравйов

собирается издать заготовленный приказ о том, чтобы распоряжения Коцюбинского, а может быть и нас всех секретарей - не исполнялись.

Мы вызвали Муравйова, который явился около часа. Скрыпник заявил ему от имени секретариата, что если приказ будет опубликован, то Народный секретариат его арестует. Муравйов ответил как-то невнятно, возражал неудачно, заявил, что уйдет из Киева сам и уведет свою армию. Он ушел в мирном настроении, сказал, что это недоразумение.

Это было около 10 февраля [1918 г.]. Позже к нам явился от комитета Первой армии Мойсеев и вместе с ним Лapidус, а также кто-то третий (кто именно не помню). Они обратились к Е.Б.Бош с заявлением, что Муравйов организует из военнопленных отряды, в которые принимает людей, не имеющих ничего общего с социализмом и [что проводится это] вопреки указаниям социалистических комитетов военнопленных. Они также высказали опасения, что фактически проводится набор вооруженных отрядов, на которые Муравйов мог бы опереться в случае столкновения с советской властью.

Удостоверяю, что армейский комитет Первой армии уже тогда существовал, потому что Мойсеев, Лapidус и третий тов. заявили нам, что являются представителями оногo. Как он организовался, при каких условиях, и по каким причинам - не знаю. Мне было известно о

столкновениях между армейским комитетом и Муравйовым, собственно больше с Егоровым.

Армейскому к[омите]ту я не предлагал арестовывать Муравйова. Предлагал ли кто-нибудь из товарищей Армейскому комитету взять на себя командование Первой революционной армией - не знаю. Я только разговаривал по телефону с Петроградом [о необходимости отозвания Муравйова с Украины]. Обращался ли к Антонову по поводу Муравйова Украинский секретариат - не знаю. Е.Бош ходила в какое-то учреждение, называвшееся, кажется, военно-революционным комитетом, где находилось представительство военного секретариата и секретариата внутренних дел. Сферы действий военно-революционного комитета, комиссариата внутренних дел и Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] были определены, но в каком контакте они находились - не знаю. Конфликтов между ними, насколько мне известно, не было.

Создавалось впечатление, что Киев занят чужеземными завоевателями. Такое впечатление было у всего населения.

Нар[одный] секр[етарь] по внутренним делам Е.Бош во всех делах управления сносилась с народным секретарем по военным делам Коцюбинским. Таким образом, они могли смещать и назначать должностных лиц, командующих армиями и т.д.

Я передавал Совнаркому, что Украинский секр[етариат] не рекомендует назначать М[уравйо]ва на Румынский фронт, но тем не менее его назначили. Мы считали, что М[уравйо]в развращает армию, он определенно казался ненадежным человеком - личностью, способной изменить советской власти в случае, если она будет чувствовать себя непрочно. М[уравйо]в уехал из К[иева] демонстративно в середине февраля. 15 февр[аля] Киеву угрожала опасность со стороны Житомира от Украинской Рады. Нар[одный] секр[етариат] как будто указал М[уравйо]ву [на необходимость] двинуть отряды на Ковель. Последний пробовал [это сделать], но отряды не двинулись потому, что из Киева им выходить не хотелось.

Это только мое впечатление. Когда мы узнали, что немцы наступают, М[уравйо]ва в Киеве уже не было.

Нашей опорой в борьбе против Рады были отряды Примакова, киевские рабочие и армия Павлова, находившаяся в Бердичеве.

При каких условиях был сдан Киев - я не знаю, т.к. в это время был уже в Петрограде. О телеграмме М[уравйо]ва, в которой он объявлял Коцюбинского и весь Украинский секретариат изменниками и виновниками сдачи Киева, я узнал только в Полтаве.

Когда я приехал в Таганрог числа 25 марта, то военный комиссар города на основании этой

телеграммы в момент приезда Украинского секретариата прислал арестовать Коцюбинского. Мы, однако, запротестовали и показали ему газету, где было помещено опровержение Муравйова, и на этом основании арест не состоялся. Все это было также выяснено в ходе переговоров по телеграфу военного комиссара с Антоновым.

В конце марта, в 20-х числах, Муравйов был назначен начальником штаба Антонова, но затем быстро устранен.

В.Затонский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.93-96. Оригінал, рукопис. Там же, арк.97-98. Завірена копія, машинопис.

36. Свідчення командира полку Червоного козацтва Віталія Марковича Примакова у справі М.А.Муравйова

м.Москва

20 травня 1918 р.

С Муравйовым я встретился в Харькове в ставке Антонова в декабре [1917 г.] на Рождество. Муравьев производил на меня впечатление любителя крайних мер. Медведев, который был, кажется, начальником штаба и вообще близким лицом к Муравйову, все время его одергивал,

настойчиво советовал изменять некоторые распоряжения, и Муравйов их изменял.

В 20-х числах декабря [1917 г.] я работал в Харькове в Военно-революционном секретариате с Е.Б.Бош и тов. Шахраем. При мне приехал тов. Коцюбинский, который заместил Шахрая. Мне 21 год, в 7 классе гимназии в 1915 г. [я был] арестован и выслан в ссылку на поселение за агитацию против войны.

[В конце декабря 1917 г.], организовав 1-й курень червонного казачества, я отправился с ним в Полтаву под предводительством Муравйова. При взятии Полтавы в плен не брали. Я шел в авангарде.

После взятия Полтавы организовал кавалерийскую сотню и пулеметную команду для дальнейшей борьбы и похода на Киев. В Полтаве расстрелы Муравйова вызвали оппозицию со стороны местного совета: выступало 12 человек против него. Один из Поалей-Цион сказал в речи, что имя этого Муравйова напоминает имя другого Муравйова - вешателя. Когда Муравйов узнал об этих словах, он был взбешен до последней степени.

Раз со мной произошел такой случай. Я явился к Муравйову с докладом об организации 1-го полка Червонного казачества. Он спросил, почему я не несу караульной службы в Полтаве. Я ответил, что это не мое дело. Тогда он крикнул: "Как ты смеешь возражать?!" Я ответил: "Потише, Муравйов". Тогда он схватил меня за горло и начал

отстегивать правой рукой браунинг. Вмешался Егоров, который схватил Муравйова за руку и отвел от меня. Тогда он крикнул: “Арестовать его, отвести в арестантский вагон!”

Тов. Литвин взял у меня шашку и повел в арестантский вагон. Не успел он меня вывести из салона вагона, как Муравйов крикнул: “Вернись!” Я вернулся, и он спросил, почему я отказываюсь нести службу в городе. Я ответил, что это дело коменданта города, а не мое. Тогда он начал извиняться, вернул мне оружие, стал целовать и отпустил.

При наступлении на Киев я шел в отряде Ремнева. У меня была самостоятельная боевая задача - взять Пост-Волынский по приказу, подписанному Егоровым и Карповым. Я шел через Куреневку на Пост-Волынский. Затем мы навели панику в школе прапорщиков, зайдя в тыл с Куреневки. Перейдя по льду с кавалерией возле Межгорья, я занял сразу весь мост. Я посылал донесения о том, что мост в наших руках, и корректировал стрельбу артиллерии отряда Ремнева. Один раз я поехал с донесением на Цепной мост, где встретился с Муравйовым. Как взят был вокзал - не знаю. Я [с отрядом] расположился вначале на Подоле, затем в Михайловском монастыре. На Подоле мне пришлось бороться с жуликами, с уголовными.

Арестованных мы отправляли во дворец к Муравйову. Много было жуликов и грабителей,

которые надевали шинели солдат и называли себя красногвардейцами. Мои казаки ловили шпану, среди которой попадались и красногвардейцы из отряда Ремнева и других отрядов. Главным образом крала шпана уголовная.

Во дворце расстреливали шпану, но больше гайдамаков и вильных казаков. Раз я приехал во дворец и увидел на площади 12 трупов, которые не убирали. Муравйов велел не убирать их “на страх врагам”.

Военно-революционный комитет состоял из Иванова, Сивцова, Цимберга, Майорова и пр. - всего 7 чел., но комитет никакого значения не имел. Говорили, что все расстрелы производились по приказу Муравйова.

Упомяну еще, что среди этих 12 трупов находился и труп левого эсера, двоюродного брата левой эсерки Гужовской. Говорили, что были расстреляны и большевики. Впрочем, было очень много провокаторов, провокация была страшная.

Провокаторы стреляли в Е.Бош из револьвера. В меня бросили бомбу на Подоле. В штабном вагоне Муравйова я видел сестер милосердия. В вагоне Муравйова бывали также пьяные красногвардейцы. Тоже было и в других штабах. Я боролся с погромами. Однажды в автомобиле перевозили вино, я арестовал автомобиль и спросил, куда направляется вино. Мне отвечали: “В штаб, Крещатик, 38”. Там находился штаб Ремнева.

В Киеве были грабежи, совершенные ворами-рецидивистами. Крали все - чулки, туфли, кольца, драгоценности. Когда я отправлял грабителей-красногвардейцев в Лукьяновскую тюрьму, где находилась следственная комиссия, то там опознавали в них уголовных преступников.

Когда Муравйов уходил со своими отрядами я считал, что войск в Киеве совсем недостаточно для того, чтобы удерживать город. Во-первых, существовала опасность со стороны гайдамаков, во-вторых, со стороны Центральной Рады, в третьих - от погромов и грабежей.

Увод войск Муравйова был ошибкой. Хотя отряды и разложились сильно, но все же они были хорошей опорой. Против ухода самого Муравйова я ничего не имел. Если бы остались в Киеве московские и петроградские красногвардейцы без него, то можно было бы поручить организацию войск товарищам Коцюбинскому и Киквидзе, которые в это время находились в Киеве, а также товарищам Стогнию (коменданту города) и Мищенко (начальнику 4-го куреня червонного казачества).

Дельных работников было мало. [Вообще же мы не могли] разобрать, кто командовал - Муравйов, Ремнев или еще третий кто-то.

Между Коцюбинским и Муравйовым борьбы не было, хотя заметна была со стороны Коцюбинского оппозиция. Между Чудновским и Муравйовым была борьба.

Руководил отступлением украинцев из Киева Павлов. Он наговорил много панических слов, был чрезвычайно нервный.

В обсуждении вопроса о борьбе после сдачи Киева участвовал я, Богдановна, Павлов, Чудновский и Коцюбинский. Сопровождающие были в вагоне в Дарнице. Павлов говорил, что его отряды разложились, что сопротивление напрасно. Тогда решено было уехать в Полтаву. Это было накануне вступления немцев. В Дарнице для обороны линии Днепра остался я и Чудновский, Коцюбинский оставался с нами, но в обороне активного участия не принимал. Мы взорвали железнодорожный мост, для взрыва других мостов не было пироксилина.

Наш отряд состоял всего из 300 чел. Мы отступили из Киева после утреннего боя на ст. Борисполь. Муравйова с его отрядом я не видел. Я был занят работой в монастыре, т.к. я был с 21 февраля комиссаром по борьбе с контрреволюцией. Отъезда Муравйова я не видел. Назвать Муравйова контрреволюционером я не могу, хотя он действовал не так, как должен действовать честный революционер.

Другое дело Ремнев, в действиях которого было очень много темного. Все контрибуции с Полтавы, Киева и пр. поступали в кассу Муравйова. Беленкович был ставленником Муравйова, начальником тыла, передавал при мне распоряжения, чтобы контрибуции посылали ему,

Беленковичу, в кассу. Беленкович говорил при мне то тому, то другому буржуа: “Изволь нести деньги завтра. Не принесешь деньги, тогда я тебя...”

Впечатление у меня от Муравйова как о человеке с чрезвычайной нервностью, кровожадностью - в общем, как от человека неуравновешенного, ненормального. При мне собственноручно он никого не убивал и не отдавал распоряжений к расстрелу. Хотя я знал, что вообще посылать к Муравйову - означало посылать на расстрел.

В.Примаков

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.99-102. Оригінал, рукопис. Там же, арк.103-104. Завірена копія, машинопис.

37. Лист голови Реввійськради РСФРР Льва Давидовича Троцького до Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення з відповідями на питання у справі М.А.Муравйова

м. Москва

20 травня 1918 р.

В ответ на поставленные мне вопросы могу сообщить нижеследующее. Муравйову дан был мандат в качестве командующего в Закавказье с тем, что этот мандат вступает в законную силу

лишь с момента назначения комиссара. Я считал, имея в виду особенный характер Муравйова, что в качестве комиссара нужно назначить человека большой энергии и весьма выдержанного. Такой комиссар не подыскивался. Тем временем Муравйов не только начал предпринимать ряд шагов в качестве главнокомандующего, но в самой грубой форме поставил мне нечто вроде письменного ультиматума - вопрос о своем назначении. Так как с этим совпали возражения некоторых товарищей против назначения Муравйова, хотя никто не приводил никаких точных данных, порочащих его, но я счел более целесообразным аннулировать выданный ему условно мандат. Никаких денежных сумм я Муравйову не выдавал и, насколько знаю, никаких сумм через Комиссариат он после своего условного назначения на Кавказ вообще не получал.

Л.Троцкий

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.131. Оригінал, машинопис.

38. Спогади поручика 79-го Куринського полка Вячеслава Яковича Аросєва про здобуття радянськими військами Києва у січні 1918 р.

м. Москва

21 травня 1918 р.

В Києве [до взяття его советскими войсками] было очень много войска, патрули были расставлены по всем углам города. Артиллерии было очень много. Все площади – Софиевская, Бессарабская и др. были уставлены орудиями. Лысая гора, где стояло войско с пулеметами, являлась наиболее надежным пунктом обороны.

Взятие [Киева] началось с ружейной стрельбы из Арсенала, занятого местными большевиками. Потом восстание местных большевиков было ликвидировано, причем ликвидация этого восстания сопровождалась большими зверствами украинских войск: были случаи, когда солдатами украинских частей закалывались рабочие, сдавшиеся [в плен] в Арсенале и в штабе большевиков на Подоле. Рассказывали, что, разыскивая некоторых руководителей из среды рабочих, гайдамаки, не находя их в семьях, вырезали семьи рабочих, производя ужасную расправу над женщинами и детьми. По Московской улице после ликвидации [большевистского восстания] около суток лежало несколько трупов рабочих.

Наступление советских войск на Киев началось извне, и подавленная было всеобщая забастовка рабочих, снова вспыхнула, рабочие снова подняли восстание на Подоле. Одновременно с этим украинская артиллерия начала обстрел советских войск, прибывающих к вокзалу. Через сутки после боя в Киеве стало известно о том, что артиллерия советских войск обложила весь город и предъявила ультимативные требования Украинской [Центральной] Раде сдаться через 48 часов. Но большевистская артиллерия начала действовать раньше [истечения] этого срока.

До первого восстания большевиков Укр[аинская Центральная] Рада объявила приказом о том, что все офицеры не украинцы, не желающие записаться в “вильное казачество”, обязаны покинуть пределы Украины в трехдневный срок. Это побудило очень многих (в большинстве молодых и неопытных), не имевших возможности выехать из Киева, вступить в ряды “вильного казачества”. Когда вступили в Киев советские войска, то, как передают, ими были найдены списки вступивших в “вильное казачество”, в числе которых были офицеры.

Я лежал в 20-м хирургическом отделении киевского военного госпиталя. На третий или на четвертый день после [начала] обстрела Киева [советскими войсками] в здании нашего госпиталя начали ложиться снаряды, на шрапнель и на удар. В 1-е хирургическое отделение госпиталя попал

снаряд советской артиллерии и пробил водопроводную трубу, затопив одну из палат этого отделения.

В нашем отделении большинство офицеров, не выдержав артиллерийского обстрела, ютились трое суток в водокачке, в подвале. Некоторые, имевшие знакомых, как я, спасались у них, проходя под беспорядочным обстрелом всего города советской артиллерией.

На утро после трехдневного пребывания у знакомых, которые жили на Чеховском пер[еулке], нам сообщили, что в ночь на 26 [января] гор[од] Киев взят советскими войсками и на улицах [выставлены] советские патрули.

Я, привыкший к госпитальным удобствам, не видя никакой опасности впереди, решил вернуться [в госпиталь] – по дороге я разговаривал с советскими патрулями. На углу Крещатика и Фундуклеевской ул[иц] шестеро солдат, безусловно в нетрезвом виде, вооруженные винтовками, имея по несколько ручных гранат за поясом, остановили меня для проверки документов. Я предъявил офицерские госпитальные документы. Тут же подъехал солдат на коне, который сообщил патрулям, что самосуды на улицах приказано прекратить.

Меня повели как арестованного во дворец. Не доходя до дворца, на моих глазах было произведено несколько самосудов. Меня поместили во дворце в одной из комнат

арестованных офицеров. Установив мою непричастность к украинским войскам, меня освободили и снабдили документом, давшим право на жительство в Киеве.

Освобождение из-под ареста носило, в большинстве, случайный характер. Со мною вместе были освобождены 16 товарищей. Что же касается взятия Киева, мы, офицеры госпиталя, были поражены тем успехом, с которым был взят гор[од] Киев.

Убийства и расстрелы производились над совершенно невинными людьми вследствие того, что все причастные к украинским войскам, хотя и поспешно, но все же покинули гор[од] Киев. Озверение советских войск обуславливалось, с моей точки зрения тем, что они, придя в Киев, увидели еще неостывшие и обезображенные гайдамаками трупы рабочих.

В.Аросев

*ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.118-118 зв. Завірена
копія, машинопис.*

39. Свідчення члена політичного відділу Першої революційної армії Наталії Олексіївни Лісовської у справі М.А.Муравйова

м. Москва

22 травня 1918 р.

В конце декабря [1917 г.] я была в Полтаве, где работала в совете по продовольственному делу. Тогда наркомом по продовольствию был тов. Яковлев, знают меня гг. Шахрай, Дробнис, но лучше всего я знала Яковлева и еще т. Антонину Ропсман - бывш[ий] народн[ый] комис[сар] в Полтаве.

В июне 1917 г. [...] в Москве я была записана в партию эсеров [...], но поскольку меня не удовлетворяла политика правых эсеров, то я решила у них не работать. С июля меня стала привлекать партия б[ольшевико]в, и я стала симпатизировать этому движению. Теперь пока я не состою членом ни одной партии, но хочу примкнуть к большевикам.

Впервые я увидела Муравйова в Полтаве после ее занятия. 7 января [1918 г.] в зале музыкального училища на собрании совета (хотя это могло быть и на митинге) он говорил речь. Запомнилось мне [...], что называл он себя левым эсером и говорил приблизительно следующее: "Предстоит беспощадная борьба с теми, кто социалист лишь по названию". Правые социалисты

приняли это на свой счет и связали это с его словами о гильотине.

Речь его произвела гнетущее впечатление на все население Полтавы, которое в большинстве своем от предводителя советских войск ожидало не кровавых угроз, а активной дружеской поддержки в борьбе с пьянствовавшими и хулиганствующими гайдамацкими шайками.

Речь Муравйова произвела на меня неудовлетворительное впечатление. Поведение помощников М[уравйо]ва и сама его речь вызывали у меня сомнение в чистоте организации этих отрядов. Тем не менее, я решила всем, чем могу помочь советским отрядам, о чем и заявила Любинскому.

Первый раз я видела Любинского в первую ночь после вступления отрядов М[уравйов]а в Полтаву. Он дал мне револьвер: поскольку оружия было много, то он, по-видимому, и раздавал его сотрудникам. Армейским начальникам казалось, что дать револьвер - значит, оказать особое почтение. Вероятно, он мне доверял, потому и дал револьвер. Когда же оказалось, что оружия мало, то у меня револьвер взяли обратно.

Я решила работать в отрядах М[уравйов]а, считая, что могу принести пользу. Независимо от Любинского также и б[ольшевик] Илья (Мойсеев) набирал сотрудников в отряды - "просто грамотных ораторов, организаторов" и т.д. Он обратился к Ропсман, которая и предложила [взять

на работу] меня. Я согласилась и стала работать. Догнала Мойсеева в Миргороде, где он пристроил меня в канцелярию штаба Первой армии Егорова, помощницей Терентьева.

Наступление на Киев продолжалось, мы продвигались за армией. До Киева работы у меня не было, я немного помогала канцелярии по распределению лошадей, а еще иногда проводила информационные собрания среди населения деревень: мы задерживались в пути и раздавали литературу.

За время нашего продвижения в Киев выяснилась картина состояния всех войск: в штабах царил пьянство, в войска вносился раскол, не было и признака армейских организаций, что вселяло в армию растерянность и неопределенность.

Отсутствовало определенное жалование: матросам платили по 400 руб., московским красногвардейцам - по 200 р., регулярным войскам хотели однажды заплатить по 20 р. После взятия Киева оплата жалования была назначена вначале наградой за взятие Киева, но после протеста Сибирского полка, не хотевшего взять по 20 руб., всем было выдано по 100 руб. в счет жалования, а не как награда.

Тов. Мойсеев рассказывал, что видел своими глазами, как взятых в плен гайдамаков на ст. Круты расстреливали. Взятые они были в плен начальником Московского отряда Бабенко - очень

храбрым человеком. Он также рассказывал, что поймал и расстрелял [гайдамаков], хотя точно об этом не знаю.

Вообще в отрядах царило пьянство. Чтобы был открытый разврат - не скажу, хотя об этом говорили. О некоторых сестрах и начальниках отрядов рассказывали всякие интимные вещи. У М[уравйо]ва в вагоне была секретарша, которая жила в вагоне, но он о ней публично говорил скверные слова. Как-то ночью на ст. Киев кричал на нее, но я не расслышала что именно. Об этом мне рассказал на другой день Мойсеев. От Мойсеева я слышала, что М[уравйо]в убил своего шофера.

До Киева у меня со всеми отношения были сносными, и я работала с Мойсеевым в политическом отделе. Но после взятия Киева все изменилось. В Киеве мне пришлось поместиться в комнатке рядом с покойницей. Это было рядом со штабом Второй армии, когда там начальником отряда был Степанов.

Я видела, как носили в покойницкую трупы среди белого дня, как расстреливали всех, кого попало, хотя при мне никого не расстреливали, и я лично не видела расстрелов. При мне отводили в Генеральный штаб одного офицера, который хотел пройти к своей жене. Его вели в штаб, но потом оказалось, что он расстрелян. По крайней мере, я видела труп, похожий на этого офицера. По поступкам М[уравйо]ва мы считали его

авантюристом и контрреволюционером. Допускаю, что он мог передаться на сторону немцев.

Все эти расстрелы, погромы, грабежи, его речи, призывавшие к беспощадной резне, убедили меня в том, что он действует с целью ослабления революционных сил и губит таким образом революцию. Я читала в газете, что М[уравйю]в был до революции жандармом, или что-то вроде этого. Ужасы в Киеве, все слова и поведение М[уравйю]ва убедили меня в том, что он настоящий контрреволюционер.

В Киеве я была очень недолго. Около 26 января мы двинулись по приказанию М[уравйю]ва экстренно по направлению к Одессе, вместе со штабом Первой рев[олюционной] армии. Тогда же М[уравйю]в отозвал почти все войска на Одессу вместе с продовольственными поездами. Мы поехали на Бахмач, Елизветград.

По пути я заезжала в Полтаву, где зашла на десять минут на заседание большевистской фракции совета. Собрание было многолюдным, речь шла о Муравйове потому, что город был в опасности. Поднимался вопрос о допустимости приглашения Муравйова защищать Полтаву от немцев, т. к. они ей угрожали [...]

Многие настаивали на том, что его удалить невозможно, ибо это нарушит успехи революции и планы центра, но некоторые напротив [требовали] немедленно удалить Муравйова как крайне опасного. Мнение о нем у всех было определенное,

основанное на его действиях, словах. В частности, указывали на случай с рецидивистом.*

На этом собрании раздавались требования удалить Муравйова, так или иначе. Я не могу утверждать, что к[то]-л[ибо] предлагал его убить.

Так вот, когда я заехала в Полтаву, я пробыла там полчаса у матери и поехала на другой вокзал. Этот раз я была в Полтаве на обратном пути из Елизаветграда [...]

На первом собрании армейского комитета меня не было. Собрался он в Дарнице, должно быть в январе [1918 г.], по поводу общего недовольствия распоряжениями Муравйова. Я - не член армейского комитета и на собраниях комитета часто не бывала [...]

Мы получили телеграмму от Ленина, а также из Киева [от Народного секретариата], в которых нам предлагалось ехать всеми войсками в Киев для его защиты. В это время Муравйов был в Бирзуле. Мы узнали, что к нам едет Егоров. Когда он приехал, то армейский комитет предложил ему ехать в Киев. Тот подчинился, в конце концов, потому что его принудили: поставили двух часовых возле вагона и повезли в Киев. По дороге выяснилось, что город накануне сдачи. Было созвано собрание представителей частей и принято решение освободить Егорова [...] Более подробно это все описано в моем первом показании.

В Москве я ходила к Спиридоновой и рассказала ей о Муравйове, указав, что он называл

себя “левым эсером”. Спиридонова сказала мне, чтобы я пришла на другой день. Тогда она дала мне два удостоверения: 1) о том, что М[уравйю]в не член ЦК, 2) о том, что он не является членом Петербургской организации. Оба эти удостоверения у меня украли, вытащили в трамвае.

Я слышала от тов. Барса о том, что Муравйов предлагал 15 тысяч войска федерации для выступления. Мне показалось это бахвальством, т.к. Муравйов приехал в Москву только со своим штабом, и в Бирзуле у него было около 1 тыс. человек солдат (по словам Барса и Титова). Барс слышал об этом от Л.Черного. Я не слышала о том, чтобы Муравйов дал два пулемета анархистам, но думаю, что это вполне возможно [...]

У Муравйова были адъютантами Клименко, Любинский. Первый был все время с Муравйовым. На Елизаветград Муравйов велел наложить контрибуцию в 1 млн. руб. Эти деньги были у Иванова, к[оторо]го я встретила в вагоне армейского комитета. Мне говорили, что у Егорова тоже много денег на руках.

* Вспомнила я вот что: в первый раз, когда Муравйов был в Полтаве, то на одном собрании большевиков поднимался вопрос о том, что он приказал на глазах совета расстрелять одного рецидивиста-вора [...], который оперировал с документами с поддельной подписью Муравйова.

Кем он был [в действительности] и как его поймали - не знаю. Об этой истории я слышала от членов полтавского совета. Тов. Ропсман мне передавала о терроре на жел[езной] дор[оге], проводимом Муравйовым. Рассказывала, что он предъявлял грозные требования, подкрепляя их выстрелами поверх головы того, к кому он обращался.

Н.Лисовская

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.123-127. Оригінал, рукопис. Там же, арк.128-130. Завірена копія, машинопис.

40. Свідчення комісара продовольства на ст. Лозова і Синельникове Інокентія Григоровича Табакова у справі М.С.Муравйова

м. Москва

не раніше 23 травня 1918 р.

С деятельностью Муравйова - "революционного вождя" мне пришлось столкнуться в Полтаве. Заядлый контрреволюционер мог позавидовать его тактике, тактике разложения революционных сил, вселению недоверия, недоброжелательного отношения к советской власти, к большевистским войскам среди широких масс в занятых нами местностях.

Методы старые. Развратить, во что бы то ни стало, революционные войска кровью, дать возможность красногвардейцам после боев без суда и следствия производить расстрелы, таким образом дать развиваться зверским инстинктам в массах войск, поглаживать по головке одних, покрикивать на других; советские организации создать для виду, а для острастки местных жителей и совета оставить коменданта, которому все позволено, который все может, которому все должны подчиняться и который не подчиняется никому. Об отдельных фактах деятельности комендантов я могу дать устные показания.

Насколько были противны советские организации Муравйову, выяснилось в Киеве. Постоянно сталкиваясь с деморализующей деятельностью Муравйова, наиболее активные работники решили противопоставить муравйовской диктатуре организацию и создали армейский комитет. Чтобы ослабить влияние армейского комитета нужно было, чтобы части, которые стояли за армейский комитет, были подальше от него. Сами отряды здесь пошли навстречу Муравйову: Питерский отряд ушел в Питер, Московский – в Москву, северо-донецкие отряды были отправлены Муравйовым на Дон.

Кроме того, стало намечаться и другое. Агенты Муравйова задались целью создать специальную банду, которая бы не разбиралась, с кем она дерется и за что. Такую банду можно было

создать в лагере военнопленных. Начались хождения в лагерь. Я был там комиссаром. Явился некто, назвавшийся Рейнгардом, и заявил, что он прислан Ремневым, командующим Второй армией организовать отряд человек в 1000 на условиях 7 руб.50 коп. в сутки и на все готовое. От него я узнал, что он германский офицер, бежал 2 ноября из России в Германию, там его собирались судить, он решил бежать обратно в Россию. В армию к Ремневу попал два дня тому назад безо всяких рекомендаций, с общественными организациями связан не был, и никто рекомендовать его не может. В организации отряда в лагере я ему отказал, заявив, что без ведома армейского комитета организовывать отряды никому не позволю. Мои слова он записал на клочке бумаги. Потом я сразу же довел об этом до сведения армкома.

Ремнев на этом не успокоился. Утром им была вызвана делегация от военнопленных без моего ведома и без ведома арм[ейского] ком[итета]. Делегация попала из политического комитета, при котором я говорил с Рейнгардом, и заявила, что она меня знает, и без моего ведома никаких шагов предпринимать не будет. И это не подействовало.

Числа 20 февраля, когда уже все части, которые сражались в Киеве, убыли, а армейский комитет уехал на Знаменку организовывать отряды, ко мне снова явились ремневские молодцы с

Рейнгардом во главе (трое) и спросили, позволю я им организовать отряд или нет. На мой отказ заявили, что они еще посчитаются со мной, и [затем] ушли.

И. Табаков

ДАРФ, ф.1029, оп.1, стр.16, арк.33-34. Оригинал, рукопис.

41. Свідчення комісара продовольства на ст. Лозова і Синельникове Іннокентія Григоровича Табакова в справі М.С.Муравйова (продовження)

м. Москва

23 травня 1918 р.

Видел я первый раз Муравйова 10 января в Полтаве, когда Муравйов пришел в штаб Егорова, при армии которого я состоял. Муравйов пришел, поздоровался со всеми и стал разговаривать с Егоровым и Карповым. Потом он ушел. Ничего особенного в нем я не заметил.

В армейском комитете Первой армии я не был. Мойсеева знаю с 13 декабря [...] Лисовская была сотрудницей политического отдела.

На ст. Гребенка 12 января я видел Муравйова, который брал за шиворот

железнодорожника, дежурного по станции с требованием освободить немедленно пути для принятия эшелонов Муравйова. Кричал, что расстреляет, если не подчинится его требованию. Вообще он часто употреблял это выражение. Слово “расстреляю” вошло даже в поговорку в штабах.

В Крутах, после боя, когда мы подъезжали к Бахмачу 14-15 января, Муравйов отдал [командующим армиями] приказ, какой армии в каком направлении и т.д. вести наступление на Киев [...]

Армиям предписывалось не стесняться расстрелов, кого именно [расстреливать] не было указано. Я читал этот приказ. После боя в Крутах было расстреляно 26 чел. гайдамаков, всех тех, кого взяли в плен, без следствия и суда. Положение армии Муравйова было прочно.

Больше я Муравйова лично не видел никогда. Сталкиваться с его распоряжениями приходилось.

Тов. Барс примкнул к армиям Муравйова после моего отъезда в Москву 23 февраля. Барс – анархист, он передавал мне, что собирается примкнуть к черной гвардии в Москве. Но числа 10, 12 марта он из Москвы выехал. Я познакомился с ним 5-7 марта через армейский комитет Первой армии. Барс молодой человек, идейный, натура неустановившаяся, ищущая путь в жизни. Он рассказал мне, что был в федерации и собирался записаться в нее, но заявил, что записаться туда

трудно, легче в черную гвардию. От Барса не слышал [о том], что Муравйов был в федерации и хотел примкнуть к ней. Вообще о том, что Муравйов был в Москве, узнал от армейского комитета.

Нам было объявлено после взятия Киева, что Муравйов даст нам за взятие Киева по 100 руб. Мы отказались, но т.к. многие деньги уже были розданы, то решено было потребовать, чтобы всей армии, и даже частям не наступавшим на Киев, было уплачено по 100 руб., что и было приведено в исполнение.

В штабе Егорова и Муравйова пьянство было развито, но Муравйова я пьяным никогда не видел. Разврат тоже был. Из санитарных вагонов сестры часто посещали штабы и красногвардейцев.

В Дарнице я был комиссаром лагеря военнопленных [...]

Про Муравйова могу сообщить следующее: он тратил неаккуратно деньги, налагал контрибуции и суммы, которые от получал, он не записывал. Это видно из того, что ему в вагон приносили деньги и сообщали сумму, деньги лежали, а Муравйов не трудился их пересчитать.

На собрании армейского комитета 16 февраля Егоров передавал, что от Муравйова, за его подписью, был приказ обстреливать дома на Крещатике в упор. Но так как штаб Генерального секретариата был в противоположном конце, то Егоров приказа не исполнил.

Я слышал, не помню от кого, что на ст. Дарница, что Муравйов убил своего шофера за то, что машина была неисправна. Была и другая версия: Муравйов приказал двум шоферам исправить в определенный срок машину и получить по 400 руб., [пригрозив, что иначе] они будут расстреляны. Они расстреляны не были, а машину в срок исправили. Одному из шоферов попала какая-то сумма денег, с которой он бежал, но был пойман и расстрелян. Это я слышал.

В Полтавском с[овете] р[абочих] д[епутатов], состоявшим в большинстве из объединенцев, Муравйовым были очень недовольны.

Слышал, что в Киеве бывшей Радой выдавались билетки на право свободного прохода. С этими билетками люди задерживались и расстреливались.

В Киеве я был наездом 18 и 21 февраля. Первый раз ездил получать деньги для лагеря военнопленных, но не получил их из казначейства – я опоздал. 21 февраля отвозил бумаги, касающиеся президиума армейского комитета: из Екатеринослава просили приехать, т.к. обострились отношения между Егоровым и армейским комитетом. Мойсеев и Лapidус рассказали мне 18 февраля, что их приставляли к стенке (хотели расстрелять). Хотя приказания не было, исходило это из армии Ремнева, т.к. была борьба между армейским комитетом и командующим.

О политике Муравйова по отношению к армейскому комитету мне рассказывал Петроградский отряд: 16 февраля Муравйов разрешил петроградцам уехать в Питер, т.к. они об этом просили, хотя Муравйов заявил армейскому комитету, что никому не разрешал ехать в отпуск. Перед выездом из Киева Муравйов распределил армии так: Первая рев[олюционная] армия целиком должна была идти на Румынский фронт, Вторая армия Ремнева частью должна была остаться в Киева, частью же продвинуться к Минску. Третья армия (командующего не знаю) направлялась к Ростову для борьбы с калединщиной, [после чего должна была бы] соединиться с Первой армией.

С первых дней вступления в Киев армии Муравйова между ним и Украинским секретариатом, Советом возникли трения на почве расстрелов и тех безобразий, которые творили коменданты станций и города.

От Ремнева пришел ко мне в лагерь военнопленный некий Рейнгард, заявивший, что пришел ко мне формировать отряд в 1000 человек, условия 7 руб. 50 коп. жалования в день с продовольствием и обмундированием. Я ему отказал и пошел с ним в армейский комитет. Рейнгард составил бумагу, в которой записал о том, почему я отказываю ему в этом. Рейнгард - немецкий офицер. По дороге в армейский комитет он передавал мне, что бежал из России в 20 числах ноября, но затем вынужден был бежать из

Германию в Россию, т.к. его решили там предать суду. Это [было] в первых числах января [1918 г.]. В армию Ремнева [он] попал без всякой рекомендации пять дней тому назад. С общественными организациями никаких сношений не имел. Спросил меня военнопленный ли я. На мой отрицательный ответ умолк и не разговаривал больше. По сведениям, наведенным мною у военнопленных, оказалось, что он за время войны несколько раз был в России и переходил не раз границу, говорили, что он шпион.

Ремнев, минуя меня, вызвал после случая с Рейнгардом делегацию от военнопленных и хотел вести переговоры о создании для себя отряда из военнопленных. Когда к Ремневу пришла делегация, у него был Мойсеев. Делегация заявила, что без моего ведома формировать отрядов не будет.

21, 22 февраля, когда армейский комитет уже уехал из Киева (19, 20 февраля) ко мне явились 3 человека с Рейнгардом во главе из отряда Ремнева. Спросили меня, позволю ли я им организовать отряд. Я заявил, что не разрешаю без ведома армейского комитета. Тогда они мне пригрозили, что посчитаются со мною и ушли. Больше никаких попыток с их стороны в этом направлении не делалось.

Я уехал 23 февраля из Дарницы в Москву, сдав должность человеку, назначенному дарницким советом р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Я

формировал отряд военнопленных-интернационалистов, и сказал своему преемнику, чтобы он отряд военнопленных передавал только армейскому комитету [...]

***

По-моему, Муравйов хитрый и властолюбивый человек. Впечатление у меня о нем как о контрреволюционере. У него была тенденция поселять рознь между отрядами: одни отряды он обставлял хорошо, а другие держал в загоне. Части армий, которые поддерживали армейский комитет, отправлялись Муравйовым подальше от армейского комитета. Когда же эти части были далеко, Муравйов заявил, что армейский комитет сам себя выбрал.

Армейский комитет повел дело против Муравйова и обратился через делегацию к нар[одным] ком[иссарам] с тем, чтобы устранили и арестовали Муравйова. Муравйов, узнав о замыслах армейского комитета, спешно выехал из Киева в Одессу 16 февраля.

Назначение комиссаром в лагерь военнопленных я получил от Егорова с печатью заведующего политическим отделом Мойсеева. После истории с Рейнардом, я взял бумагу [о своем назначении] за подписью председателя и секретаря армейского комитета. Сменил я бумагу 18 февраля.

О секретарше Муравйова при мне говорили мало: я знал, что она есть и больше ничего.

И. Табаков

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.133-136. Оригінал, рукопис. Там же, арк.137-138 зв. Завірена копія, машинопис.

42. Лист голови ВЧК Фелікса Едмундовича Держинського до Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення з відповідями на питання у справы М.А.Муравйова

м. Москва

24 травня 1918 р.

[...] Утром того дня, когда был задержан Муравйов, пришел к нам в Комиссию по делу матрос, предъявивший мне свои бумаги, как начальник отряда Одесских террористов (фамилии его не помню, не русская). Между прочим, он предъявил мне бумагу – предписание ему Муралова, в которой говорилось, что его отряду террористов, прикомандированному к армии Муравйова, предписывается немедленно отправиться в Царицын, где уже находится штаб Муравйова.

Между прочим, этот же начальник террористов заявил, что Муравйов должен в тот же день (или на следующий) тоже ехать туда же, как

главнокомандующий Кавказской армией. Это сообщение и заставило меня еще раз запросить тов. Троцкого о полномочиях Муравйова и ускорить арест последнего.

Отряд террористов находился не в самой Москве, а где-то верст за 20 от Москвы на какой-то ж. д. станции.

Председатель ВЧК Ф.Дзержинский

ДАРФ. – Ф.1029, оп.1, спр.15, арк.143, Оригинал, машинопис

43. Свідчення секретаря армійського комітету Першої революційної армії Люсиль Цвангер у справі М.А.Муравйова

м. Москва

25 травня 1918 р.

1 февраля [1918 г.] на почве борьбы с муравйовщиной, разложением армии был создан армейский комитет. Я находилась в санитарных отрядах, предварительно пройдя через баллотировку правления кассы взаимопомощи медичек Харькова. Присоединилась к культурно-просветительному центру латышских отрядов.

В первые месяцы работы, пока не было Муравйова, отряды были очень хорошие, идейные. Первый случай пьянства очень возмутил красногвардейцев и вызвал сильные протесты.

Пьяные были обезоружены. В пути следования до Полтавы среди красногвардейцев был все время порядок. В Полтаве я узнала, что есть какой-то Муравйов, которого я не видела.

Первый раз я видела и слышала Муравйова на станции Бахмач. Он выступал с речью на тему об отпусках, так как многие кр[асногвардей]цы просились в отпуск. Это было до взятия Киева. “Вам остается недолго выносить невзгоды. - Говорил Муравйов. - Наша боевая задача - взять Киев. После этого вы сможете вернуться домой и устроить свои дела. Что касается ваших нужд, то после взятия Киева вы во всем будете удовлетворены. Идите в Киев и берите его! Все ваше! Жалеть киевских жителей нечего, они терпели гайдамаков - пусть узнают нас и получают возмездие. Никакой жалости к ним! Кровью заплатят они нам. Если нужно, то камня на камне не оставим”. Речь эта была встречена восторженно, кричали: “Да здравствует Муравйов, наш главнокомандующий”.

Лапидус рассказывал мне о расстреле около 24 человек пленных, под станцией Круты, свидетелем чего он сам был. В этом расстреле сказался инстинкт кровожадности, состояние аффекта к[расно]гвардейцев. Это было в армии Егорова, во время его командования. Насколько в этом деле виноват М[уравь]ев, я не знаю, потому что в это время его там не было.

Мы ехали в санитарном поезде очень далеко от отрядов. В нашем санитарном поезде не было доктора, в поезде было страшно безалаберно, им никто не управлял. В особенности было развито пьянство, начальником поезда был вечно пьяный фельдшер Полиниченко. Спирт доставали на станциях. В штабном вагоне поезда все время пьяным был казначей штаба Сливинский. Пил он открыто в салоне вагоне.

Комендантом поезда Егорова был Безбарт - молодой человек, который пил вместе со всеми. Я видела его пьяным, хотя раньше он никогда не пил и производил хорошее впечатление. Ему было лет 17-18 по виду. Благодаря такому режиму егоровского штаба он совсем испортился.

В штабном поезде Егорова царил разврат. Санитарные отряды превратились в рассадники разврата. При каждом отряде ехали с кр[асно]гвардейцами санитарки, причем их работа не соответствовала назначению. Попадали в эти отряды молодые девушки, которые систематически развращались к [расногвардей]цами. Иногда из этих "отрядов" любой начальник брал себе в вагон какую-либо санитарку. Вообще разврат царил ужасный. Я была в 3001 санитарном поезде.

Товарищ Лисовская присоединилась к политическому отделу армейск[ого] комитета в Полтаве в январе [1918 г.]. Около 23-24 февраля Лисовская ездила в отпуск из Киева в Полтаву. Приехала она через два дня, она была у своей

матери. Там в Полтаве было какое-то партийное или советское собрание, [на котором обсуждался вопрос о Муравьове].

23 февраля мы, то есть я, Лapidус, Мойсеев, Лисовская и Козловский были приговорены Егоровым к расстрелу, о чем мне сообщил проводник вагона № 22, зайдя в наш вагон № 396. Я сообщила об этом собранию представителей эшелонов, стоявших на станции, кажется Черкассы, которые и заступились за нас, заявив, что если я, Лисовская, Лapidус, Мойсеев и Козловский “пропадут без вести”, то Егоров ответит за нас головой. Егоров в это время удрал. Начальник Конотопского отряда Вакулин послал ему об этом телеграмму.

26 февраля, за два дня до того как мы арестовали Егорова, Муравьов транзитом отправился со станции Помичной в Одессу. 29 февраля мы удрали транзитом в Ромны к 11-му Сибирскому полку. Так как Лapidус и Мойсеев были объявлены “вне закона” мы разместились в разных вагонах, чтобы нас не узнали. Далее мы отправились вместе с полком в Пензу, где он должен был быть расформирован. Нам надо было ликвидировать шесть лошадей, которые были при политическом отделе, политический отдел раздавал этих лошадей беднейшему населению.

Приехав в Москву, мы и подняли это дело. Я повидалась со Львом Черным, поскольку мне было интересно знать о федерации. Была я у Льва

Черного с товарищем Барсом. Я ему рассказала о муравйовском деле и предупредила о возможности со стороны М[уравйо]ва спровоцировать анархистские отряды, я хотела вообще всех предупредить об этом человеке. Я знала, что Муравйов не большевик, он заявил, что он эсер. Между тем, в Полтаве он называл эсеров просто “дрянью”, это подтверждает и разговор М[уравйо]ва с Антоновым.

Мы обратились в ЦК ПСР к Спиридоновой и Прошьяну за справкой - действительно ли М[уравйо]в эсер? Они ответили официальной бумагой, что он не является членом партии эсеров. Я сама Спиридонову не видела, товарищ Лисовская была у нее по поводу этой справки.

Я считала необходимым информировать каждую большую политическую организацию о том, что такое Муравйов и муравйовщина так, как было известно о Муравйове в Полтаве, Харькове и Пензе. Поэтому же мне было необходимо сообщить в федерацию анархистов Льву Черному о Муравйове. Это было два месяца назад, 15-16 марта [1918 г.].

После этого я услышала от товарища Барса, анархиста, делегата армейского съезда о том, что в федерацию пришел адъютант Муравйова и предложил кому-либо из представителей федерации отправиться к последнему. Когда представители федерации пришли к Муравйову, он им сказал: “Если вам нужны силы, я могу вам

предложить 15 тысяч солдат”. Представители федерации на это не согласились, увидев в этом провокацию со стороны Муравйова. Товарищ Барс был пулеметчиком на бронированном автомобиле “Иван Меркулов”, теперь он уехал в Ростов-на-Д[ону], он является членом ростовской федерации.

Когда я находилась в санитарном пункте в здании Министерства земледелия в Киеве, напротив меня был “штаб Духонина”, где происходили расстрелы. Людей раздевали и убивали. Я пробыла в пункте четыре дня совершенно одна, и тут я была свидетельницей того, как матросы из армии Ремнева забрались в Министерство земледелия и стали взламывать кассу. Они были пьяны. Они взломали две кассы - кассу министерства и Ремнева, а затем ушли, забрав деньги.

Я пошла к Ремневу и сообщила ему об этом. Через час он приехал и навел порядок. Когда я ему рассказывала о происшедшем, он спросил меня: “И мою личную кассу унесли?” Меня очень удивило, что он спрашивал о какой-то личной кассе.

Когда Ремнев приехал, то собравшийся домовый комитет, по моему указанию и указанию Ремнева, приступил к упорядочению дел в Министерстве земледелия. По просьбе Ремнева я осталась работать во Второй армии, так как у него было мало работников. Через день-два я спросила

Ремнева: “Цела ли ваша касса?”, на что он мне ответил: “Нет”.

Л.Цвангер

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.106-108. Оригінал, рукопис. Там же, арк.109-110. Завірена копія, машинопис.

**44. Свідчення солдата 1-го Одеського полку
Бориса Пилиповецького у справі
М.А.Муравйова**

м. Пенза

25 травня 1918 р.

[...] Я, нижеподписавшийся командир советского отряда, считаю своим долгом довести до сведения суда о тех преступлениях бывшего жандарма, а потом командующего Румынским фронтом Муравйове, которых я был свидетелем, а также благодаря которым я настолько пострадал, что даже теперь мои нервы нуждаются в тщательном лечении.

Я служил солдатом в 1-м Одесском советском полку. В начале февраля 1918 г. шести рот нашего полка получили приказ готовиться к выступлению из города, причем полку было указано, что жалование будет получено лишь на фронте. Общее собрание шести рот постановило послать трех делегатов к Муравйову с просьбой

выдать хотя бы половинное жалование, ибо большинство солдат сильно нуждалось, так как многие были из безработных. Муравйов ответил, что все нужное мы можем реквизировать. Когда же мы попросили мандат на право реквизиции, то он ответил, что у нас есть штыки и ими мы должны реквизировать. От такого способа реквизиции мы, конечно, отказались, тогда он стал кричать и выгнал представителей, пообещав завтра расстрелять всех.

На следующий день к 12 ч[асам] дня наша казарма была окружена отрядами Муравйова. Чтобы избежать кровопролития мы решили выйти без оружия к товарищам, чтобы объяснить им, что наш полк решил выступить на фронт. Нас окружили, выстроили и приказали раздеть все казенное. Мы скинули шинели, пояса, а некоторые и гимнастерки, остальное мы отказались сбросить с себя. Тогда Муравйов приказал: “В порт эту сволочь”.

Нас повели к порту. Мы были окружены солдатами, а спереди и сзади ездили по грузовику с пулеметами. По пути следования все магазины, ворота, окна должны были быть закрытыми. Сначала нас повели к судну “Алмаз”, потом к “Синопу” и, наконец, поместили нас в старом угольном судне “Чатыр-Даг”. Отъехав с версту, судно стало на якорю. Между тем на берегу стали собираться родственники и знакомые арестованных, но их разгоняли.

К вечеру мы послали прошение через капитана корабля с просьбой отправить нас на фронт и прислать хлеба, ибо мы ничего не ели. Ни того, ни другого Муравйов не исполнил, а капитана выгнал, назвав его контрреволюционером. На следующий день утром капитан опять хотел ехать с прошением, но его не пустили на берег.

Собрав немного денег, мы попросили капитана послать команду на берег за хлебом. Когда команда уехала, был получен приказ - немедленно выехать. Капитан отказался, мотивируя [свой отказ] отсутствием людей и припасов, но его заставили ехать под угрозой расстрела.

Было очень холодно, мы же были без шинелей и многие без гимнастеров, а потому нам пришлось опуститься в трюм, где прежде лежал уголь. Трюм маленький, а нас 900 человек. Пришлось лежать кучей по три человека друг на друге. На другой день поднялась буря. Пришлось бросить якорь, у большинства началась морская болезнь. Мы не ели уже три дня. Запасов на корабле не было, и капитан при всем желании ничем не мог помочь. Некоторым удалось раздобыть немного свекловицы, но это не только не улучшило положения, а наоборот несколько человек даже умерло.

Это ужасное путешествие, [которое] продолжалось шесть суток, ясно может иллюстрировать следующий пример: не будучи в состоянии быть дольше в трюме, я вздумал вылезть

на палубу. С громадными усилиями я начал карабкаться наверх, но из-за страшной слабости и качки свалился вниз и упал на уже разлагающийся труп товарища. В таком положении я пролежал оставшуюся часть пути.

Корабль все время сопровождал трайлер с пулеметами, направленными на нас и с пьяными матросами, которые часто стреляли в воздух.

Наконец “Чатыр-Даг” бросил якорь в десяти верстах от Евпатории. Нас вынесли на берег (ибо сами выйти мы были не в состоянии) и отпустили. Мы не досчитались приблизительно 24 человек, которые задохнулись в трюме, умерли от голода и морской болезни. Кое-как добрались мы до немецкой колонии, где нас накормили.

Не успели мы отдохнуть и прийти в себя от перенесенного кошмара, как на нас нагрянула кавалерия, пехота и броневик. Нас окружили и арестовали. Увидев, что арестовали голых, безоружных и еле стоящих на ногах людей, солдаты, разобравшись, в чем дело, отвели нас в другую немецкую колонию, где нас расквартировали и разместили больных по лазаретам.

Нам они объяснили, что Муравйов ввел их в заблуждение телеграммой, в которой писал, что едут 150 юнкеров-гайдамаков, которые хотят захватить Евпаторию, и чтобы судно не было подпущено к берегу и было потоплено. Наш капитан, человек весьма добрый, учел это и

высадил нас в 10 верстах от Евпатории, чем спас нас от потопления.

Из Евпатории нас отправили в Севастополь. То, что мы пережили за все время, настолько повлияло как на нашу психику, так и на физическое состояние, что в Феодосию из 242 человек прибыло только двое, остальные принуждены были лечь в разные лазареты.

Есть пословица “не быть курице орлом”, но я думаю, что еще меньше жандарму стать защитником свободы. Всю свою жизнь Муравйов преследовал свободу, всю жизнь попирал он человеческую личность, издевался над нею, втоптывал ее в грязь и вдруг его “полезная деятельность” прервана русской революцией.

Неужели отказаться от того, к чему он привык? Нет, лучше стать защитником большевизма и под этой маской продолжать свое старое дело еще более прибыльное.

Остается еще подивиться тем людям, тем партиям, которые столько времени пользовались услугами нечистоплотного жандарма. Еще замечу, что после этой истории окончательно прекратилась в Одессе запись в Красную армию.

Б.Пилиповецкий

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.29-30. Оригинал, машинопис.

45. Свідчення казначея Першої революційної армії Володимира Костянтиновича Сливинського у справі М.А.Муравйова

м. Москва

28 травня 1918 р.

Первый раз видел Муравйова у Егорова в Дарнице, в январе [1918 г.], когда я зашел как-то к Егорову по делам службы. Произвел он на меня впечатление ненормального человека. Слышал я речи Муравйова еще в Полтаве в конце декабря [1917 г.] на похоронах красногвардейца. Он говорил в защиту советской власти и требовал беспощадного истребления всех несогласных с ней.

Второй раз я видел его в феврале [1918 г.] в Киеве и Одессе, но в разговор с ним не вступал, боялся в виду его горячности и раздражительности навлечь неприятные для себя последствия.

Была ли у него в вагоне женщина – не знаю. Внутренней жизни его не знаю. Слышал, что по отношению к подчиненным был справедлив и хорош, об оргиях и пьянстве в его вагоне не слышал.

Слышал от разных лиц, что в Одессе Муравйовым производились бесчисленные расстрелы. Контрибуции накладывались беспорядочно.

В Никополе, с[оветом] с[олдатских] и р[абочих] депутатов была наложена контрибуция на буржуазию в 300 тысяч рублей. От этого совета

была получена сумма в 100 тысяч рублей команд[иром] Первой революционной [армии] Карповым. Это было в апреле, около 15 числа.

В поезде Муравйова было вино. Но пьяных — не видел.

В январе [1918 г.] было такое дело: ко мне приходит Мойсеев и заявляет, что теперь уже командующ[его] армией Егорова нет, а есть армейский комитет, и потому мы должны сдать им кассу. Мойсеев был с одним представителем Сибирского полка. Я заявил, что не могу отдать кассы, так как считаю армейский комитет неправомочным. Присутствовал при этом Карпов.

Армейский комитет, насколько я знаю, был составлен так: два представителя от Сибирского полка, один — от санитарного поезда (женщина), Мойсеев, Лapidус и Лисовская, приставшая в Полтаве к штабному поезду как политическая сотрудница, агитаторша.

Я отошел от них потому, что Мойсеев показался мне очень изменившимся: принимал Егорова почему-то за контрреволюционера, вообще — производил впечатление тоже какого-то ненормального человека. Да не мудрено было при тех условиях, в каких мы жили, сойти с ума.

Я считал и считаю до сих пор, что в боевые распоряжения и действия не должен был входить и обсуждать армейский комитет.

Мне же товарищи, участвовавшие в боях, передавали такой случай: это было в феврале, когда

армейский комитет хорошо обосновался в Елизаветграде: была получена телеграмма с требованием присылки помощи на одну станцию. Собрался армейский комитет и стал обсуждать. Пока шло обсуждение, помощь оказалась ненужной.

Никогда не слышал в речах Муравйова слов против советской власти. Он всегда стоял за нее, за рабоче-крестьянское правительство. Это слышал я в Полтаве, в Помичной.

В Киеве я читал воззвания Муравйова по поводу убийства Митрополита Владимира, где Муравйов говорил, что это [убийство] совершено кучкой каких-то анархистов, с которыми он будет вести беспощадную борьбу.

Расстрелы в Киеве были, но от кого исходили распоряжения [на этот счет] - не знаю. Отряды и рабочие Киева были страшно возмущены расстрелами и убийствами рабочих, произведенные гайдамаками и поэтому, вероятно, отряды мстили за убитых товарищей.

Мне приходилось держать при себе кассу, и потому я не участвовал во всевозможных боевых операциях. Счетовода у меня не было. Я был совершенно один, и мне было некогда заниматься другими делами. Непосредственно контрибуции я не получал. Егоров мне передавал деньги, но какие они были (контрибуция либо суммы от казначейства) - [не знаю]. Знаю, что в Киеве была наложена контрибуция, но цифру указать не могу.

Егорова никогда пьяным не видел. Первое время часто встречался с Егоровым, а потом реже, только по делам службы.

В.Сливинский

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.17, арк.143-144. Завірена копія, машинопис.

46. Протокол допиту П.Литвина Слідчою комісією у справі М.А.Муравйова

м.Москва

10-11 червня 1918 р.

Я встретился с Любинским в Полтаве, когда Полтава была занята советскими войсками. Любинский в это время был политич[еским] комиссаром в штабе Муравйова. Любинскому тогда поручили производить реквизиции. Однажды он мне рассказывал, что в Киеве он арестовал казначея, у которого была взята крупная сумма. Через некоторое время сам Любинский был арестован по поводу этих денег, и опять был отпущен.

Когда Киев был сдан, в Харькове в начале апреля, Любинский хотел ехать за границу, что и мне предлагал сделать. Хотел он уехать за границу, боясь реакции. Когда я ему сказал, что не могу ехать, т.к. у меня нет денег, он ответил: "Не беспокойся, деньги будут". Я ему советовал не

ехать за границу, а в один из городов России, подальше от Украины, и с разрешения Антонова мы уехали [...]

Доехав до Рязани [...] Любинский оставил свой вагон за № 617 и лег в [...] госпиталь, где была ему сделана операция. До операции я все время был при нем.

С нами еще следовала одна анархистка Шульман, которой он симпатизировал. Шульман поступила на службу в тот же госпиталь, и неоднократно между ними были ссоры. Дней десять после операции, я зашел в комнату Шульман [...], где увидел на столе письмо товарищу Любинскому от Шульман [...] В письме, между прочим, Шульман писала: “Вы от меня требуете 160 руб., но я вам их отдам тогда, когда высшая власть от Вас потребует отчетности о 120 тыс. [рублях], которые у Вас имелись”.

После этого у меня возникло подозрение, что Любинский, предлагая мне не стесняться в деньгах, имел крупную сумму денег, захваченных на Украине, и что отчетности он не представлял.

Я сейчас же отправился в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, заявил о моих подозрениях, и с двумя товарищами Горячим и Бирюковым отправился с ордером в госпиталь.

Сначала Любинский протестовал против обыска у него, но когда мы ему сказали, что ордер дан Чрезвычайной Комиссией, и мы должны исполнить поручение, тогда он подчинился. Когда

спросили у него о деньгах – он сказал, что у него денег есть 35 тысяч, и вынул из бокового кармана жилета бумажник, в котором действительно оказались кредитн[ые] билеты: 24 билета по 1000 рублей, 6 билетов по 1600 руб[лей] каждый, неразрез[анные] керенск[ие] по 40 руб[лей], и 5 билетов по 250 р[ублей].

В Чрезвычайной Комиссии при допросе председ[ателем] комиссии Зайцевым его спросили: “Откуда у Вас 35 тысяч, и почему Вы их не отдали в казначейство, а держите при себе?” Он заявил, что из дому взял 45 тысяч рублей, т.к. Украина день за днем падала и, боясь там оставаться, он решил уехать за границу. Когда спросили его, почему он не уехал за границу, сказал, что хотел остаться и работать. На вопрос, почему он не сдал деньги советской власти, он ответил, что, ревнуя Шульман к председ[ателю] совета Бардаковскому, не сдал денег в совет. На вопрос: “Кто знал об этих деньгах?” он сказал: “На ст[анции] Рязань я говорил, что есть деньги народн[ому] комиссару путей сообщения при комиссаре Рязанской ст[анции] Антонову”. Спросили: “Указали ли Вы сумму?” Он ответил: “Нет, не говорил”. На наш вопрос, что ему сказал комиссар, он ответил, что комиссар сказал ему: “Если у Вас имеются деньги, то сдайте их в совет”. Когда спросили, почему же он не сдал, он сказал, что считает рязанский совет непартийным, потому и не сдал.

[...] Работая в армии Муравйова на Украине до сдачи Киева, при сдаче Киева я находился на броневом поезде с товар[ищем] Филимоновым, который был ранен в грудь. Я его повез в Харьков и поместил в лазарет, где он и умер. Пробыл в Харькове в лазарете недолго. Вследствие малярии нас стали эвакуировать, но я остался в Харькове, желая работать. Пошел в штаб Антонова, где и встретился с Любинским. Как мне говорили, Муравйов в это время был в Москве. Мы хотели ехать в Москву к Муравйову, но Любинский заболел, и мы остались в Харькове.

После нескольких дней мы поехали на Саратов, но остановились в Рязани, где поместились в лазарете и продолжали лечение. Через некоторое время я прочел в газете, что тов[арищ] Муравйов назначается главнокомандующим Закавказья.

Я, считая Муравйова полезным работником для советской власти, счел нужным явиться к нему, и поехал в Москву. С ним я говорил в Штабе, и предложил ему сформировать отряд в Рязани. Он разрешил мне формирование.

Получив мандат, я поехал в Рязань и стал формировать отряд. В то время как я формировал отряд, Муравйов был в Москве, и я собирался ехать к нему для выяснения некоторых условий формирования и вооружения.

Но за три дня до отъезда, я узнал из газет, что Муравйов лишен мандата и арестован. Сейчас

же я поехал в Москву, считая нужным сдать мандат на формирование в Чрезвычайную Комиссию, которой Муравйов был арестован. Мандат я передал председателю Чрезвычайной Комиссии. При сдаче мандата я заявил тов[арищу] председателю о том, что я от тов[арища] Муравйова получил 300 руб. на формирование, часть которых я израсходовал, а часть которых находилась при мне.

Я предложил ему отчетность на эти деньги, но председатель Чрезвычайной Комиссии, предложил мне пока эти деньги оставить при себе, до выяснения дела и записал мой адрес. Я просил разрешения на свидание с Муравйовым, но мне до окончания следствия в этом отказали [...]

П.Литвин

Ф.1029, оп.1, спр.15, арк.5-6, 9. Завірена копія, машинопис.

47. Свідчення головнокомандувача радянських військ в Україні Михайла Артемовича Муравйова

м.Москва

5-7 червня 1918 р.

[...] В начале декабря [1917 г.] вместе с Антоновым в качестве начальника его штаба, я выехал в Харьков, но спустя три дня выехал в

Москву за подкреплением. Всего в Харькове я пробыл с 8 декабря [1917 г.] по 5 января [1918 г.] с выездами на фронт и в Москву.

По отношению к Учредительному собранию я действовал как правоверный член своей партии, всецело поддерживая ее взгляды. В Харькове я выступал на митинге против Учредительного собрания. На этом митинге была Е.Бош. На митингах призывал к беспощадной борьбе с буржуазией, причем помню, что однажды на митинге, где была Е.Б.Бош, я, разбирая природу революции, говорил о том, что только кровавая революция прочно закрепляет ее завоевания. Причем помню, что сказал в ответ одному оратору: “Чем больше крови, тем лучше для революции”.

В качестве начальника штаба Антонова мне была предоставлена широкая инициатива[...], я действовал довольно самостоятельно в пределах выработанной программы. Никаких конфликтов у меня с Антоновым не было. По вопросу о преувеличении полномочий также никаких недоразумений не было.

Никаких крупных недоразумений между Антоновым и Украинским секретариатом по вопросу о разграничении сферы влияния не было, о [возникших] недоразумениях я слышал позже в Киеве. В военном отношении полная власть была у Антонова, и мои распоряжения, как начальника штаба, исполнялись точно. Самостоятельных

украинских частей не было, в это время стал формироваться полк Червоного казачества.

При отправлении 1-го Моск[овского] рев[олюционнного] полка [в Украину], я выступил с речью, в которой указывал на то, что нужно разгромить контрреволюционное гнездо Каледина, что солдатам принадлежит все - жизнь, имущество и все, что имеют контрреволюционеры. Словом, обещал им груды золота за борьбу с Калединым. Заявил я это все в ответ на претензии солдат относительно того, что им не было выдано продовольствие, жалование. [...] Я сказал, что солдаты все получают со сторицей у казаков, у которых есть и хлеб, и лошади, и все прочее [...]

Я не полагал, что солдаты, рекрутировавшиеся из сознательных рабочих Москвы, могут понять меня буквально. Я говорил, используя риторический прием. Я не предлагал грабить, т.к. сам выступал всегда против грабежей. Я сказал солдатам: "Возьмем Дон, все будет наше! Идите вперед без страха!"

Приказание руководить взятием Полтавы я получил от Антонова. В Харькове я был начальником штаба Антонова и до Полтавы я подписывался только "начштаб наркома Муравйов".

После взятия Полтавы я получил от Антонова назначение главнокомандующего всех сил, действовавших против Рады. К этому назначению Украинский секретариат отнесся очень

сочувственно. Назначение я получил по дороге от Полтавы к Киеву, кажется на ст. Бахмач или Гребенка.

В Полтаве один рецидивист по моему приказу был расстрелян с[овет] р[абочих] и к[рестьянских] д[епутатов] Полтавы, состоявший из оборонческих элементов, был переизбран под давлением моим и украинских секретарей Ауссема, Коцюбинского и др.

По моему предписанию за подписью председателя исп[олнительного] комитета Козюры, правые члены совета были привезены на посланном за ними автомобиле ко мне в вагон, где я им объявил о перевыборах.

Все мои боевые приказы исполнялись беспрекословно. Приказы же административного характера, караульной службы, вообще приказы о порядке исполнялись не всегда. Поэтому я вначале собирал митинги и уговаривал их, но когда это не помогало, я требовал от начальников отрядов выполнить приказание. Когда же ребята слишком расходились, я применял угрозы.

В Полтаве воен[но]-рев[олюционный] трибунал 6-го или 7-го января [1918 г.] приговорил расстрелять одного красногвардейца за убийство помощн[ика] командующего Первой армии Егора Жукова (большевика). Но я отменил приговор, будучи против смертных приговоров. В Полтаве я заходил в партию л[евых] эсеров и видел там Стасюка, Руденко и др. полтавских эсеров.

Для ведения политической агитации в отрядах у меня особого органа не было. Агитация велась штабом Егорова. Главным образом этим занимался Мойсеев, хотя он исполнял и административные функции.

Никаких женщин у меня в штабе не было. Лишь для делопроизводства в моем штабе я просил Берзина дать мне делопроизводителя, который мне дал из отряда Яковлева 3-й колонны некую даму, фамилии не помню - вдову офицера, весьма неприглядную и немолодую. Это было от Бахмача до Дарницы, но затем ввиду неспособности к делопроизводству, я ее удалил из штаба, но, учитывая ее тяжелое материальное положение, разрешил заведовать хозяйством. Она была назойливая и наглая женщина, требовала к себе уважения, так как она служит в штабе главнокомандующего. Когда я узнал об этом, то ее уволил. Никогда не угрожал отдать ее изнасиловать. Грозил, правда, часто, миллион раз обещал расстрелять не исполняющих. Войскам вообще угрожал расстрелами.

На ст. Гребенка, когда я разговаривал по ленте, ко мне подошел молодой хохол - чиновник и, похлопывая меня по плечу, сказал: "Ваше приказание исполнено". В первое время я растерялся и машинально ответил: "Хорошо", продолжая говорить по аппарату. Но потом возмутился фамильярностью чиновника и велел передать ему, чтобы он не позволял себе

фамильярничать не только с главнокомандующим, но и с другими, а то ему попадет.

[...] С Лапчинским я познакомился в Харькове. С 8 дек[абря] по 5 янв[аря] Лапчинский приходил к Антонову. Лапчинский, Ауссем, Мартьянов и Коцюбинский были со мною в штабном вагоне до самого Киева. Лапчинский не был при мне политическим комиссаром. Все они ехали в Киев организовывать правительство. Все они были при мне, и распоряжения я делал при них. Во все время пути мы были очень дружны. Никакой отчетности они от меня не требовали, и я им не был подотчетен. Никаких мандатов они мне не предъявляли. По дороге я им помогал приводить в порядок неповинующуюся украинскую администрацию. Я считал их будущими народными украинскими секретарями.

Около 17 января между Бахмачем и Киевом коллегия народных секретарей, ехавшая со мною, сообщила словесно, что совет народных секретарей Украины по сообщению из Харькова назначает Коцюбинского верховным главнокомандующим всех войск на Украине. Тогда я спросил коллегия украинский секретарей, чем вызвано это назначение.

Мне ответил т. Лапчинский, что это - политический шаг, [направленный на] то, чтоб не оскорбить национальное чувство украинцев, которые, в противном случае, могли бы понять борьбу с Центральной Радой и, главным образом,

взятие Киева - украинской столицы, как завоевание Великороссией Украины. Назначается же Коцюбинский потому, что он украинец и сын известного украинскому народу писателя Коцюбинского.

Тогда я, как интернационалист, изумился такой мотивировкой и заявил: “Для нас безразлично, что брать - если нужно то Москву, не считаясь с национальным чувством москвичей, или Киев, Берлин, Вену, потому что интернационализм исключает национализм”.

Тогда они сказали, что фактически это назначение сведется к простому подписыванию приказов и распоряжений Коцюбинским. Я возразил, что верховным главнокомандующим для всей России является Крыленко, а по борьбе с контрреволюцией - Антонов, которому я и подчиняюсь, а в конечном же итоге [я подчиняюсь] центральной власти в Петрограде.

В это время (дело было вечером, после боя под Крутами или Нежином) ко мне вошли с докладом начальники отрядов и, кажется, Берзин. Когда они услышали этот разговор, то сказали: “Ну, значит, нам здесь делать нечего. Поедем обратно”. А Берзин дополнил: “Войска не будут подчиняться неизвестному им Коцюбинскому, поэтому Муравйов должен быть фактически и формально главнокомандующим”. После этого разговора мы перешли на обычные темы, не придя ни к какому заключению, и дружно беседовали.

С ближайшей станции я послал телеграммы наркому Антонову, Крыленко и Подвойскому [с вопросом], как понимать мне назначение Коцюбинского, какова будет в дальнейшем моя роль.

На мою телеграмму ответил один только Антонов в таком духе, что я, Муравйов, остаюсь по прежнему главнокомандующим советскими войсками Центральной власти, а Коцюбинский - командующим украинскими, если они имеются, но и они с оперативной стороны также подчинены мне.

Этот ответ Антонова я сообщил коллегии. Народн[ые] секретари с этим согласились, не протестуя. Таким образом, это дело совершилось без конфликта. Никаких телеграмм о назначении Коцюбинского главнокомандующим войсками Украины Советом народ[ных] комиссаров я не получил ни от кого, и до взятия Киева ни от кого не слышал о таком его назначении.

На ст. Березань в Первой армии Егорова мы сделали пешком ночной переход, и я сам их вел. Пришли мы на постоянный двор, где красногвардейцы пили, ели и прочее. Я тоже сел и заказал себе еду. Красногвардейцы привели мне одного человека, оказавшегося гайдамацким офицером, уроженцем Березани. Красногвардейцы мне его привели и сказали, что это гайдамацкий офицер и что при обыске у него нашли бомбы и револьверы. Показывали ли они мне при этом

бомбу - не помню. Арестованный заявил мне вызывающе, что он офицер. Красногвардейцы сказали мне, что он вел агитацию против большевиков и заявил: "Вам в Киеве здорово всыпят".

Было это через час-полтора после нашего прибытия, ночью. Все село было вдребезги пьяным, так как были разграблены винные склады. Тогда я приказал увести его в штаб. Я помню точно сказанную фразу: "Отвести его в штаб". Я знал, что отвести "в штаб Духонина" означало отправить на тот свет, но на этот раз я сказал просто "отвести в штаб", не прибавляя "Духонина".

Какое значение я придал этому приказу - не помню. Хотел ли я отдать приказ о расстреле - возможно, но с другой стороны, возможно, что я хотел его в штабе допросить.

В ту же ночь мне красногвардейцы сообщили, что этот офицер был расстрелян. Во время этого эпизода в харчевне было много народа - сестер, врачей и был кто-то из украинских секретарей (последнее не утверждаю, так как не помню).

При мне были мои телохранители - матросы Черноморского флота Половинчаков, Клименко (последний, кажется, уже спал, он же был и комендантом поезда).

На следующее утро ко мне пришла женщина и плакала, говоря, что мужа ее убили, просила пособия. Она мне сказала, что муж ее, офицер,

отстал от разбитого гайдамацкого отряда и, напившись пьяным, пошел бражничать.

В Нежине около 15-20 января был такой случай: красногвардейцы ворвались на станцию в телеграфное отделение, захватили телеграфную ленту, на которой была последняя фраза такого рода “Заканчиваю. Передавать ничего не могу. Большевики ворвались”. На ленте далее было точное указание обо всем нашем движении и наших отрядах. Все эти ленты расшифровывались у меня специальным телеграфистом, начальником службы связи Небоженко. Сама телеграфистка успела до прибытия красногвардейцев убежать. Когда расшифровали телеграфную ленту, то мне об этом донесли и солдаты потребовали ее ареста. Мы перед тем под Крутами понесли крупные потери в двухдневном сражении. Я послал за телеграфисткой в город арестовать ее и еще одного телеграфиста, ее соучастника.

Солдаты их арестовали на квартирах ночью и привезли ко мне. Когда она стала отпираться, я стал читать ей по ленте и сказал: “Вас за это шпионство надо бы отдать расстрелять, но если бы наши отряды были разбойничьими шайками, то я отдал бы вас солдатам изнасиловать”.

Перед этим я их расспросил, на что они существуют, и когда оказалось, что это просто рядовые служащие, то и сказал телеграфистке упомянутую фразу, а телеграфисту повторил угрозу расстрелять.

Но я их простил и под конвоем отправил обратно на квартиру. В это время находившийся здесь Лапчинский вспыхнул от моей фразы телеграфистке. Предварительно перед приведением телеграфистов ко мне я сказал Лапчинскому и другим, находившимся со мной, что я телеграфистов только поугаю, но не буду отдавать под расстрел. Лапчинский и другие одобрили мое решение поугать, солдаты же настаивали на расстреле - по их лицам было видно недовольство моим распоряжением. При объявлении моего решения в салон вагоне телеграфистам присутствовало много народа, все приходило по делам.

Я категорически настаиваю на том, что телеграфистка после моих слов не была изнасилована. Этого не могло быть потому, что проводить ее я послал своего начальника службы связи. После этого я проезжал не раз через Нежин и узнал бы об этом событии. Но все же моя фраза [об изнасиловании] послужила толкам в городе.

Я всегда отдавал категорические приказания командующим армиями и никогда не имел непосредственного отношения с рабочими, никогда не отдавал им приказаний делать что-либо под угрозой расстрела. Никакого распоряжения поправить мост в известный срок рабочим я не отдавал, т.к. ошел дело только с командующими армиями. Никогда не было случая, чтобы я какого-либо солдата из своего или чужого отряда бил или

исколотил. Лишь в Полтаве 7 января, когда ко мне в вагон-салон явились депутаты от почтово-телеграфных чиновников с резолюцией о том, что они советской власти не признают и на работу не встанут, то я схватил за глотку одного из депутатов и потряс его, заявив, чтобы передали всем чиновникам мой приказ признать советскую власть и встать на работу (тут был и тов. Мартьянов, который бился с ними и ничего не мог поделать).

После этого, со следующего утра они встали на работу, позже от них явилась делегация с заявлением о признании советской власти.

Никогда не было такого случая, чтобы я своей рукой убил кого-либо. И у ст. Дарница, когда машина не пошла, я шофера не убивал. Фразы с угрозой отдать на изнасилование секретаршу (тогда экономку моего штабного вагона) я не произносил. Секретаршу же свою, действительно, уволил за многие ее выходки и, в частности, после того как она была причиной того, что поезд не был подан мне вовремя на ст. Киев.

Перед боями под Киевом, ввиду утомленности войск предшествующими боями, я через начальников отрядов обещал солдатам их накормить, напоить и наградить. Обещал им теплые квартиры и одежды и по 100 рублей каждому, а затем уже во время боя пообещал семьям убитых по 1000 рублей, а раненым по 500 рублей. В это время надо было Киев взять, во что бы то ни стало, т.к. тогда шли Брестские

переговоры. Приходилось также поощрять наградами во время самого боя. Деньги были розданы, как я обещал, через командующих армиями.

Войска, действовавшие против Киева, состояли из двух армий: Первой рев[олюционной] армии Егорова, состоявшей из красногвардейцев Петрограда, Москвы, Дона, Харькова, и Второй армии Берзина, состоявшей из регулярных войск, возвращавшихся с фронта.

В Первой рев[олюционной] ар[мии] была строгая дисциплина, так что красногвардейцы даже для водворения порядка расстреливали друг друга. В Первой армии были и дисциплинированные солдаты и хулиганье. Так, Донецкий отряд состоял из трех разных маленьких отрядиков (всего 600 человек), Макеевский отряд (угольные Макеевские шахты) был очень хороший и дисциплинированный, начальником его был Жлоба. Другой отряд, которым командовал один латыш, и еще отряд, состоявший из анархистов Донецкого бассейна (им командовал анархист Соколов), занимались грабежами и собирали контрибуции. В среде этих анархистов было пять идейных, а все остальные - попросту уголовный элемент.

Помню на ст. Яготин около 18 января [1918 г.] ко мне явились жители и показали бумажку, на которой стояло "Боевой отряд Донской федерации "Мертвая голова"" с указанием, чтобы жители

внесли в условленное место 6000 р[ублей]. В случае неисполнения содержалась угроза истребления жителей мечом и огнем [...] В этот момент при мне был кто-то из коллегии народных секретарей, кажется Лапчинский и Коцюбинский. Я успокоил жителей и заверил их, что приму меры.

Как только жители ушли, ко мне пришло три вооруженных анархиста, один из которых спросил: “Это вы отменили наше распоряжение? Какое право вы имели отменить наше постановление?” Я ответил им: “По праву главнокомандующего” и добавил, что не отряды, а главнокомандующий имеет право распоряжаться. После этого я потребовал, чтобы они отправлялись к себе, скомандовав им: “Кругом марш”. Заметил, что если они попробуют взять у жителей деньги, то я с ними покончу. Тогда они мне заявили, что раньше они разделяются со мною. Я, было, взялся за револьвер, но меня остановили. После этого до самого Киева [эти анархисты] себе ничего не позволяли.

А перед этим случаем у меня было столкновение с анархистами Брянского отряда на почве их отказа исполнять мои распоряжения, а также в связи с проводимыми ими самочинными реквизициями и грабежами. Кончилось тем, что я разоружил этот отряд.

Все эти анархистские отряды были связаны своими федерациями. На юге крупных федераций было три: в Харькове, Одессе и Киеве. Они

формировали отряды, действовавшие вместе с советскими войсками. Были в моих отрядах анархистские отряды Зейферта, М.Никифоровой. До Киева же был всего один отряд Донских анархистов, также в армии у нас были отдельные анархисты, занимавшие ответственные должности - доктор Розенкампф, начальник связи Додонов, начальник контрразведки Зелинский, начальник одного отряда Зейферт.

М.Никифорова до Киева была рядовым бойцом на броневом автомобиле, я знал ее по борьбе против Керенского, она сидела в Петербурге в тюрьме пять лет вместе с Васькой Богданом, известным максималистом и начальником моего броневоего поезда [...] Припоминаю, что в поезде у нас был какой-то Барс, но связывается у меня с ним что-то нехорошее. После Киева, на Румынской фронте, я прочел в газетах, что какой-то отряд М.Никифоровой бесчинствует, вскоре я получил от нее телеграмму, что она с отрядом идет ко мне на фронт. Я тотчас дал ей назначение: у нее был организованный ею же отряд в 120 человек.

Командующим. Первой армии Егоров был назначен потому, что имел видное революционное прошлое благодаря своим отличиям в боях с контрреволюционерами. Знал я еще одного партийного работника, Козюру, который был начальником штаба у Егорова и вместе с тем состоял товарищем народного секретаря путей сообщения Украины (кажется, Бакинського). Знал я

еще Моисеева, но не знал, что он большевик: я принял его за офицера, когда он пришел в штаб Егорова.

Вторая революционная армия Берзина, хотя была и лучше технически оборудована, но уже поддалась разложению на фронте. В самой армии было мало понимания задач революции, она отличалась революционной фразеологией. Во Второй армии также были прекрасные работники - например Берзин, Фейерабэнд, Павлов, Ремнев. Особенно Берзин произвел на меня впечатление крупного, серьезного работника, знающего и дельного революционера. Командир 11-го Сибирского полка прапорщик Голиков был очень хорошим человеком, но никакого влияния на подчиненных не имел, т.к. начальники боялись своих солдат.

Это было одно только горе, а не дисциплина. Положение было критическое. Так, 24 января на станции Киев-II 11-й Сибир[ский] стр[елковый] полк, остававшийся в резерве, вдруг заявил, что в бой не пойдет, т.к. приказ [о наступлении] нужно было передавать не через командира полка, а через комитет. Сибирский полк устроил митинг, на котором и решено было в бой не идти. Тогда я подъехал к полку и заявил, что если полк не выстроится, чтобы идти в бой, я разнесу его бронированным поездом. Наконец полк пошел в бой во главе со мной и Егоровым.

В моих отрядах никаких комитетов не было, 11-й Сибирский полк был прислан к нам из Харькова и догнал нас почти перед самым боем [...]

После взятия Киева я принялся за организацию власти и наведение порядка. Так, первым делом 26 янв[аря] были освобождены из тюрьмы Чудновский, Гузарский, Боярский, ген[ерал] Егорьев. Чудновский был назначен мною гражданским комиссаром г. Киева по соглашению с исп[олнительным] ком[итетом] киевского совета и теми украинскими секретарями, которые были со мною в поезде. Затем я явился в и[сполнительный] к[омитет] с[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и предложил создать военно-рев[олюционный] комитет по образцу петроградского, когда он организовался при мне в октябре [...] до приезда ЦИК Совета. Это было с 26 на 27 января.

С этого момента я не вмешивался ни в политические, ни в гражданские дела, а направлял всех в воен[но]-рев[олюционный] комитет и к гражданск[ому] комиссару.

Воен[но]-рев[олюционный] комитет состоял из председателя Иванова и др. Я хотел возложить несение караульной службы на Первую армию, но она была ужасно уставшей. Таким образом, пришлось поручить охрану порядка Второй армии. Начальником Второй армии был Ремнев, который круто держал свою армию. Но все же два раза в день я проверял Ремнева, бывал в его штабе.

Я неоднократно делал замечания по поводу невыполнения гарнизоном моих приказаний по внешней и внутренней охране [города] и, в частности, по поводу самочинных реквизиций, грабежей и расстрелов.

Мандат на реквизицию мог быть выдан только мною, Ремневым и Чудновским. Приказы о расстрелах могла выдавать только следственная комиссия от воен[но]-рев[олюционного] комитета при штабе Ремнева во дворце. В ней участвовали к[акие]-то киевские адвокаты, б[ольшевик]и и лев[ые] эсеры, но никто из армии не входил в следствен[ную] комиссию. Следствен[ная] комиссия была при штабе Ремнева потому, что на нем лежала охрана города.

26 янв[аря] были расстрелы генералов и офицеров и вообще пленных контрреволюционеров около дворца Марии Федоровны на Александровской улице. Расстрелы производили отряды Ремнева по своему усмотрению. 26 янв[аря] к вечеру следствен[ная] комиссия мною была организована и я настоял, чтобы она приступила к занятиям.

Во время объезда Киева мною никто не останавливался на улице, и я никого не приказывал увести в штаб, не приказывал расстрелять. Во время боя, когда я пошел в атаку, я велел одной сестре милосердия убраться с улицы. Это было возле пассажирского вокзала [...] утром 25 января [...] Во время боя в Киеве было убито с нашей

стороны три сестры и три или четыре доктора. Розенкампа тяжело ранило.

В автомобиле со мною всегда ездил кто-либо из моих отрядов - матросы или красногвардейцы или кто-либо из командующих отрядами. Во время работы в Киеве я жил в своем вагоне. Ремнев жил сначала во дворце, а затем на Банковской улице.

Деньги на содержание армий (2 миллиона) я получил от управляющего государ[ственного] банка по приказанию Ауссема.

Массовые расстрелы производились 26 января, причем я приказал, чтобы все случаи рассматривались штабом Ремнева, но войска мстили и вошли в такой азарт, что остановить их не было никакой возможности. Солдаты так озверели, что 26 янв[аря], когда я, было, воспротивился их расстрелам, один из солдат крикнул на меня, чтобы я не разговаривал и хотел меня прикончить, но один из моих конвоиров сказал ему: "Ты что, не видишь, что это главнокомандующий!" Тогда солдат заявил: "Ну, ладно, проходи уж".

С 27 янв[аря] утром расстрелы уже были прекращены. У нас не было 26 янв[аря] фактической силы, чтобы опереться в борьбе против самосудов и расстрелов. 27 янв[аря] упоение расстрелами спало естественным путем и затем занялись реквизициями белья и обуви.

Реквизиции происходили массовые, причем войска конфисковали в богатых особняках драгоценностей на несколько миллионов. Комендант гостиницы “Савой” Ганько сообщил мне, что у него в гостинице находятся конфискованные драгоценности, и спросил, что с ними делать.

Боясь расхищения, я явился туда сам. При мне все драгоценности были погружены в два грузовика и были отвезены в Государственный банк, где сданы управляющему. Была получена расписка в приеме этих вещей. Кем конфисковались драгоценности - не знаю, точно не помню. Кажется, донесли из особняков, что драгоценности хотят разграбить, в предупреждение чего они были взяты для отправки в гос[ударственный] банк. Квитанция одна была у Ауссема, копия у меня.

С приходом наших войск в к[акой]-либо город в войсках начинались грабежи и пьянство. Местные банды умышленно делали так, чтобы впечатление от советских войск было неблагоприятное. Это было дело рук контрреволюционеров, дабы дискредитировать советские войска.

[...] В ответ на заданный мне вопрос, был ли случай расстрела офицера, который шел с дамой и которого я, якобы, приказал расстрелять, скажу, что бывали случаи, когда офицеры и солдаты гайдамацких войск, желая спасти свою жизнь,

приставали к дамам и под видом мужей шли с ними.

Контрибуции я лично накладывал три раза. Приказывал купцам к такому-то времени собрать столько-то денег и вносить деньги в банк на счет секретариата. Деньги я получал от Ауссема. Так, в Полтаве я получил 300 000 руб. Лично я контрибуционными деньгами никогда не пользовался. В Киеве я приказал купцам внести в банк 10 миллионов в пользу рабочих и войск. Контрибуция была мною наложена на Киев после обсуждения и согласия всего секретариата.

Никто из секретарей не заявил мне о своем несогласии. Ауссем сам на Киев наложить контрибуцию не мог, так как не располагал силой.

2 миллиона я получил от Ауссема для войск, 2 мил[лиона] - для передачи в Одесск[ий] комиссариат народному комиссару Раузеру. Казначей у меня не было, деньги принимал и сохранял я сам. Бывали случаи, когда я приносил большую сумму денег и давал их находящимся в это время в вагоне сосчитать и положить в денежный ящик. Строгой отчетности не велось, многое не записывалось, после Киева стал записываться расход.

Иногда отряды без моего ведома, накладывали контрибуции, напр[имер] Маруся Никифорова. Из взятой без моего ведома контрибуции в Кременчуге я получил от Ауссема 800 тыс. рублей для войск [...]

От Антонова я получил 150 тыс. рубл[ей]. В Одессе получил 1,5-2 миллиона, точно не помню. В Полтаве около 16 марта мне были переданы Ауссемом 100 тыс. рубл[ей] для сирот убитых красноармейцев Петрограда и Москвы. Еще получил я 320 тыс. от Любинского (комиссар для поручений штаба фронта, с[оциал]-д[емократ] меньшевик). Эти деньги были отобраны от казначея управления тяжелой артиллерией.

Из этих денег я, по условию с Любинским, должен был дать анархистам 100 тыс. рубл[ей], но отказался их выдать. Из этих денег я выдал офицеру тяжелой артиллерии под расписку 120 тыс. руб[лей] для расплаты с управлением и на жалование чинам.

Затем при конфискации драгоценностей войсками коменданта отряды взяли еще 500 тыс. руб., из которых около 119 тыс. руб. или 126 тыс. руб. были возвращены управляющему терещенковскими домами рабочим для расплаты, т.к. эти драгоценности и деньги были конфискованы у Терещенко.

Никаких пожертвований, никаких других сумм я не получал. Обо всех этих суммах я хотел представить полный отчет в комиссариат по военным делам.

Во время гражданской войны мы часто не имели физической возможности вести полную отчетность (просто за отсутствием бумаги и

перьев). Я получил всего за все время около 5-6 миллионов.

После взятия Киева у меня начались трения с отдельными членами секретариата, с Коцюбинским:

1) из-за подчинения армии мне или Коцюбинскому;

2) из-за жалоб секретариата на Вторую рев[олюционную] армию по поводу реквизиций и грабежей. Я защищал Вторую рев[олюционную] армию от нападков, т.к. знал, что грабежи производились гайдамаками и темными элементами Киева и сваливались на Вторую армию.

Около 28 или 29 января Коцюбинский дал телеграфные приказания не исполнять моих приказаний - к примеру, начальнику советских войск, которые стояли в Чернигове. Этот начальник привез мне телеграмму Коцюбинского, который издал свое распоряжение, как секретарь по военными делам Украины и как командующий украинскими войсками.

Но Ленин мне прислал телеграмму с обозначением главнокомандующему Муравйову и тогда я словесно отдал приказ командующим армиями о том, что советские войска подчиняются только мне, а не Коцюбинскому.

Этот инцидент произошел спустя два-три дня после взятия Киева и за два-три дня до моего отъезда на Румынский фронт. Украинских войск "червоного казачества" было всего 300 чел. под

началом Примакова и 150 чел. в Бахмаче. После моего приказа меня вызвали в украинский секретариат и потребовали объяснений, я объяснил, почему так поступил, и заявил, что подчинюсь в том случае, если на то будет распоряжение из Петрограда.

Отменил ли я свое распоряжение - не помню, т.к. мне была прислана телеграмма из Петрограда, чтобы я двинулся на Румынский фронт с северными советскими армиями.

Наконец, третья причина моих не согласий с украинским секретариатом заключалась в том, что я получил сведения от иностранного информатора о том, что на Киев наступают австро-германцы. Тогда я предложил план обороны не только Киева, но и всей Украины: один плацдарм занимал Могилев на Днестре, Каменец-Подольск, Жмеринку, Проскуров, а другой - Дубно, Ровно и Луцк.

Чешский совет во главе с Массариком предложил мне две дивизии чехов, стоявших на Украине, а Высший Польский Совет - польские легионы. Один из начальников 2-й чехословацкой дивизии, Подгорецкий, представлялся мне еще во время похода на Киев.

Но для этого нужно было организовать штаб. Я решил восстановить юго-западный фронт, так как он был раньше. Я назначил на пост главнокомандующего юго-зап[адным]фронтом ген[ерала] Егорьева, который через несколько дней заболел. На его место я назначил Гузарского, о чем

донес Ленину, Крыленко, Подвойскому и Антонову.

Вскоре после взятия Киева, 27 или 28-го января я собрал в своем вагоне совещание, на котором присутствовали Коцюбинский, Гузарский, Н.Н.Кузмин (комиссар 7-й армии) и один из командующих моей армии, кажется Ремнев. Совещание носило узко-военный характер, касалось стратегической обороны Украины и организации юго-западного фронта. Юго-западный фронт я считал лишь частью всего общего внешнего фронта, в то же время Коцюбинский считал, что юго-западный фронт - чисто Украинский и заявил, что фронт этот не подчиняется главковерху Крыленко. Я, стоя на формальной точке зрения, отстаивал свое положение. Хотя у нас не было постоянной связи со ставкой, но она восстанавливалась, когда мы занимали те или другие места. Коцюбинский же отстаивал свое командование Юго-западным фронтом, тогда как я назначил на пост главнокомандующего юго-зап[адным] фронтом Гузарского.

Мой план обороны был принят, но Украинский секретариат стал относиться ко мне недружелюбно и недоверчиво. Когда я получил от председателя Совнаркома телеграмму отправиться на Румынский фронт, я видел, что украинский секретариат против моего отъезда ничего не имеет,

и даже были рады, несмотря на необходимость обороны.

Как только мы взяли Киев, я отдал приказ Ремневу двинуть войска в направлении Житомира, что и было исполнено - был послан конный отряд, которым командовал, кажется, бывший кавалерийский офицер Потураев. Бердичев был взят частями 7-й армии Павлова, Ростов - частями 7-й армии, 2-м гвардейским корпусом, Умань взял Кулик.

Вместе с тем я отдал приказ Гузарскому продолжать операции против отступавших из Киева гайдамацких украинских войск, [однако этого не удалось]: Ремнев фактически не мог проводить операции, т.к. его армия находилась в процессе демобилизации, согласно приказу главковерха; Первая же армия находилась в процессе реального разложения ввиду агитации неких Моисеева и Лapidуса, которые незаконно, без ведома командующего армией Егорова и без моего ведома собрали армейский комитет из несуществующих частей.

Комитет вошел в конфликт с Егоровым и приказание Ленина о движении со мною на Румынский фронт Второй армии не было исполнено армейским комитетом. Вот почему я уехал один на Румынский фронт. 11-й Сибирский полк отказался идти на фронт также как и все регулярные части, подлежавшие демобилизации. Поэтому я и указал им место сдачи имущества -

Ромны, а для Второй армии для той же цели Конотоп и Брянск.

В Первой армии накануне моего отъезда уже появилось разложение: часть армии хотела идти со мною на Румынский фронт, другая - отказалась, третья же часть (Москов[ские] и Петроград[ские] красногвардейцы), несмотря на все мои уговоры, самовольно уехали в Петроград защищать его от наступления двигавшихся немцев.

Хочу упомянуть еще об одном факте при взятии Киева: украинцы били по нас из артиллерии, расположив ее на Аскольдовой могиле, где находились громадные склады взрывчатых веществ, но мы не стреляли во избежание взрыва всего города.

Внешний фронт совершенно не был защищен и фронт не был занят какими бы то ни было войсками, в Киеве также не осталось боеспособных войск, кроме 5-ти тысяч сформирован[ной] мною красной гвардии и войск 2-го гвардейского корпуса.

На Румынский фронт я уехал без войск, и там пришлось вновь формироваться. Вскоре после получения телеграммы от Ленина ко мне пришел взволнованный Егоров, сообщив, что организовался армейский комитет, который вступил с ним в конфликт. Я приехал в Дарницу, где располагался комитет, и заявил им: "Когда надо действовать быстро, вы собираетесь перечеркнуть оперативные действия командующего. Приказываю

вам немедленно двинуться на Румынский фронт”. Однако они не исполнили приказания. Я поехал в Одессу без войск и там я скрывал, что у меня войск нет. Через две недели Егоров приехал ко мне и сказал, что часть Первой армии идет к Одессе. Там же я передал Егорову, что т[ак] к[ак] армейский комитет собран из частей уже расформированных, то его нужно распустить.

Когда Егоров уехал, я получил сведения о том, что Егоров арестован армейским комитетом. Тогда я приказал Мойсееву и компании приехать ко мне. Я совершенно не знал, что ими собирается армейский съезд. Узнал я об этом позднее, когда был в Могилеве на Днестре от неких лиц, именовавших себя делегатами съезда. Лица эти были вооружены, и я узнал, что они хотели меня убить, будучи подосланы.

После ухода делегации проводник моего вагона сказал мне, что делегацию нужно арестовать, т[ак] к[ак] уходившие разговаривали между собою: “Жаль, что он там не один. Так и не удалось хорошенько придавить его”. Но я делегацию не арестовал, а сказал: “Пусть уезжают”.

Моисеев же и Лapidус не явились. Благодаря их отходу из Киева, обнажился фронт у Белой Церкви и Цветково на Румынской фронте. Тогда я послал телеграмму о том, что объявляю их “вне закона”, дабы они скорее оставили эти пункты.

Пилиповецкого из Одессы не знаю, но по поводу 1-го Советского полка имени Ленина могу сказать следующее: полку было мною приказано выступить на фронт. После этого вдруг ко мне явилась делегация, которая потребовала, чтобы им заплатили жалование вперед за месяц и хотели подождать два дня.

Я им отказал, заявив, что денег вперед не дам. Никого из делегатов я не выгонял. Предложил им исполнять. Штаб округа удовлетворил их, но они все же не исполнили приказа. Тогда я приказал разоружить их. Казармы были окружены, и у солдат Советского полка в числе 600 человек было отобрано оружие, выданное им новое белье и сапоги. Затем они были отправлены на грузовом транспорте в Крым.

Приказание это мое приводил в исполнение морской штаб и матросы. В тот город, куда я их послал, я отправил предупреждение местным властям, кто оправлен мною в данный город, чтобы знали, кто едет. Возможно, что в телеграмме я назвал их контрреволюционерами. Знаю, что их сопровождал вооруженный транспорт.

Относительно телеграммы моей о предательстве Коцюбинского заявляю, что она была извращена телеграфистом из Киева, бежавшим от меня, а затем начальником печати Шестопалом, который был отдан под суд и приговорен к шести годам каторги. Отправлен он был в г. Саратов, откуда кто-то его освободил.

Однако я послал об этом опровержение, где указал, что телеграмма извращена, и что виновные преданы суду. Содержание же моей телеграммы заключалось в том, что я указывал на преступную халатность и непринятие мер по обороне Киева, которые я предлагал Коцюбинским. Выражение о предательстве Коцюбинского не было и не могло быть. О суде было такое выражение: “Коцюбинского следовало бы предать партийному суду”.

Узнал я об извращении моей телеграммы уже полторы недели после ее отправления. Кто-то случайно мне указал на то, что моя телеграмма извращена, и я тогда немедленно без указаний с чьей бы то ни было стороны, отправил опровергающую телеграмму. Телеграмму об объявлении Моисеева и Лapidуса “вне закона”, однако, не послали, в чем виновен был начальник бюро печати.

Я считаю, что Коцюбинский мог быть объявлен изменником и не на основании моей телеграммы. Шла молва о том, что в Киеве было много разных войск – например, части 7-й армии, чехословацкие войска и другие - те ресурсы, которые готовились для обороны Украины, [однако они не были использованы Коцюбинским] [...]

В Москву я приехал 22-25 марта. Виделся с Лениным, Троцким, с разными комиссарами, заходил и в эсеровскую партию. Я выступал на

митинге в Народном Доме вместе с Доброхотовым и Доброхотовой, где говорил о “передышке” и призывал голосовать за большевиков, т[ак] к[ак] тогда шла кампания выборов в совет. Затем я поехал на завод Гужона по указанию т[оварища], сидевшего в партии. В то время отношение между анархистами и большевиками было вполне лояльным - 22 марта было постановлено московским комиссариатом военных дел вооружать анархистские отряды наравне с прочими.

При расформировании моего штаба я дал анархисту Зелинскому, начальнику моей контрразведки, 2 пулемета с четырьмя лентами для передачи киевским и харьковским анархистам в Харьков, но с условием, чтобы дать их анархистским отрядам для борьбы с немцами. У меня есть расписка от Зелинского, в которой указано назначение пулеметов. [Пулеметы были выданы] вместо тех 100 тысяч рублей, которые от меня анархисты требовали от Любинского.

Я поехал к жене в Тулу. Когда 14 апреля я возвратился [в Москву] мне сказали, что состоялось разоружение анархистов. Потом оказалось, что Зелинский приехал с группой анархистов и взял пулеметы, которые были, по-видимому, сданы им на хранение в револ[юционн]ый штаб Курск[ой] ж[елезной] д[ороги].

Еще до моего отъезда в деревню я один раз застал в своем вагоне как гостей Зелинского, Льва

Черного и Козеева, которые беседовали с Зелинским. Я познакомился с ними, и мы повели беседу о положении на Южном фронте, о войне с Германией. Они рассказали о своей федерации и о том, что им разрешено комиссариатом вооружаться, о своей численности, о том, что они хотят послать свои черные батальоны на фронт.

Анархисты отзывались сочувственно о советской власти. Ко мне они приставали с расспросами о расстреле анархистов на юге. [При этом] относились ко мне холодно, как бы допрашивая меня.

Когда они сказали, что у них 10 тыс. членов федерации и что они хотели послать отряды к Антонову, я им из любезности заметил, что если я получу назначение на Кавказ, то я взял бы их отряды с собою. Посидели они минут двадцать и ушли с Зелинским.

Спустя некоторое время после 15 апреля я встретил Троцкого, который спросил меня, где я пропадаю. Назначение на Кавказ военным руководителем я получил 16 апреля, однако мне предписывалось не уезжать до того времени, пока не получу политических комиссаров. Этот мандат был у меня отобран Чрезвычайной комиссией при аресте.

До назначения политических комиссаров я приступил уже к организации экспедиции на Кавказ и формированию штаба. Ввиду того, что я от военного комиссара денег на формирование не

получил, я заимообразно (под отчет перед казной) взял 525 тыс. рублей у командующего армией Ремнева. Комиссар был назначен, а именно - Зетин, от ЦИК Советов.

Чтобы не терять времени, я отправил свой штаб в Царицын. Для формирования армии и уплаты жалования красноармейцам нужно было 5 млн. рублей. С Мехонишиным я встретился 27-го апреля в штабе округа, он мне сказал, что меня, вероятно, скоро вызовут как свидетеля. На другой день, 28 апреля я пришел в штаб. Ко мне подошел Попов, который сказал, что меня вызывают в Следственную комиссию.

Я поехал в Чр[езвычайную] сл[едственную] ком[иссию] и там был арестован Дзержинским. До ареста моего мне никто не объявлял, что мое назначение отменено.

Берзину, который отправился в Царицын со штабом, я выдал 400 руб., в чем он мне дал расписку. Расходы для штаба были произведены на несколько тысяч, на которые у меня имеются отчеты.

Был случай в Киеве, когда я предложил Додонову деньги как вознаграждение за хорошую работу, но он отказался, говоря, что не нуждается.

Не помню, поручал ли я кому-нибудь в Киеве формировать отряды из военнопленных. Интернациональные отряды из военнопленных формировались. Из германо-австрийских офицеров я помню только Киндера, который

командовал тяж[елой] английской батареей при взятии Киева и в боях против австро-германцев.

М.Муравйов

ДАРФ, ф.1029, оп.1, спр.15, арк.56-73. Рукопис, оригінал. Там же, арк.75 зв-87 зв. Завірена копія, машинопис.

48. Доповідь М.А.Муравйова про здобуття радянськими військами Києва у січні 1918 р.

Без місця

Без дати

*Взятие Киева советскими армиями 20-25 января
1918 года*

В ночь с 19 на 20 января [1918 г.] советским армиям, наконец, удалось преодолеть последние препятствия, которые преграждали нам путь к Дарнице. Тут, как я и предполагал, мы должны были встретить сильное сопротивление со стороны Украинской армии. Это был последний стратегический пункт, где наши противники могли последний раз попытаться счастья в открытом бою в поле. Далее сопротивление враг мог нам оказать только в самом Киеве, с высот, отделявшихся до Дарницы широким Днепром с двумя мостами для переправы. Киев господствовал над нами топографически, не говоря уже о громадных силах,

сосредоточенных там, а также богатых технических средствах.

Итак, утром 20 января Первая армия Егорова, пройдя с боями 45-верстный переход пешком по полтавской дороге, подошла к Дарнице. Вторая армия Берзина, починив мосты у ст. Бровары, под огнем противника вдоль реки (названия без карты не помню) по Черниговскому шоссе появилась у Дарницы.

Таким образом, обе армии, разделенные во время наступления на Киев стоверстным пространством, теперь соединились.

Как и следовало ожидать, противник решил дать бой на пороге Киева у Дарницы. Отданная мною диспозиция для боя исключала возможность Украинской армии долго тут держаться. На громадном фронте наши армии стали развертываться под прикрытием артиллерийского ураганного огня, который я приказал направить главным образом в тыл Дарницы с тем, чтоб не дать возможности резервам противника подходить к моим передовым отрядам, защищающим Дарницу. И когда обе советские армии начали своими наружными флангами зажимать украинцев в железные тиски, угрожая отрезать их отступление через Днепр по мостам. Украинская армия дрогнула и стала быстро отступать, прикрываясь арьергардами. Но и последние были сбиты неудержимым натиском революционных войск.

Вид Киева, красовавшегося на высоких горах, еще более опьянял и воодушевлял войска. К полудню Дарница была в наших руках, противник оставил на станции громадные трофеи: артиллерию, снаряды, провиант и т.д.

Передовые части Первой армии, преследуя противника, на его плечах перебежали железнодорожный мост и утвердились на правом берегу Днепра. Передовые части Второй армии заняли Печерскую слободу перед Цепным мостом. Противник в это время переправился через Днепр и укрылся в Киеве, прикрываясь широкой рекой и могущественной природной крепостью - высокими скалистыми горами, изрезанными глубокими ущельями и балками, в которых живописно располагались отдельные домики. На гребне этих гор красовался город со своими монастырями, храмами, дворцами...

Украинцы с киевских высот засыпали ураганом огня революционные армии, которые вначале как замороженные, молча остановились, любуясь чудной красотой города, к которому все так стремились, чтобы водрузить в нем знамя социальной революции. Но не долго пришлось любоваться, ураганный огонь противника заставил войска очнуться и укрыться на местности, насколько последняя позволяла.

Я вызвал командующих армиями с их начальниками штабов, командирами частей и

начальников отрядов и отдал им, насколько помню, диспозицию и приказ-воззвание [...]

Вкратце диспозиция была следующая: Первой армии, переправившись через железнодорожный и стратегический мосты (последний был поврежден), занять линию железной дороги со всеми станциями и атаковать город с южной стороны и юго-запада, отрезая, таким образом, отступление украинцев к Фастову. Второй армии - во что бы то ни стало перейти Цепной мост (который в это время сильно обстреливался украинцами и хорошо был приспособлен к обороне с правого берега Днепра) и атаковать город с востока со стороны Днепра, заняв прямо центр города. Артиллерии обеих армий немедленно [приступить] к бомбардировке города. Армиям держать связь между собою и с моим штабом. Все находящиеся в Дарнице лазареты приспособить для раненых. Организовать подвоз снарядов и продуктов войскам и т.д.

Приказ-воззвание, в общем, гласил: "Рабочие, солдаты, матросы! Вы рядом побед, железом и кровью восстановили власть крестьян и рабочих на Украине. Перед Вами столица Украины, последний оплот контрреволюции, буржуазии, помещиков, дезертиров, генералов и офицеров, которые беспощадно истребляли восставших наших братьев рабочих. Вы должны взять этот город, водрузив красное знамя социальной революции на этих чудных прекрасных берегах

Днепра. А там далеко на берегу другой нерусской реки, в сердце воинственного капитализма Берлине ждут нас наши братья рабочие, поднявшие красное знамя восстания против тирании капитала и Вильгельма, провозгласившие власть Советов... Вперед! Да здравствует Третий Интернационал!" Хотя впечатление этот приказ произвел на революционные войска потрясающее, но ему предшествовало одно мое распоряжение, которое более всего, кажется, способствовало энтузиазму войска.

После боя под Дарницей, когда войска очутились перед Киевом и увидели громадный город, расположенный за широкой рекой на неприступных горах, к тому же еще обстреливаемых ураганным огнем [противника], то многие пали духом и прислали делегатов ко мне. Последние заявили, что такого города не взять с нашими силами, что они устали после многочисленных боев, поизносились и т.д., что нужно потребовать подкрепления, одеться, обуться и отдохнуть. Особенно настаивали на этом регулярные войска.

Я совершенно не имел связи с Петроградом, несмотря на все мои просьбы, чтобы меня народные комиссары информировали относительно положения дел, как во внутренней, так и во внешней политике. Я осознавал, что Киев должен быть взят, во что бы то ни стало и как можно скорее, что взятие его должно иметь громадное

значение в Бресте и Новочеркасске. А потому я и обещал войскам через делегатов, что за взятие Киева каждый боец получит наградных по 100 рублей, одежду, белье и обувь - одним словом, кто, в чем нуждается.

Насколько мне стало известно после, это обещание и приведенный выше приказ воодушевили войска. Впоследствии во время дальнейших боев пришлось еще обещать...

К вечеру 20-го и всю ночь на 21-е [января] в обеих армиях кипела работа по установке батарей, устройства тыла, связи. На передовой слышалась линейная перестрелка и редкая орудийная стрельба. Обе стороны готовились к решительным действиям. Так закончился первый день осады столицы Украины.

Силы обеих сторон были следующие: гарнизон Киева [состоял из] частей разбитого 1-го корпуса генерала Скоропадского (около 10 тысяч пехоты, 7 или 9 батарей, 3-4-х эскадронов [кавалерии]), частей 3-го, 5-го, 2-го и 4-го украинских корпусов - всего около 35 тысяч человек. В состав этих корпусов входили все роды оружия. Кроме названных корпусов, главным ядром и самой надежной частью гарнизона являлись офицерские батальоны, юнкера двух военных училищ и 5-й школы прапорщиков, батальоны учащейся молодежи и белогвардейцев, разные партизанские отряды.

Всего по имевшихся у нас данным силы противника насчитывали около 60 тысяч пехоты, 100-150 орудий, инженерные и технические войска [...] В моральном отношении армия противника не была в таком блестящем состоянии, как в количественном и техническом отношениях. Она понесла ряд поражений, солдаты -крестьяне не знали за кого и за что дерутся, и смутно осознавали, что право и справедливость на стороне противника, т.е. нашей. Идейной частью армии были офицерство, юнкера, белогвардейцы и партизаны. Они-то, главным образом, упорно и ожесточенно дрались.

Силы обеих советских армий не превышали 8,5 тысяч человек при 48 орудиях. Первая армия, состоявшая из красногвардейцев, имела около 3 тысяч человек пехоты, 22 орудия, один броневой поезд, два броневика. Вторая армия, состоявшая из регулярных войск, имела около 5 тысяч человек пехоты, 26 орудий, 1 броневой поезд и два броневика.

Несмотря на свою малочисленность, уступавшую противнику много раз, Первая и Вторая армии, зато отличались закаленностью в боях (особенно Первая армия) и сильным революционным духом - я повторяю, бессознательным в массах, но с могучим источником классовой борьбы. Жестокая расправа с восставшими и побежденными киевскими рабочими усиливала этот инстинкт жаждой

беспощадной мести к украинской буржуазии. Заметно было также в массе солдат, в их намеках на богатство города, желание там пожить за счет буржуев, причем совершенно искренно и прямолинейно они в большинстве понимали в этом суть классовой борьбы.

Все взятое вместе составляло тот могучий дух 8,5 тысяч человек, которые с безумной отвагой атаковали миллионный город с неприступными природными твердынями и многочисленным гарнизоном, и водрузили красное знамя революции в столице Украины.

*ДАРФ, ф.1029, оп.1, с15, арк.96-112. Оригінал, рукопис.
Там же, арк.113-114 зв. Завірена копія, машинопис.*

Географічний покажчик

- Австрія 222
Баку, м. 27, 152
Бахмач, ст. 17, 48, 74, 123, 143, 153-155, 161, 179-180, 206, 258, 278-280, 297
Бесарабія 91
Бердичев, м. 226, 300
Березань, ст. 206, 209, 282
Берлін, м. 114, 222, 281, 312
Біла Церква, м., ст. 50, 58, 302
Білгород, м. 125
Бірзула, ст. 198, 244, 245
Бобринська, ст. 91
Бобровиці, ст. 116-117, 206
Бориспіль, ст. 232
Бровари, м. 156
Брянськ, м. 113, 181, 216, 301
Бурдуков, с., Костромська губ. 6
Вапнярка, ст. 107
Відень, м. 222, 281
Ворожба, ст. 181
Гадяч, м. 180
Гатчина, Петроград 99, 205, 212
Глухів, м. 181
Голта, ст. 76
Гомель, ст. 143, 155-156, 160
Гребінка, ст. 58, 79, 122, 143, 199, 249, 278-279

- Дарниця, ст. 60-61, 79-81, 111, 123-125, 140, 143, 157, 172, 207, 244, 251-252, 254, 268, 279, 286, 301, 308-309, 312
- Дніпро, ріка 232, 302, 308-311
- Дон, ріка 247, 277, 287
- Донецький басейн 92, 94, 287
- Житомир, м., ст. 56, 104, 159-160, 226, 300
- Жлобин, м. 155, 161
- Жмеринка, м., ст. 114
- Закавказзя 233-234, 274
- Зерново, ст. 181
- Знаменка, м., ст. 50, 63, 138
- Золотоноша, ст. 51
- Євпаторія, м. 266
- Єлізаветград, м., ст. 25, 51, 61, 63, 85-86, 106-197, 199, 244-245, 270
- Кавказ 9, 27, 152-153, 182, 306
- Казань, м. 10, 37
- Кам'янець-Подільський, м. 298
- Карловка, с. 125
- Катеринослав, м., ст. 35, 120, 125
- Київ, м., ст. 17-18, 20-21, 24-25, 27, 30, 48, 50-53, 55, 57-58, 62-64, 67-69, 71, 73, 75, 77, 79-81, 83, 91, 101, 103-104, 106, 108, 110, 112-113, 117-121, 125-126, 131-134, 137-140, 143-145, 153, 155-157, 160, 162, 164, 168, 172, 175, 177-178, 193, 197-200, 204, 208, 217-222, 225-226, 228-229, 231-232, 235-238, 241-244, 247-248, 251-253, 255, 258-259, 268, 270-271, 274-276, 278, 280-283, 286-289, 291-295, 297, 299-304, 307-313

- Ковель, м. 226
Конотоп, м. 111, 179-180, 301
Костянтиноград, м. 125
Краків, м. 11
Кременчук, м. 12, 187, 206, 295
Крути, ст. 51, 123-124, 131-132, 143, 144, 156, 241, 250, 258
Лозова, ст. 90, 121, 125, 133
Луцьк, м. 298
Люботин, м., ст. 128
Миколаїв 128
Миргород, м. 241
Михайлівський, хут. 181
Могилев, м. 143, 155, 302
Москва, м. 4-5, 27-28, 38, 55, 66, 89-90, 99, 113, 116, 121, 128, 146, 148-150. 154, 160, 214-215, 244-247, 250-251, 260, 274-276, 304-305
Мукден, м. 9
Навля, ст. 181
Ніжин, м. 284-285
Нікополь, м. 268
Німеччина 222, 248, 306
Новочерськаськ, м. 313
Одеса, м. 12, 51, 57, 85, 105-106, 108, 138, 151-152, 197, 210, 219, 243, 255, 267-268, 288, 302-303
Олександрівськ, м. 125
Павлоград, м. 125
Пенза 260

- Петроград, м. 4, 7, 12, 14, 57-58, 66, 111, 113, 116, 138, 151, 160, 198, 213, 218, 223, 225-226, 247, 253, 284, 287, 289, 312
- Полтава, м. 25, 52, 54, 56, 72-73, 75, 78, 104, 107, 110, 111, 113, 115, 122, 129, 133, 135, 140-142, 145, 179-180, 200, 205, 216-217, 226, 228, 232, 239-240, 244-246, 249, 257-261, 268-271, 277, 286, 295
- Помічна, ст. 270
- Проскурів, м. 298
- Рівне, м. 298
- Ромни, м., ст. 25, 66
- Рославль, м. 7
- Ростов на Дону, м. 262
- РСФРР, Росія, Російська імперія 248, 253-254, 272, 281
- Румунія 51, 91, 253
- Рязань 272, 274, 303
- Севастополь, м. 267
- Симбірськ, м. 38
- Синельникове, ст. 125
- Слободка, ст. 76, 157
- Сухоліс, ст. 57
- Таганрог, м. 226
- Тула, Тульська губернія 148, 305
- Умань, м., ст. 106, 187
- Фастів, м. 138, 197, 199, 211
- Феодосія, м. 267
- Харків, м., ст. 111, 119-120, 128-129, 140-143, 155, 180, 205, 214-216, 221, 227-228, 257, 261, 271, 274-277, 279-280, 287-288, 305

Христинівка, ст. 106, 200

Царицин, м. 27, 97, 256, 307

Царське Село, Петроград 212

Цвіткове, ст. 302

Черкаси, м., ст. 25, 58, 199, 260

Чернігів, м. 161, 183, 209, 297

Яготин, ст. 287

Ярославль, м. 7

Іменний покажчик

- Алексєєв В. 5, 41, 45
Александрович 98
Андрієва О.П. 10
Антонов (Овсієнко) В. 4, 14-16, 21, 24, 26-28, 41-44, 49, 94, 99, 105, 110, 112, 129, 131, 141, 145, 147, 150, 155, 196, 212, 220, 225-227, 261, 273-274, 276-279, 281-282, 296, 299, 306
Аросєв В. 235, 238
Артем (Сергєєв Ф.) 221
Асєєв 68, 77, 85, 138, 198
Ауссем В. 110, 111, 120, 141, 146, 162, 199, 222, 279, 293-296
Афонічев П. 121
Бабєнко 241
Бакин М. 139-140
Бакинський С. 23, 114, 141, 144, 211, 289
Барс П. 72, 77, 245, 250-251, 261-262
Бєзбарт 259
Бєленкович О. 122, 188, 232
Бєрдник 56, 58
Бєрзін Р. 28-29, 119-120, 143-144, 154, 162, 172-174, 177, 185, 191, 219, 279, 281, 290, 307, 309
Бірзе 97-98
Борзенко 165-167
Бош Є. 23, 28, 43, 129, 180, 184, 187, 194, 197, 210, 221, 223-225, 228, 230, 232, 276
Боярський 198, 291
Брусилов О. 12-13

Брусин 61

Бушев 71

Васильев Б. 76

Васильченко 221

Вербицький К. 91

Верстюк В. 40

Вишневський Ф. 139, 141

Віллер С. 113, 115

Володимир, Митрополит 31, 159, 162, 175, 270

Ганько 294

Гарчева Л. 39, 43

Голиков 290

Голубко В. 40

Гриневич Л.В. 40

Гузарський 114, 199, 230, 291, 298-299

Гучков О. 12

Дашкевич Я.Р. 40

Демін 69

Дзержинський Ф. 27, 97-98, 109, 256

Дибенко П. 99

Доброхотов 305

Доброхотова 305

Додонов 61-62, 124, 135-136, 196-201, 289, 307

Драгомирецький 68-69, 137

Дробніс 239

Духонін 262, 283

Єгоров П. 22, 25, 54-60, 62-65, 82, 84-86, 89-90, 114, 119, 123, 127, 130, 132-134, 136, 138, 141, 143, 144, 151, 153-154, 159, 185, 188-189, 194-195, 197-199,

- 219, 223, 225, 229, 241, 244-245, 249, 251-252, 258-260, 268, 271, 279, 282, 287, 289-290, 300-302, 309
Сгорьев 291, 298
Жаков М. 221
Жлоба Д. 126, 173, 287
Жуков Є. 133-134, 278
Журба 154
Зайцев 273
Заламаєв 197
Затонський В. 28, 30, 35, 194, 221, 226
Зейферт 289
Зелинський 289, 305
Зомбарт 131
Іванов 305
Каледін О. 147
Карпов 136, 229, 249, 269, 277
Керенський О. 12, 14, 91, 148-149, 205, 212
Кіквідзе В. 231
Кіндер 307
Клейман 128
Клименко 71, 245, 283
Ковалев 178
Ковенко 157
Козловський 260
Козюра С. 59, 63-64, 136, 205, 278
Колянчук О. 41
Коптелов С. 58, 64, 67, 197
Коренев 128-129
Коцюбинський Ю. 21, 23, 25-26, 28, 35, 105, 107-108, 111, 114, 117, 119-120, 123, 153, 177, 179, 185,

187, 188, 193-196, 200, 205, 209, 211, 223, 225-226,
231-232, 279, 281, 288, 297, 303

Краснов П. 99

Криленко М. 14, 33, 51, 281-282, 299

Кудинський 216

Кузьмін М. 114

Кулик І. 106-107, 186, 189, 300

Кульчицький С. 40

Куропаткін О. 8

Кустовський 165

Лapidус Є. 21, 25-26, 31, 66, 78, 86-87, 125, 129, 138,
153, 185, 196-197, 224, 252, 260, 269, 300, 302

Лапчинський Г. 20-21, 28, 110-111, 116, 120, 121,
123, 145, 189, 193-206, 207, 221, 222, 279, 285, 288

Ленін (В.І.Ленін, Н.Ленін, В.І.Ульянов) 14, 23-24,
27-29, 34, 36, 44, 61, 66, 135, 144, 183, 193, 196,
213-214, 244, 297, 299-300, 304

Литвин П. 229, 271, 275

Лісовська Н. 50, 56, 125, 136, 239, 246, 249, 259-260,
269

Лопатин 179-181

Лугановський 187

Лукін 150

Любинський 136, 206, 240, 271-272, 274, 296, 305

Майоров М. 230

Мангустов 129

Мандельштам 99

Мартьянов 279, 286

Массарик 298

Масюков П. 75

- Микола II, Імператор 8
Мислев 98
Міщенко 291
Міхневич 7
Медведев 227
Мойсеев С.І. 19, 21, 25-26, 29, 32, 64, 90, 121, 125,
127, 136, 153, 185, 192, 202, 210, 224, 240-242, 249,
252, 254, 260, 269, 279, 290, 300, 304
Муравйов М.А. скрізь по тексту
Муралов М.І. 28, 32, 56, 99, 101, 146, 154, 214, 256
Науменко К. 41
Небоженко 284
Неронович О. 113
Неронович Є. 113
Нікіфорова М. 201, 211, 289, 295
Николсон 192
Новомирський 151
Олександра Федорівна, Імператриця 11
Орджонікідзе С. 26
Павлов 232, 290, 300
Петлюра С. 127, 156, 160
Петрів В. 39
Петров 106
Пече 98
Печорин І. 4, 41-42
Пилиповецький Б. 263, 267, 303
Плеханов 114-115
Подвойський М. 212, 213, 282, 299
Покровський М. 152
Половинчаков 283

- Полупанов А. 203
Потураев 300
Примаков В. 28, 31, 143, 222-223, 226-227, 298
Пятаков Г. 26
Раузер 295
Рейнгард 248, 253, 255
Ремнев 19-20, 48, 105, 112, 114, 120, 136, 140, 141, 144, 152, 155, 158, 160, 172, 177, 180-181, 190-191, 195, 202-204, 219, 223, 229-232, 248, 252, 254, 262, 290-293, 307
Родіонов 76
Розенкамф 201
Ропсман А. 239, 246
Руденко 278
Саблін 217
Савинков Б. 13
Сахаров 205
Свердлов Я 14, 33, 212.
Семенов 181
Сергеев В. 176, 182
Ситін 82
Сіверс Р. 76, 106-107, 206, 217
Сівцов 230
Скоропадський П. 313
Скрипник М. 28, 35, 104, 109, 113, 120, 187, 209, 217, 224
Сливинський В. 268, 271
Смирнов 128, 181, 187
Соколов 287
Солдатенков В. 40

- Спиридонова М. 244-245
Сталін Й. 35, 210
Стасюк 278
Стахів М. 39
Степанов 174
Стогній 178, 231
Табаків І. 196, 246, 249, 256
Тезіков 58-59
Терентьев 136
Терещенко 296
Тинченко Я. 40
Троцький Л. 97, 182, 213-214, 233, 257, 304, 306
Тухачевський М. 38
Тягай І. 202, 204, 256
Удовиченко О. 39
Філімонов 274
Фейерабанд В. 23, 159-160, 189, 192, 290
Цвангер Л. 19, 48, 50, 257, 263
Цимберг 230
Чалий-Маршак 176
Черьомухін А. 128-129
Чинарова О. 32
Чорний Л. 98, 185-186, 245, 260-261, 306
Чудновський С. 101, 103, 114, 191, 231-232, 291-292
Шаров 180
Шахрай В. 228, 239
Шестопап 303
Шрейдер Т. 29
Шульман 272
Яковлев 49, 144, 155, 157, 190, 239, 279

Список ілюстрацій

1. М.А.Муравйов (вставка між с.6-7)
2. Ордер Всеросійської надзвичайної комісії при РНК РСФРР на арешт М.А.Муравйова. Квітень 1918 р. (вставка між с.27-28)
3. Лист голови ВЦВК Я.Свердлова до Слідчої комісії у справі М.А.Муравйова про припинення справи "за відсутністю складу злочину." 14 червня 1918 р. (вставка між с.35-36)

Зміст

Штрихи до портрета М.А. Муравйова	3-45
Документи	
Пояснення до археографічної публікації	47
1. Доповідь секретаря армійського комітету Першої революційної армії Люсиль Цвангер про діяльність М.А.Муравйова в Україні, <i>м. Москва, не раніше 19 березня 1918 р.</i>	48-50
2. Доповідь співробітниці політичного відділу Першої революційної армії Наталії Олексіївни Лісовської про діяльність М.А.Муравйова в Україні, <i>м.Москва, не раніше 19 березня 1918 р.</i>	50-56
3. Свідчення делегата з'їзду Першої революційної армії Бердника про конфлікт між П.Єгоровим, М.Муравйовим та армійським комітетом, <i>м. Москва, не раніше 19 березня 1918 р.</i>	56-58
4. Свідчення товариша голови комітету Першої революційної армії Сергія Коптелова у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва, не раніше 19 березня 1918 р.</i>	58-67
5. Свідчення товариша голови комітету Першої революційної армії Сергія Коптелова у справі М.А.Муравйова (продовження) без місця, <i>без дати.</i>	67-72
6. Свідчення делегата з'їзду Першої революційної армії від автоброневі команди	

“Іван Меркулов” Петра Барса про діяльність М.А.Муравйова в Україні, без місця, 19 березня 1918 р.	72-77
7. Доповідь члена комітету Першої революційної армії Єфіма Ісаковича Лапідуса у справі М.А.Муравйова, м. Москва, не раніше березня 1918 р.	78-87
8. Свідчення начальника 1-го Московського загону Прокофія Аполоновича Афонічева у справі М.А.Муравйова, м. Москва, не раніше березня 1918 р.	88-91
9. Доповідь уповноваженого Всеросійської колегії по організації та управлінню РСЧА в Донецькому басейні К.Б.Вербицького, без дати, без місця.	91-96
10. Свідчення голови Всеросійської надзвичайної комісії Фелікса Едмундовича Держинського у справі М.А.Муравйова, м. Москва, 5 травня 1918 р.	97-98
11. Лист Михайла Артемовича Муравйова В.О. Антонову-Овсієнку з проханням посприяти у звільненні з Таганської в’язниці, м.Москва, 5 травня 1918 р.	99-100
12. Лист організатора рабiтничої гвардiї Демiївського району м.Києва Самуїла Чудновського військовому комісару	

Московської області Миколі Івановичу Муралову про події в місті у січні 1918 р., м. Москва, 6 травня 1918 р.	101-103
13. Свідчення голови Всеукраїнського ЦВК радянської УНР Миколи Олексійовича Скрипника у справі М.А.Муравйова, м.Москва, 9 травня 1918 р.	104-109
14. Свідчення голови Всеукраїнського ЦВК радянської УНР Миколи Олексійовича Скрипника у справі М.А.Муравйова (продовження), м. Москва, 10 травня 1918 р.	109-113
15. Свідчення комісара військових сполучень півенно-західного фронту Саула Ефраїмовича Віллера про діяльність М.А.Муравйова та його військ в Україні, м.Москва, 10 травня 1918 р.	113-115
16. Свідчення народного секретаря радянської УНР Георгія Федоровича Лапчинського у справі М.А.Муравйова, м. Москва, 10 травня 1918 р.	116-121
17. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Сергія Ізмаїловича Мойсеева у справі М.А.Муравйова, м. Москва, 10 травня 1918 р.	121-127
18. Свідчення А.Черьомухіна у справі М.А.Муравйова, Ст.Индол Нижегородської залізниці, с.Тнусово. 11 травня 1918 р.	128-129
19. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Єфіма Ісаковича	

Лапідуса у справі М.А.Муравйова, м. Москва, 11 травня 1918 р.	129-138
20. Свідчення комісара ст. Київ-ІІ Товарна Франца Івановича Вишневського у справі М.А.Муравйова, м.Москва, 11 травня 1918 р.	139-140
21. Свідчення народного секретаря фінансів радянської УНР Володимира Християновича Ауссема у справі М.А.Муравйова, м.Москва, 12 травня 1918 р.	141-146
22. Свідчення військового комісара Московської області Миколи Івановича Муралова у справі М.А.Муравйова, м. Москва, 12 травня 1918 р.	146-154
23. Свідчення командуючого Другої революційної армії Рейнольда Йосиповича Берзіна у справі М.А.Муравйова, м.Москва, 13 травня 1918 р.	154-162
24. Спогади солдата 3-го авіаційного парку, коменданта Печерської Лаври Володимира Семеновича Сергеева про події в Києві восени 1917-взимку 1918 рр., м. Москва, без дати.	162-182
25. Лист Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення голові РВР РСФРР Льву Давидовичу Троцькому з питаннями у справі М.А.Муравйова, м.Москва, 13 травня 1918 р.	182-183
26. Лист Слідчого відділу Комісаріату	

публічного звинувачення голові РНК РСФРР В.І.Леніну з проханням надати протокол проведеної за його розпорядженням і в його присутності очної ставки між М.Муравйовим та Мойсеєвим, <i>м.Москва, 13 травня 1918 р.</i>	183-184
27. Лист Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення секретареві внутрішніх справ радянської УНР Є.Б.Бош з проханням дати свідчення у слідчій справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва 13 травня 1918 р.</i>	184-185
28. Заява анархіста Льва Чорного у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва 16 травня 1918 р.</i>	185-186
29. Свідчення начальника Уманського загону Івана Юліановича Кулика у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 16 травня 1918 р.</i>	186-189
30. Свідчення начальника штабу Другої революційної армії Вольфганга Августовича Фейерабенда у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 16 травня 1918 р.</i>	189-192
31. Свідчення члена комітету Першої революційної армії Сергія Ізмаїловича Мойсеєва у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 17 травня 1918 р.</i>	192-202
32. Заява члена Колегії з евакуації Півдня Росії І.Тягая у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 18 травня 1918 р.</i>	202-204

33. Свідчення народного секретаря у військових справах радянської УНР Юрія Михайловича Коцюбинського у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 18 травня 1918 р.</i>	205-211
34. Свідчення головнокомандувача військ по боротьбі з контрреволюцією на півдні Росії Володимира Олександровича Овсієнка (Антонова) у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 19 травня 1918 р.</i>	212-221
35. Свідчення народного секретаря освіти радянської УНР Володимира Петровича Затонського у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 20 травня 1918 р.</i>	221-227
36. Свідчення командира полку Червоного козацтва Віталія Марковича Примакова у справі М.А.Муравйова, <i>м.Москва, 20 травня 1918 р.</i>	227-233
37. Лист голови Реввійськради РСФРР Льва Давидовича Троцького до Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення з відповідями на питання у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва, 20 травня 1918 р.</i>	233-234
38. Спогади поручика 79-го Куринського полка Вячеслава Яковича Аросева про здобуття радянськими військами Києва у січні 1918 р., <i>м. Москва, 21 травня 1918 р.</i>	235-238
39. Свідчення члена політичного відділу Першої революційної армії Наталії	

Олексіївни Лісовської у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва, 22 травня 1918 р.</i>	239-246
40. Свідчення комісара продовольства на ст. Лозова і Синельникове Іннокентія Григоровича Табакова у справі М.С.Муравйова, <i>м. Москва, не раніше 23 травня 1918 р.</i>	246-249
41. Свідчення комісара продовольства на ст. Лозова і Синельникове Іннокентія Григоровича Табакова в справі М.С.Муравйова (продовження), <i>м. Москва, 23 травня 1918 р.</i>	249-256
42. Лист голови ВЧК Фелікса Едмундовича Дзержинського до Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення з відповідями на питання у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва, 24 травня 1918 р.</i>	256-257
43. Свідчення секретаря армійського комітету Першої революційної армії Люсиль Цвангер у справі М.А.Муравйова, <i>м. Москва, 25 травня 1918 р.</i>	257-263
44. Свідчення солдата 1-го Одеського полку Бориса Пилиповецького у справі М.А.Муравйова, <i>м. Пенза, 25 травня 1918 р.</i>	263-267
45. Свідчення казначея Першої революційної армії Володимира Костянтиновича Сливинського у справі М.А.Муравйова, <i>м.</i>	

<i>Москва, 28 травня 1918 р.</i>	268-271
46. Протокол допиту П.Литвина Слідчою комісією у справі М.А.Муравйова, м. <i>Москва</i> , 10-11 червня 1918 р.	271-275
47. Свідчення головнокомандувача радянських військ в Україні Михайла Артемовича Муравйова, м. <i>Москва</i> , 5-7 червня 1918 р.	275-308
48. Доповідь М.А.Муравйова про здобуття радянськими військами Києва у січні 1918 р., без місця, без дати.	309-315
Географічний покажчик	316-320
Іменний покажчик	321-327
Список ілюстрацій	328

Наукове видання

**Гриневич В.А., Гриневич Л.В. СЛІДЧА СПРАВА
ГОЛОВНОКОМАНДУВАЧА РАДЯНСЬКИХ
ВІЙСЬК В УКРАЇНІ М.А.МУРАВЙОВА:
Документована історія. - К.: Інститут історії України
НАН України, 2001. – 336 с., іл.**

**Науковий рецензент - доктор історичних наук,
професор С.В.Кульчицький**

У книзі представлені матеріали Слідчого відділу Комісаріату публічного звинувачення РСФРР у справі головнокомандуючого радянських військ в Україні М.А.Муравйова, що була порушена проти нього навесні 1918 р. Документи відтворюють невідомі епізоди війни радянської Росії проти УНР Центральної Ради взимку 1917 - навесні 1918 рр., розкривають специфіку соціальної психології та політичних настроїв муравйовських військ. Розрахована на науковців, студентів вищих навчальних закладів, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією.

Підписано до друку 11.12. 2001. Формат 60x84 1/16
Ум.друк.арк. 19.5 Обл.вид.арк. 41,84
Тираж 200. Зам. 236 2001 р. Ціна договірна
Поліграф.д-ця Ін-ту історії України НАН України
Книг-1, Грушевського, 4